

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный и методический журнал

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

№ 1 (27) 2018

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2018

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИНЦ
(регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Балсевичуте-Шлякене Виргиния, д-р гуман. наук, профессор, профессор Вильнюсского государственного педагогического университета (Литва, Вильнюс);

Бразговская Елена Евгеньевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Пермь);

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург);

Гурленова Людмила Викторовна, д-р филол. наук, профессор, директор института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Жеребцов Игорь Любомирович, д-р исторических наук, старший научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН (Россия, Сыктывкар);

Зюев Николай Федосеевич, д-р философ. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто, председатель комитета по образованию общества «Little Russia» (Канада, Торонто);

Леонов Иван Владимирович, д-р культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, сопредседатель Санкт-Петербургского и Ленинградской области отделения Научно-образовательного культурологического общества (Россия, Санкт-Петербург);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Муравьев Виктор Викторович, д-р философ. наук, доцент, профессор каф. культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Сотникова Ольга Александровна, д-р педагогических наук, и.о. ректора Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Сулимов Владимир Александрович, д-р культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Скотт Тое, д-р философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Осло, Норвегия);

Сурво Арно, д-р философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, д-р философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тульчинский Григорий Львович, д-р философ. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Шабаев Юрий Петрович, д-р ист. наук, профессор, зав. отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН (Россия, Сыктывкар);

Шапинская Екатерина Николаевна, д-р философ. наук, профессор, зам. руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва).

Редакция журнала

В. А. Сулимов, В. В. Муравьев, О. В. Золотарев, Л. В. Гурленова.

Главный редактор В. А. Сулимов

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, начальник отдела планирования организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Гудырева Любовь Васильевна, канд. филол. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Вокуев Николай Евгеньевич, канд. культурологии, доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,

г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: vasulimov@mail.ru

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782.

Подписка через сайт «Пресса по подписке» www.akc.ru.

Свободная цена

Стоимость подписки 618 руб. на полгода.

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Философия культуры

- Круглова Л. К.** Антропологическое направление в российской культурологии: итоги и перспективы. Часть 2
Kruglova L. K. Anthropological direction in Russian culturology: results and perspectives.....6
- Муравьев В. В.** Культурные комплексы детерминации воспроизводства населения северных регионов
Muravyev V. V. Cultural systems of northern regions population dynamics determination..... 19
- Сулимов В. А.** Самоотрансценденция и преодоление: аспекты смысловой деятельности
Sulimov V. A. Self-transcendence and overcoming: aspects of semantic activity..... 40

Культурология

- Мельникова А. Ю.** Троллинг как новая форма остранения в молодежной культуре
Melnikova A. U. Trolling as a new form of ostranenie in youth culture 49
- Котылев А. Ю., Лобанова М. М.** Мотив выхода за пределы социокультурного пространства в романах А. Иванова и Д. Быкова
Kotylev A. Yu, Lobanova M. M. The motive of going beyond the sociocultural space in the novels of A. Ivanov and D. Bykov 60
- Люсий А. П.** Глобальный трюкач реконструкции: экран как историческое убежище, пародия и производство киборгов
Liusyi A. P. Global recycle reconstruction: the screen as a historical refuge, a parody and the production of cyborgs..... 70
- Дорогова Л. Н., Скрипачева И. А.** К вопросу о разнообразии маркеров социальных настроений в обществе (историко-культурологический аспект)
Dorogova L. N., Skripatcheva I. A. On the issue of the diversity of markers of social sentiments in society (historical and cultural aspect)..... 84

Шиндина О. В. Утопический проект нового человека:
культурно-антропологический и пространственный аспекты
(на примере прозы В. Каверина)
Shindina O. V. Utopian project of new man:
cultural-anthropological and spatial aspects
(on example of V. Kaverin's prose) 95

Иванищева О. Н. Специфика методологического подхода
к исследованию исчезающего языка коренного народа Севера
Ivanishcheva O. N. Specific Characteristics of the Methodological
Approaches for Studying the Endangered Language
of a Northern Ethnic Group 112

Шахов В. А. Интеграционные процессы
в российском регионе Юго-Восточной Балтии:
Адекватность осмысления культурных концептов
Shakhov A. V. Integration processes
in the russian region of southeastern Baltic:
the adequacy of understanding of cultural concepts 124

Педагогика

Мигунова С. С. Этапы решения учебной проблемы
на уроках русского языка
Migunova S. S. The stages of solving educational problems
at the Russian language lessons 134

Салыгина И. А. Профессиональное сообщество обучения как путь
реализации национальной системы учительского роста
Salygina I. A. Английский вариант Профессиональное сообщество
обучения как путь реализации национальной 145

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

Л. К. Круглова

Антропологическое направление в российской культурологии: итоги и перспективы Часть 2

Антропологическое направление в культурологии базируется на понимании культуры как способа саморазвития человека. Главным итогом развития этого направления является то, что в настоящее время среди целей государственной политики на первое место поставлено формирование гармонично развитой личности. Перспективы развития антропологического направления в культурологии автор статьи видит в том, чтобы антропологический принцип был использован для наведения мостов между культурологической теорией и практикой. Это означает, что главным критерием аналитической, экспертной и проектной деятельности в сфере культуры должна стать не экономическая, а человекотворческая эффективность, то есть оценка различных культурных феноменов и проектов с точки зрения того, что они дают человеку, на формирование каких человеческих качеств и свойств они нацелены.

Ключевые слова: антропологическое направление, антропологический принцип в культурологии, антропологическая структура культуры.

L. K. Kruglova. Anthropological direction in Russian culturology: results and perspectives.

Anthropological direction in culturology is based on understanding of culture as a way of self-development of a person. The main result of the development of this direction is that at the present time the formation of a harmoniously developed person is placed first among the goals of state policy. Prospects for the development of anthropological direction in cultural studies the author sees in the fact that the anthropological principle was used to build bridges between cultural theory and practice. This means that the main criterion for analytical, expert and project activities in the sphere of culture should be not economic, but human-creative effectiveness, that is, the evaluation of various cultural phenomena and projects in terms of what they give to a person, what kind of human qualities and properties they are targeted.

Keywords: *anthropological direction, anthropological principle in culturology, anthropological structure of culture.*

Приступая к изложению своих взглядов относительно возможности решения проблем, о которых речь шла в 1-й части данной статьи, я должна отметить, что, я как и многие другие в 70—80-е годы, находилась под влиянием Э. С. Маркаряна и М. С. Кагана. Этому способствовали и внимательное чтение их книг, которые, как правило, становились предметом бурных обсуждений, и участие в научных конференциях, где их выступления были «гвоздем» программы, и личные контакты. Одним из ярких эпизодов этого периода была для меня совместная с М. С. Каганом работа: рецензия на книгу грузинских ученых «Культура в свете философии» [11]. Однако отправной точкой в формировании моей концепции явилась не только проблема культуры как таковая, но и антропологическая философия и философская антропология, о чем свидетельствует тема моей кандидатской диссертации «Антропологическая философия П. Л. Лаврова» [15], защищенной в 1973 г. Работая в этом проблемном поле, я пришла к выводу, что о человеке мало что можно сказать, не говоря о культуре, а о культуре, в свою очередь, мало что можно сказать, не говоря о человеке. Выйти из ситуации замкнутого круга позволял подход к определению культуры как способу саморазвития человека, поскольку при таком подходе человек и культура сразу оказывались связанными воедино. Однако сразу вслед за этим воз-

никал вопрос, как именно происходит процесс саморазвития человека и при чем здесь культура. Ответ, как кажется, напрашивается сам собой: культура развивает то, что делает человека человеком, т. е. некие человеческие силы, те самые, которые К. Маркс назвал сущностными силами человека.

Выше уже шла речь о том, что Э. С. Маркарян, отмечая факты употребления этого понятия в отечественной литературе, говорил о необходимости его операционализации, без чего оно оставалось мало пригодным для научного употребления. Надо признать, что попытки решить эту проблему предпринимались многими авторами. Среди них — Л. Н. Коган [13], В. Н. Сагатовский [44], В. К. Шановский [48]. В своей работе «Философия культуры» концепт «сущностные силы человека» использовал и М. С. Каган [12, с. 143—152]. При всех отличиях концепций, предложенных названными авторами, в них содержалось нечто общее, заключавшееся в том, что необходимыми элементами структуры сущностных сил человека признавались способности, потребности, интересы, знания, умения. Однако тут возникали новые трудности: во-первых, предложенные понятия обозначали феномены, связанные не только с человеком, но и с животными (например, способности, потребности, умения), а во-вторых, и это главное, они были малопригодны для культурологического анализа, т. е. для изучения истории культуры, построения типологии культуры, компаративистских исследований и т. д. Совокупное содержание понятий «способности, потребности, интересы, знания, умения человека» бесконечно велико по своему объему. Способности к чему? Потребности в чем? И т. д. и т. п. Работая в этом бескрайнем предметном поле и не имея каких-либо ориентиров, культуролог неизбежно будет метаться из стороны в сторону. Чувствуется, что понятия «способности», «потребности», «интересы», «знания», «умения», через которые предполагалось конкретизировать и операционализировать понятие «сущностные силы человека», сами нуждаются в конкретизации и операционализации.

Одну из возможностей решения этой проблемы я усматривала и усматриваю в том, чтобы оттолкнуться от идеи принципиальной двойственности человека. Так, человек представляет собой противоречивое единство таких начал, как телесное и духовное (тело и дух);

объектное и субъектное (тварное и творческое); индивидуальное и универсальное (микрокосм и макрокосм, я и универсум; я и род); общественное и личное (наше и мое; эгоизм и коллективизм); биологическое и социальное (животное и личность). Существенной особенностью человека является и внутренняя противоречивость его духовного мира. Это знаменитое противоречие ума и сердца, т. е. эмоционального и рационального.

Каждая из названных категорий обозначает сущностную силу человека, т. е. целый комплекс специфических способностей, потребностей, интересов, умений, навыков, которые делают человека человеком. Изучение культуры показывает, что каждое конкретное общество имеет далеко не одинаковые потребности и возможности развития сущностных сил человека, в соответствии с этим выстраивается культура данного общества: она блокирует одни из сущностных сил, стимулирует другие, вызывает к жизни те, которые не были потребны и, соответственно, не развивались ранее.

Этот ансамбль сущностных сил человека, культивируемых на том или ином этапе развития той или иной региональной, национальной или этнической культуры, образует некую невидимую структуру. Для обозначения этого феномена я использую авторский концепт «антропологическая структура культуры».

Операциональное значение представленной выше схемы структуры сущностных сил человека, раскрывающей содержание концепта «антропологическая структура культуры», заключается в том, что она может использоваться как своего рода «таблица Менделеева», с помощью которой можно «вычислить формулу» любой региональной, национальной, этнической культуры.

На этой же базе возможно и построение исторической типологии культуры, то есть выявление наиболее характерных черт известных нам исторических типов культуры.

Анализ исторических типов культуры на основе концепта «антропологическая структура культуры» позволяет установить, что каждый из них внёс и вносит свой вклад в развитие сущностных сил человека. Исходя из этого культуру можно определить как систему способов и результатов развития сущностных сил человека, функционирующую в целях удовлетворения потребностей общества, отдельных социальных групп и личности [16, с. 155].

Необходимое условие максимально плодотворной реализации возможностей антропологического подхода — это превращение его в антропологический принцип построения культурологического знания. Это станет возможным в том случае, если антропологический подход в его развитом, концептуально оформленном виде будет использоваться на всех этапах изучения культуры: при исследовании её структуры и функций, её истории и, что особенно важно, при построении модели должного состояния культуры.

Реализация этой программы является главным направлением научных исследований автора данной статьи, начиная с подготовительной работы над докторской диссертацией (70-е годы XX в.) и по сей день. Результаты отражены в ряде учебников и учебных пособий [17], а также в монографии «Человек и культура». Содержание этих работ полностью выстроено на основе антропологического принципа [16, 16а, 17].

Кроме того, в серии статей автора раскрывается как общий смысл и значение антропологического принципа в культурологии [18, 22, 27, 30, 31, 35], так и возможности его использования для решения конкретных проблем, среди них проблемы массовой культуры [19], корпоративной культуры [20], туризма [21], рекламы [22, с. 194], университетского образования [23], национальной безопасности [32, 33, 34], культурной политики [24]. На основе антропологического принципа в культурологии автором данной статьи сформулирована концепция универсального гуманизма как нового цивилизационного принципа [25], начата разработка нового направления в гуманитаристике — социокультурной антропоэкологии [26].

Надо отметить, что концепт «антропологическая структура культуры», являющийся базовым для антропологического принципа в культурологии, весьма успешно использован в ряде диссертаций, не только культурологических [1;45], но и историко-философских [5].

Весьма перспективным, как представляется, является такое направление культурологических исследований, как изучение антропологической структуры различных субкультур, в том числе профессиональных. Например, интересные результаты может дать изучение антропологической структуры морской культуры.

Рассматривая с этой точки зрения морскую культуру в синхронном аспекте, можно констатировать, что она не допускает блокирования какой-либо из названных выше сущностных сил человека и требует развития каждой из них в их разнообразии и единстве. Это является следствием специфики морской деятельности, осуществляющейся в условиях постоянной опасности, требующей постоянного взаимодействия со всеми природными стихиями (вода, воздух, земля, огонь) и вплетенной в сложную сеть социальных отношений. Если же рассматривать антропологическую структуру морской культуры в диахронном, т. е. во временном аспекте, то здесь можно констатировать возрастание требований к уровню развития всех сущностных сил человека, что связано с научно-техническим прогрессом, постоянным расширением пространства морской деятельности.

Вероятно, аналогичные результаты может дать анализ антропологической структуры профессиональной культуры работников воздушного транспорта, службы МЧС, медицинской сферы и т. д. В связи с этим возникает вопрос о специфике и совершенствовании подбора и подготовки кадров в названных сферах деятельности.

В то же время анализ антропологической структуры профессиональной культуры работников, занятых, например, в конвейерных производствах, показывает, что в этой сфере происходит блокирование таких сущностных сил человека, как субъектное, индивидуальное. Отсюда возникает проблема компенсаторных средств, устраняющих угрозу однобокого, негармоничного развития личности.

Практическая необходимость антропологического поворота в культурологии обусловлена содержанием тех целей и задач, которые сформулированы в двух основополагающих документах: «Основах государственной культурной политики», утвержденных указом Президента РФ 24.12.2014 г., и «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20.02.2016 г. № 326р. В обоих документах среди целей государственной культурной политики на первое место поставлено «формирование гармонически развитой личности» [42].

В связи с этим можно констатировать, что идея о неразрывной связи проблемы культуры и проблемы человека нашла признание на государственном уровне, в чем состоит и немалая заслуга культуроло-

логического сообщества, которое в различных формах высказывало эту идею в ходе обсуждения указанных выше документов.

Культурология, выстроенная на основе антропологического принципа, может служить теоретической базой практического решения глобальных проблем современности. Среди них обычно называют такие, как кризисное состояние экономики и окружающей человека природной среды, непрекращающиеся локальные войны, терроризм и антропологический кризис, который выражается в неспособности человека адаптироваться к изменяющейся действительности, неспособности решать все названные проблемы. Это обстоятельство заставляет предположить, что антропологический кризис, о котором обычно говорят в последнюю очередь, должен стоять на первом месте в ряду глобальных проблем современности. А поскольку творение человека — это миссия культуры, то становится очевидным, что именно она должна сыграть главенствующую роль в преодолении всех многообразных кризисов и в поиске путей развития человечества [27].

Одним из самых ёмких понятий, характеризующих современную социокультурную ситуацию, является понятие «глобальная культура». Оно имеет по меньшей мере три смысловых аспекта: глобальную культуру как реальность, глобальную культуру как процесс и, наконец, глобальную культуру как проект. В этом последнем смысле понятие «глобальная культура» совпадает с понятием «теоретическая модель должного состояния культуры». В её создании, а следовательно в проектировании будущего человечества, решающая роль принадлежит культурологии как науке о человеке и культуре [28]. И именно такая, человекоориентированная, культурология может и должна занять достойное место в образовании всех уровней и направлений [29] и в просветительской работе. Таким образом, человекоориентированная культурология становится одновременно и практикоориентированной, а в этом залог востребованности и культурологии, и культурологов.

Однако тем не менее следует признать, что идея о возможности применения антропологического принципа в культурологии еще не имеет сколько-нибудь значимого резонанса. Более того, антропологическая проблематика вообще еще не заняла достойного места в культурологических исследованиях. Это можно отчасти объяснить

тем, что культурология — молодая наука и поэтому ей свойственно стремление вести себя «по-взрослому». В связи с этим особую привлекательность имеет, например, семиотический подход к пониманию культуры, с позиций которого культура трактуется как система знаков, кодов, шифров, образующая искусственно созданную человеком реальность. Семиотический подход открывает возможность формализации языка культурологии, что придает ей весьма почтенный вид «настоящей», «строгой» науки. Следует признать, что семиотический подход действительно имеет большой познавательный потенциал, поскольку он обращает внимание на знаково-символическую форму, в которую облекается содержание ценностей той или иной культуры. Однако основания, в соответствии с которыми формируется и изменяется это содержание, остаются с точки зрения семиотического подхода вне зоны видимости. На эти вопросы отвечает антропологический подход, благодаря которому становится ясным, что смысловое ядро ценностей любой культуры формируется в зависимости от того, какой человек нужен тому или иному обществу и соответственно той или иной культуре, каковы его главные черты и свойства.

Возможности плодотворного сочетания семиотического и антропологического подходов в культурологии убедительно показаны в работах В. А. Сулимова и И. Е. Фадеевой [46].

Подводя итоги, следует отметить, что антропологическое направление в российской культурологии имеет определенные достижения. Главным из них является то, что в настоящее время среди целей государственной культурной политики на первое место поставлено формирование гармонически развитой личности. Это означает, что идея о неразрывной связи человека и культуры нашла подтверждение на государственном уровне. Что касается перспектив развития антропологического направления в культурологии, то они, как представляется, заключаются в том, чтобы антропологический принцип был использован для наведения мостов между культурологической теорией и практикой. В соответствии с этим главным критерием аналитической, экспертной и проектной деятельности должна стать не экономическая, а человекотворческая эффективность, то есть оценка различных культурных феноменов и проектов с точки зрения того, что они дают человеку, на формирование каких человеческих качеств и свойств они нацелены.

О значении антропологической проблематики для решения насущных проблем современности очень ярко свидетельствует тема XXIV Всемирного философского конгресса «Учиться быть человеком». Он состоится в августе 2018 года в Пекине (КНР). В предварительных материалах к нему говорится: «Конгресс 2018 г., имеющий несколько взаимосвязанных целей, делает акцент на изучение многомерности человека и пытается ответить на угрозы, с которыми столкнулось человечество».

Совершенно очевидно, что культурология как наука, имеющая глубокие антропологические основания, которые отчетливо выявляются в свете аксиоматического положения «человек есть творец и творение культуры», должна сказать своё веское слово в решении проблем, стоящих перед человеком и человечеством.

* * *

1. Барановская С. А. Театр в культуре детства: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2011. 27 с.

2. Бондарев А. В. «Третье рождение культурологии»: вклад Маркаряна в разработку культурологической теории культуры // Маркарян Э. С. Избранное: наука о культуре и императивы эпохи. Центр гуманитарных инициатив. М.; СПб., 2014. С. 583—625.

3. Бидни Д. Концепция культуры и некоторые ошибки в её изучении// Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПб. университета, 2006. С. 57—90.

4. Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПб. университета, 2006. С. 171—202.

5. Дядина Е. А. Проблема человека и культуры в философии Б. П. Выше-славцева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000. 20 с.

6. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.

7. Каган М. С. Се человек: рождение, жизнь и смерть в «волшебном зеркале» изобразительного искусства. СПб., 2001

8. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 383 с

9. Каган М. С. Антропологические аспекты культуры // Культурология: учебник под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Юрайт-Издат, 2005. 566 с.

10. Культурология: учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Юрайт-Издат, 2005. 566 с.

11. Каган М. С., Круглова Л. К. Культура в свете философии. Тбилиси: Хеловнеба, 1979. 320 с. Рец. // Философские науки. 1980. № 6. С. 154—156.

12. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. С. 143—152.

13. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984, 252 с.

14. Кондаков И. В. Современное состояние наук о культуре в России: достижения и перспективы // Мир культуры и культурология: Альманах научно-образовательного культурологического общества России. Вып. 4. СПб., 2015. С. 10—17.

15. Круглова Л. К. Антропологическая философия П. Л. Лаврова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1973. 35 с.

16. Круглова Л. К. Культурология. СПб, 2008. 502 с.

16а. Круглова Л. К. Человек и культура: монография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 397 с.

17. Круглова Л. К. Основы культурологии. СПб., 1995, 1997, 1998, 2000. 395 с.; Круглова Л. К. Теория культуры: в 3 ч. СПб.: СПбГУВК, 2009.

18. Круглова Л. К. Интегративная роль антропологического принципа в культурологии // Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов: сб. статей. М.: РГГУ, 2001. С. 295—301.

19. Круглова Л. К. Многоликость массовой культуры и дети // Тинэйджеры в современном социуме: инвариантность и лабиринты: Сб. науч. тр. СПб.: Астерион, 2014. С. 37—42.

20. Круглова Л. К. Корпоративная культура как вызов современности: методологический аспект // Философия культуры и культурология: вызовы и ответы. СПб., 2007.

21. Круглова Л. К. Человекотворческий потенциал туризма // Человек познающий, Человек создающий, Человек верующий: Сб. ст. Ред. Ю. Н. Солонин (пред. и др. СПб.: Изд-во СПбГУ. Вестник СПбГУ. 2009. Спец. вып.). С. 456—469.

22. Круглова Л. К. Концепт «антропологическая структура культуры»: эвристический и методологический потенциал // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. СПб., 2012. Вып. II. С. 194—205.

23. Круглова Л. К. Концепты «идея университета», «миссия университета», «университет в руинах»: культурологический анализ. Ч. 1, 2, 3 // Вопросы культурологии. 2016. № 2. С. 62—68; № 3. С. 59—65; № 4. С. 46—52.

24. Круглова Л. К. Антропологический принцип в культурологии как теоретико-методологическая основа культурной политики // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. СПб., 2011. Вып. 1. С. 241—256.

25. Круглова Л. К. Универсальный гуманизм как принцип решения проблемы разнообразия и единства культур // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества: сб. научных статей. СПб.: Изд. СПбКО, 2010. С. 134—138.

26. Круглова Л. К. Социокультурная антропоэкология. СПб.: СПбГУВК, 2000. 74 с.; Круглова Л. К. Человек-природа-общество-культура: социокультурная антропоэкология: монография / Гос. университет морского и речного флота им. адм. С. О. Макарова. СПб., 2013. 118 с.

27. Круглова Л. К. Креативный потенциал культурологии как теоретической основы практического решения глобальных проблем современности // Культурологическая парадигма. Вып. 1. Познавательные возможности культурологии. М.: Согласие, 2011. С. 90—103.

28. Круглова Л. К. Проект глобальной культуры: pro et contra // Семиозис и культура: интеллектуальные практики: монография. Сыктывкар, 2013. Гл. 2. С. 56—63.

29. Круглова Л. К. Культурология в технических вузах: статус и престиж, теория и практика // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. СПб., 2013. Вып. III. С. 288—292.

30. Круглова Л. К. Актуальные проблемы теории культуры // Философские науки. 1986. № 5.

31. Круглова Л. К. К вопросу об историко-культурной типологии // Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности: материалы всесоюз. науч. конф. М., 1978. Ч. I.

32. Безопасность: философско-культурологический аспект // Безопасность водного транспорта: труды международной научно-практической конференции. СПб., СПГУВК, 2003. Т. 1.

33. Круглова Л. К. Культура как ресурс национальной безопасности // Актуальные проблемы современного культурологического знания: глобальный мир в культурологическом измерении: Всероссийская научная конференция 27 марта 2012 г. Москва, МПГУ: Доклады и материалы / отв. ред. О. А. Жукова, Т. Ф. Кузнецова. Люберцы: Гуманитарно-социальный институт, 2012.

34. Круглова Л. К. Ценностные горизонты российской культуры в аспекте проблемы национальной безопасности // Ценностные горизонты российской культуры: сб. статей. СПб., 2012. С. 167—182.

35. Круглова Л. К. Антропологический поворот и антропологический принцип в философии и культурологии: исторические модификации. Ч. 1, 2 // Вопросы культурологии. 2016. № 9. С. 35—41; № 10. С. 29—36.

36. Маркарян Э. С. Инварианты самоорганизации и проблемы эколого-энергетического исследования общества // Маркарян Э. С. Избранное: наука о культуре и императивы эпохи / отв. ред. и сост. А. В. Бондарев / Центр гуманитарных инициатив. М.; СПб., 2014. С. 175.

37. Маркарян Э. С. Наука о культуре и императивы эпохи. Ч. 3. Традициология как наука о законах трансформационных циклов жизненного опыта людей // Маркарян Э. С. Избранное: наука о культуре и императивы эпохи. Центр гуманитарных инициатив. М.; СПб., 2014.

38. Маркарян Э. С. Наука о культуре и императивы эпохи. Ч. 5. Комплексные социокультурные проекты // Маркарян Э. С. Избранное: наука о культуре и императивы эпохи / Центр гуманитарных инициатив. М.; СПб., 2014. С. 433—560.

39. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука // Маркарян Э. С. Избранное: наука о культуре и императивы эпохи. Центр гуманитарных инициатив. М.; СПб., 2014. С. 200—432.

40. Мосолова Л. М. Культурология в современной России. Публичная лекция в санкт-петербургском Доме учёных, 01.11.2016, посвященная памяти М. С. Кагана // Вопросы культурологии. 2016. № 12. С. 8—19

41. Мостова Л. А. Бидни Дэвид // Культурология. XX век: энциклопедия. СПб.: Университетская книга; Алатейя, 1998. Т. 1. С. 71.

42. Основы государственной культурной политики. URL: <http://base.garant.ru/70828330/> С.6; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. URL: <http://government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IхP7f2xm.pdf>.

43. Оствальд В. Т. Наука и культура // Мир культуры и культурология. Альманах научно-образовательного культурологического общества России. СПб.: Изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2010. Вып. 1. С. 57—68.

44. Сагатовский В. Н. Сущностные силы человека // Человек: деятельность, творчество, стиль мышления. Симферополь, 1987.

45. Сиргия А. С. Творчество Шри Раджниша в контексте взаимодействия культур Востока и Запада.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб, 2014. 24 с.

46. Сулимов В. А., Фадеева И. Е. Семиозис: антропология символической реальности. СПб.: Астерион, 2013. 251 с.

47. Уайт Л. Наука о культуре // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПб. университета, 2006. С. 141—156.

48. Шановский В. К. Диалектика сущностных сил человека. Киев: Вища школа, 1985. 171 с.

УДК 2: 314.17

В. В. Муравьев

Культурные комплексы детерминации воспроизводства населения северных регионов

Аксиологической моделью развития северного населения, идеальной целью демографической политики является установление порядка воспроизводства человека, при котором население находится в гармонии с природной средой Севера, а пищевые ресурсы, искусственные компоненты антропогеоценозов обеспечивают всеобщую умеренную реализацию витальных потребностей индивидов в еде, репродукции, здоровье, достижении естественных пределов продолжительности жизни.

Ключевые слова: население Севера; культура и демографические процессы; рождаемость, смертность, заболеваемость, миграции.

V. V. Muravyev. Cultural systems of northern regions population dynamics determination.

The axiological model of the development of northern population, the ideal goal of demographic policy is the establishment of the order of human reproduction, in which the population is in harmony with the natural environment of the North, food resources, artificial components of habitat provide moderate realization of vital needs in food, reproduction, health, reaching natural limits of human life expectancy.

Keywords: population of the North; culture and demographic processes; birth rate, mortality, morbidity, migration.

Все в мире имеет свои место, начало и конец. Галактики, звезды, планеты, океаны и горы, покрывающие земную поверхность, гигантские животные и невидимые глазу простейшие организмы. Возникновение всякой вещи предполагает неизбежность ее пространственного существования и будущего исчезновения. «Ветхий завет» начинается с описания творения мира. В «Новом завете» провозглашается: «Впрочем, близок всему конец» [Библия. 1-е Петра 4: 7].

Человек подчинен этому общему закону бытия. Он рождается, проживает жизнь на каком-то участке поверхности своей планеты и умирает. В «Коране» сказано: «Благословен тот, в руках которого власть и который властен над всякой вещью, который создал смерть и жизнь, чтобы испытать вас, кто из вас лучше по деяниям» [Сура 67. Власть: 1—2]. Из людей только таинственный Мелхиседек не имел ни отца, ни матери, ни начала своих дней, ни конца жизни [Библия. Евреям 7:3].

Местом пребывания части населения Земли является территория Севера. Как рождаются северяне и по каким причинам они уходят из жизни? Каковы характеристики расселения и миграций северного населения? Каким заболеваниям подвержены организмы жителей северных регионов и в чем природа этих болезней? Эти вопросы, мысли и переживания рождаются в головах тех, кто задумывается о многовековом процессе смены поколений северных народов. Эти и другие находящиеся в связи с ними проблемы исследуют специалисты различных областей знания — истории, биологии, медицины, демографии, социологии и культурологии.

Исследование факторов динамики народонаселения северных регионов может осуществляться в онтологическом, праксиологическом и аксиологическом направлениях. Изучение онтологического аспекта проблемы позволяет реконструировать четыре культурных комплекса детерминации демографических параметров. Это микроклиматическая, алиментарная, санитарная и репродуктивная системы культурных факторов демографических процессов.

Северный *микроклиматический* комплекс исторически складывается в результате распространения жилищ и одежды первых переселенцев. Северяне способны производить средства защиты от неблагоприятных влияний среды, строя жилища. Они лишаются защиты от опасных климатических воздействий, покидая помещения. Отсутствие такой защиты призвана компенсировать одежда. Благодаря строительству жилья, использованию одежды и обуви качественно снижается относительная доля болезней, вызванных регулярными лимитирующими природными воздействиями.

Существует группа абиотических и биотических факторов среды, необходимых для сохранения жизни. Воздействие некоторых из них имеет постоянный, регулярный характер. Многие периодиче-

ские экологические факторы обусловлены положением северных регионов по отношению к Солнцу. В соответствии с ним меняются сезоны, периоды суток, температура, влажность. Время действия на население других факторов среды не регулярно. Стихийные бедствия, эпидемии, нападения хищников происходят в неопределенные моменты. Поэтому такие факторы называют непериодическими.

С развитием культуры в составе северных биогеоценозов все большее место занимают искусственные компоненты. Человек защищает себя от воздействия неблагоприятных компонентов среды с их помощью. Он уничтожает опасные для здоровья организмы и совершенствует способы обогрева или охлаждения помещений. Люди поселились в районах Крайнего Севера, где их жизнь без этой «второй природы» была бы невозможна. Поэтому антропогенные элементы среды, как и естественные, оказываются лимитирующими.

Существует множество органических и неорганических факторов, воздействие которых на жителей Севера приводит к болезням и смерти. К патогенным компонентам среды относятся возбудители инфекционных и паразитарных заболеваний, источники механических травм и ожогов, отравляющие вещества и ионизирующее излучение. К нарушениям нормального функционирования человеческого организма могут приводить изменения температуры среды, влажности, атмосферного давления, требуемого состава воздуха, воды и почвы, усиление шума.

Порожденные культурой идеологии формируют особые типы восприятия среды обитания. Размышляя об этом, можно выделить северные религии, рассматривающие человека как одно из звеньев в естественной цепи природных явлений. К ним относятся тотемизм, фетишизм, культ природы, некоторые формы анимизма. В религиях иудео-христианского происхождения идеальный человек понимается как внеприродное существо, поскольку он считается вышедшим не из природного состояния, а из состояния сопричастности трансцендентному Богу, которое должен вновь обрести на новом уровне.

Освоение северных территорий с суровым климатом требовало больших усилий, энергетических затрат для создания комфортных условий жизни. Как отмечает Н. А. Чермных, процесс адаптации к новым условиям можно охарактеризовать как формирование совокупности социально-биологических свойств и особенностей, необхо-

димых для устойчивого существования и поддержания высокой способности человека в северной экологической среде. Решающее значение в механизмах адаптации имеют индивидуальная устойчивость и резерв приспособительных возможностей организма. Чем выше морфофункциональный потенциал, тем ниже «цена адаптации», тем эффективнее организм адаптирован к среде обитания, сохраняя здоровье и работоспособность.

Первое и простое объяснение успешного расселения на северных территориях — это хорошее физическое развитие и крепкое здоровье. Только выносливые и физически сильные люди обладали высокой работоспособностью, необходимой для напряженного физического труда. Суровые климатические условия, сложности в устройстве жизни играли роль естественного отбора в сообществах переселенцев, селекции деятельных, физически и духовно сильных людей, составивших генофонд будущих поколений северных групп населения [2, с. 2].

Один из исследователей Севера А. Шренк во время своей поездки по Печорскому краю в 1837 г. отмечал примеры «спартанского воспитания коми детей, которое образует мощное и здоровое тело и рано поглощает слабые натуры. Дети в северных селениях, несмотря на суровую погоду, спокойно бегали по стуже босиком и в изорванной одежде. Нежные и слабые организмы не могли существовать под этими широтами. Преодоление трудностей, с которыми постоянно сопряжена жизнь поселенцев на новых землях, непременно требует крепких натур, не боящихся ни стужи, ни ветров этого сурового края» [3, с. 174].

В материалах Первой всеобщей переписи населения Большеземельской тундры 1897 года представлены половозрастная структура кочевого населения. Самыми многочисленными группами в семьях кочующих оленеводов были дети до 9 лет (20,5 %), прошедшие «спартанское воспитание в тундре», и молодое поколение до 19 лет (21,4 %), осваивавшее опыт оленеводства. Основная рабочая сила была представлена в возрастных группах от 20 до 59 лет. Все группы характеризовались равнозначным гендерным распределением, что имело позитивное значение для создания семей в кочующих в тундре популяциях. В северных семьях, согласно этой переписи, были представители старшего поколения в возрасте 70—109 лет.

Половозрастная структура является важным показателем жизни в условиях Севера, индикатором положительной оценки общественного здоровья. Северных кочевников можно характеризовать как гармонично, естественно развивавшуюся популяцию, адаптированную к природной среде [2, с. 11].

Северное население существует пространственно-временным образом. Понятия «расселение», «место жительства» отражают способ сосуществования людей. Они, люди, а также возводимые ими строения и города, обрабатываемые поля, окультуренные животные, останки умерших и ненужные вещи занимают определенное место на поверхности планеты. Это — расселение населения. Отдельные индивиды и их различные по численности группы перемещаются по земной поверхности постоянно, ведя кочевой образ жизни, или время от времени меняя место поселения. Это миграции населения.

В России начиная с 90-х годов прошлого столетия происходит падение численности населения. В северных регионах показатели депопуляции, вызванной снижением рождаемости, дополняются воздействием миграционного оттока. Так, численность постоянного населения Республики Коми на 1 августа 2017 г. составила 845,9 тысячи человек и с начала года уменьшилась на 4,6 тысячи человек, или на 0,5 %. Сокращение численности населения произошло за счет миграционного оттока и естественной убыли населения. При этом миграционная убыль составила 96 % от общего сокращения населения [7].

В наши дни относительно комфортные условия жизни отчасти ограждают людей от полифакторного воздействия суровой северной природы, ограничивают возможности раскрытия потенциала естественных адаптивных сил организма, которые позволили успешно освоить экстремальные условия северных земель несколько столетий назад.

Большая часть населения Европейского Севера России (практически 80 %) — жители городов. Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на одного человека в Республике Коми, в 2015 году составляла 25,6 кв. м в городах и 30,6 кв. м. — в сельской местности [6]. Фактически большую часть жизни многие современные северяне проводят в микросреде жилищ, производственных помещений, школ, учреждений досуга. Зимняя воскресная лыжная прогулка, летний субботний выезд «на природу» — нерегулярные спо-

собы преодоления гиподинамии. Особенно это относится к детской возрастной группе. Холод, продолжительные периоды отсутствия солнечных лучей приводят к необходимости большую часть времени проводить в помещениях, при искусственном освещении, недостаточной вентиляции, что приводит к авитаминозам, рахиту, замедленному физическому развитию ребенка. Физическая работоспособность школьников в Республике Коми в возрасте 11—16 лет в два раза ниже, чем у сверстников в средней полосе [4].

Антропогенные элементы городской среды в большей степени, чем в агроценозах, вытесняют естественные факторы. Города не производят исходных продуктов питания. Их растительности недостаточно для обеспечения населения кислородом. Пища, сырье, горючие и строительные материалы поступают в города извне. Города в сравнении с агроценозами имеют более высокую численность и плотность населения. Это благоприятствует распространению различных болезней. Бытовые и промышленные отходы загрязняют абиотическую среду в самом городе и за его пределами.

Северные регионы относятся к территориям с низкой плотностью населения. Европейский Север — самый большой регион России. В то же время он самый малочисленный по населению. Средняя плотность населения здесь — 1 чел./1 кв. км при общей средней плотности населения на планете 40 чел./1 кв. км. Эти сравнительно низкие показатели заселенности северных территорий обусловлены действием ряда факторов. Влияние климатического фактора проявляется в слабой освоенности территорий с неблагоприятными условиями (тундра, полярные области). Воздействие исторических особенностей заселения проявляется в том, что северные районы заполнялись представителями популяций, возникших в иных регионах. Относительно позднее время заселения повлияло на численность населения. Еще одно существенное обстоятельство — низкий уровень рождаемости северного населения. При этом показатели скученности населения Европейского Севера высоки, так как его большая часть — горожане. Для городской жизни характерны более интенсивные образ жизни и взаимодействие людей, что ведет к постоянному психическому напряжению.

Все сказанное составляет экологическую характеристику северного городского поселения. Вклад северных городов в развитие ре-

гиональной культуры оказывается решающим. В городах размещаются органы государственного управления. Здесь располагаются и создаются высокопроизводительные средства трудовой деятельности и эффективное оружие. На Европейском Севере России расположены военно-морские базы, где концентрируется самый крупный флот в стране — Северный. В его состав входят крупные надводные корабли, большая часть атомных подводных лодок страны, морская авиация. Города — центры получения и распространения новых знаний и ценностей, достижений в различных сферах искусства. В них располагаются учебные заведения и научные центры, театры и картинные галереи. Риск заболеваемости отчасти снижает более эффективное медицинское обслуживание. Можно заключить, что городская жизнь на Севере имеет позитивные и негативные стороны, их взаимодействие являет собой пример единства разнонаправленных, противоположных тенденций.

Алиментарный (от лат. *alimentum* — пища) комплекс — это система добывания, производства, распределения и потребления пищи. Питание — один из аспектов отношений человека и северной природной среды. Будучи одной из базовых, потребность в еде выступает существенным фактором взаимодействия индивидов, первичных и вторичных социальных групп.

Достаточное питание — условие выживания рожденных людей. Объем и характер потребляемой пищи влияют на показатели смертности и заболеваемости. Исследование вопроса о факторах обеспечения северного населения продуктами питания и водой и последствиях нарушения правильного питания позволяют подойти к вопросу о том, чем определяются показатели смертности и заболеваемости северного населения вследствие нарушений питания.

Смертность — один из основных демографических показателей, факторов, влияющих на численность населения и его возрастной состав. Заболевания являются причинами смертей. И в тех случаях, когда смерть наступает не в результате длительной болезни, например при острых травмах, утоплении, отравлении, ей предшествует, пусть очень кратковременный, период, когда человек жив, но состояние гомеостаза в его организме нарушено. В общем определении болезни не входит временной параметр — срок протекания. Поэтому можно считать, что любой смерти предшествует болезнь.

Северное население, начиная с периода формирования, сталкивалось с явлениями смерти, имело в своем составе группы здоровых и больных. Смерть, здоровье, болезнь — универсальные обстоятельства человеческой жизни, и как таковые уже в глубокой древности являлись объектами оценки и ритуального оформления. Болезнь и смерть близких обостряет потребность в утешении, эмоциональной поддержке. Культурные комплексы не только формируют определенное отношение людей к этим печальным событиям, они оказывают прямое воздействие на сами показатели смертности и заболеваемости. Здесь можно сослаться на массовые репрессии правителей против непокорного населения, самосожжения старообрядцев.

Уровень и структура смертности складываются при взаимодействии культурных и природных факторов. Нормальное и аномальное функционирование человеческого организма — природные явления. Одним из его существенных свойств является способность к сохранению постоянства внутренней среды при изменении внешних условий. Когда биологические механизмы саморегуляции обеспечивают ограничение физиологических изменений в организме рамками генетически определенной нормы или обеспечивают быстрое возвращение физиологических параметров в эти рамки при выходе из неблагоприятных для организма условий — человек здоров. Когда под воздействием внутренних или внешних причин функционирование каких-либо систем в организме начинает устойчиво выходить за границы указанной меры, это ведет либо к гибели организма — смерти, либо к болезни. В свою очередь, состояние болезни может продолжаться некоторое время, не приводя к смерти, может завершиться смертью или возвратом к оптимальному функционированию организма — выздоровлению.

Исследование смертности и заболеваемости невозможно провести, не принимая во внимание существование физических, химических и биотических элементов природной среды. Сообщества северян являются компонентами определенных биогеоценозов, в которые входит также часть литосферы, гидросферы и атмосферы, устойчиво взаимодействующие виды животных, растений и микроорганизмов, обитающих на данной территории. Источником энергии, обеспечивающим существование биогеоценоза как системы, является солнечное излучение. Поглощая его, автотрофные организ-

мы создают чистую первичную продукцию. Растения образуют необходимый для дыхания кислород. Часть фитобиомассы поглощается растительноядными животными и человеком.

Гетеротрофы первого порядка являются пищей плотоядных животных. Человек потребляет мясо первичных и вторичных консументов. Гердер писал: «Животные — старшие братья людей. Людей еще не было, а животные были, и позднее, куда ни приходили люди, местность была уже занята и, по крайней мере, некоторые стихии были населены — иначе, чем бы стали питаться пришельцы, если не одной травой? Итак, односторонней и неполной будет история человека, если рассматривать его вне связи с животным миром» [1, с. 45]. Детритоядные организмы выполняют в цепях биогеоценологического метаболизма роль деструкторов органического вещества. Они разлагают останки завершивших существование растений, животных и людей, возвращая в абиотическую среду то, что было на время позаимствовано.

Производство, распределение и потребление продуктов питания — универсальные компоненты северных культур. В отличие от животных, человек не имеет врожденных программ добывания пищи. Орудия и приемы этой деятельности — составная часть культуры. Культурные традиции включают в себя способы приготовления пищи и режимы ее приема. В древних и современных культурах имеются предписания, рекомендуемые людям одни виды пищи и запрещающие другие [Библия. Левит 11, Второзаконие 23]. Многие религии рекомендуют или требуют от своих последователей поститься в определенные дни недели, месяца, года. Некоторые из них рассматривают отказ от пищи как один из способов духовного спасения.

Питание и потребление воды обеспечивают энергетические потребности организма и потребность в веществах, необходимых для роста и возобновления тканей, поддержания требуемого уровня физиологических функций. Причины нарушений здесь разнообразны. Наиболее существенное влияние на демографические процессы оказывают недостаточное питание и недостаточная обеспеченность водой. Количественная недостаточность принимаемой пищи и воды есть прямая причина смертей и заболеваний. Систематическое недоедание приводит к снижению активности людей, распространению

нию апатии, подавляющей стремление находить пищу, что усиливает угрозу голодной смерти.

Недостаток в пище каких-либо из необходимых организму веществ при нормальной калорийности питания ведет к падению способности человека сопротивляться болезням, в особенности инфекционным, а также может быть непосредственной причиной смерти. У детей происходит задержка развития физических и психических способностей. Существуют три вида такой качественной недостаточности питания — белковая, минеральная и витаминная. Вода также может отличаться недостатком или избытком влияющих на организм человека элементов. Потребление такой воды ведет к повышению заболеваемости и смертности.

Человек способен питаться разнообразной пищей. Он ест плоды, корни, листья, стебли и семена различных растений, насекомых, мясо рыб, млекопитающих и моллюсков. Рацион человеческих популяций может значительно меняться в зависимости от состава биотических компонентов занимаемой среды. Если пища имеется в избытке, происходит рост численности сообщества. В результате в естественных условиях может возникнуть ситуация, когда его потребности начинают превышать объем наличной еды. Нарушение баланса производства и потребления пищи в биогеоценозе приводит к тому, что запасы пищи не возобновляются, численность поедаемых растений и животных резко падает. Это приводит к вспышке смертности и снижению рождаемости в популяции потребителей, вынуждает их к поискам новой среды обитания. В этих условиях происходит восстановление численности растений и животных, использовавшихся в пищу.

Природные условия Севера с их обширными тундрами и болотами, суровым и холодным климатом относятся к зоне «рискованного» земледелия. Однако обилие речной и морской рыбы, пушных зверей привлекало переселенцев в эти края. Наличие богатой охотничье-промысловой фауны благоприятствовало заселению. Источниками питания на первых этапах заселения были охота и рыболовство и в соответствующие сезоны — собирательство. Промысловыми животными были дикий северный олень, различные породы боровой и водоплавающей дичи. Основу хозяйственно-культурного типа северных территорий в период освоения составило комплексное собирательное и охотничье — рыболовное хозяйство. Например, олень

являлся объектом охоты и поставщиком всего необходимого для кочевого образа жизни (пищи, одежды, обуви, жилища), как бы связующим звеном между тундрой и человеком [2, с. 3].

Вследствие воздействия различных факторов население северных территорий периодически оказывалось в фазах количественного и качественного голодания. Северные регионы издавна жили привозным хлебом. Как сообщает Н. А. Чермных, в апреле 1919 г. в Печорском уезде Коми края закончились все запасы хлеба, и отсутствовала возможность завезти его из других районов. От голода умирали сотнями. Численность населения сократилась в основном за счет взрослых мужчин. Поэтому изменилось гендерное соотношение в структуре популяции. Как следствие, это привело к возрастанию социальной роли женщин. В период указанного демографического кризиса в селениях доля мужчин в 1920 г. по сравнению 1915 г. уменьшилась более чем вдвое (на 57—75 %). Голод не только уносил сотни человеческих жизней, но и оказывал негативное влияние на здоровье человека, его психику, физиологию, поведение и социальную организацию общества [2, с. 15].

В статистических отчетах текущего столетия среди причин смертности не указывается голод, хотя еще в начале 60-х годов прошлого века люди в 6 часов утра занимали очередь за хлебом в сыктывкарских магазинах. В отличие от известных регионов Африки и Азии, где имеет место количественное голодание населения, в регионах Европейского Севера России в текущем столетии распространены случаи переедания, вызванные питанием с избытком жиров и углеводов, консервированных продуктов. Однако значительная часть северного населения испытывает качественное голодание всех видов — белковое, минеральное и витаминное. В 2017 году болезни органов пищеварения составили 7,1 % причин смертей в Республике Коми [7].

Улучшение характеристик потребляемой пищи — одна из важных проблем совершенствования состояния здоровья населения Европейского Севера России. Поскольку значительная часть продуктов питания завозится, в магазинах здесь часто продаются продукты с истекшим сроком годности, их потребление — один из видов качественно неправильного питания. Не соответствует потребительским стандартам состав сырья, из которого изготавливают продукты.

По большей части сами покупатели вынуждены заботиться об этой стороне дела. Приезжие из других регионов, гости из других государств отмечают низкое качество продуктов питания в магазинах Сыктывкара.

Обращаясь к праксиологическому аспекту исследуемой проблемы, следует отметить, что в северных регионах принимаются специальные усилия, направленные на улучшение питания населения, в особенности питания детей. В рацион детского питания включаются компоненты, витамины и минеральные элементы, необходимые для нормального развития организма, осуществления обмена веществ, защиты от различных болезней и вредных факторов внешней среды. В Республике Коми все обучающиеся 1—4 классов общеобразовательных организаций обеспечены горячим питанием. В меню обучающихся 1—11 классов общеобразовательных организаций включены молоко и молочная продукция не менее одного раза в неделю.

В мае 2014 года в Республике Коми был принят план мероприятий по реализации основ государственной политики в области здорового питания населения на период до 2020. Этим планом предусмотрены меры по расширению производства обогащенных йодом и микроэлементами продуктов питания, молочной продукции с применением пробиотиков и пребиотиков. Органы здравоохранения составляют ежегодные аналитические обзоры заболеваний населения, связанных с алиментарными, зависящими от питания, вызванными неправильным, недостаточным питанием факторами.

В **санитарный** комплекс входят культурные детерминанты образа жизни населения, формирующие различия и унификацию характера жизнедеятельности первичных (половых и возрастных) и вторичных социальных групп, гигиенические установления и целительство, средства психотерапии.

Возможность целенаправленного воздействия на течение патологических процессов в организме человека является основой создания способов охраны здоровья, системы здравоохранения, лечения индивидов и северного населения в целом.

Их действие может быть направлено на устранение последствий нарушений питания, воздействий неблагоприятных факторов природной и социальной среды, борьбу с наследственными заболеваниями. Накопление опыта лечения создает возможности осу-

ществления мероприятий в целях профилактики заболеваемости. Культурные комплексы включают в себя различные виды помощи больным со стороны общества, первичных и вторичных социальных групп. Наличие такой помощи и ее степень определяются мировоззренческими принципами, менталитетом, присущими определенной культуре.

Историческая динамика смертности северного населения имела неравномерный характер, во многом обусловленный развитием, распространением, доступностью медицинского обслуживания.

В прошлом, когда большая часть населения Севера не имела доступа к медицинским услугам, эпидемии инфекционных болезней были основной причиной преждевременной смерти. В Коми крае высокая детская смертность от кори отмечена в 1838, 1848, 1896, 1901, 1908 и 1913 гг., когда смертность до 1 года составляла до 64 % от общей смертности. Эпидемии скарлатины зарегистрированы в 1876, 1880, 1889, 1893 гг. В этих условиях смерть в детском возрасте (преимущественно до 1 года) играла роль естественного отбора в северных популяциях. Среди взрослого населения высокая смертность отмечалась в периоды эпидемий оспы. В 1899—1900 гг. она составила от 20 до 67 % от общей смертности и была результатом отсутствия медицинской помощи и профилактических прививок, которые начали делать только в начале XX века. Среди причин смертности взрослого населения также следует отметить чахотку, пневмонию и тиф.

Максимальная смертность населения от гриппа была зарегистрирована в 1918 г., а в следующем году — от голода. Это послужило причиной отрицательного сальдо естественного прироста населения. В целом в Коми крае XIX века смертность была высокой, составляла в разные периоды от 20 до 46 на 1000 человек населения. Однако средний коэффициент смертности Коми был ниже (26 на 1000 человек), чем в России — 34 на 1000 человек [2, с. 15].

Индикатором здоровья населения, показателем качества условий существования является продолжительность жизни. Средний возраст умерших людей среди взрослого населения ижемских поселений Коми XIX века, исключая детскую смертность, колебался в пределах от 38 до 60 лет и находился в обратной зависимости от смертности в годы эпидемий. Большой процент в причинах смерти

составляла естественная — от старости, в среднем более 11 % от общей смертности. В популяции ижемцев зарегистрировано большое количество долгожителей, доживших до 80 лет и старше [2, с. 16].

В последней четверти XX в. и текущем столетии произошла качественная трансформация факторов смертности северного населения. Ведущее место в их составе заняли обстоятельства, связанные с процессами естественных возрастных изменений организма человека, факторы эндогенной смертности. Инфекционные заболевания, количественное голодание, гибель в ходе военных акций (экзогенная смертность) занимают незначительное место среди причин смертности северного населения.

В 2017 г. в Республике Коми инфекции составляли 1% среди всех причин смертей. За восемь месяцев 2017 года не было зафиксировано ни одного случая заболевания дифтерией, корью, краснухой и эпидемическим паротитом. Отмечалось снижение числа зарегистрированных случаев заболеваний гриппом, острыми кишечными и сальмонеллезными инфекциями, коклюшем и заболеваний группы социально значимых болезней (сифилисом, гонококковой инфекцией, педикулезом, туберкулезом, а также болезнью, вызванной вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) и бессимптомным инфекционным статусом, вызванным ВИЧ) [7].

Две трети от общего числа инфекционных и паразитарных болезней — это заболевания детей в возрасте до 14 лет (69 %). Среди заболевших инфекционными болезнями в январе-августе 2017 г. дети в возрасте 0—14 лет занимали: по коклюшу — 100 %, ветряной оспе — 94 %, менингококковой инфекции — 80 %, педикулезу — 78 %, острым кишечным инфекциям — 76 %, острым респираторно-вирусным инфекциям — 70 %, сальмонеллезной инфекции — 57 % [7].

Основное место среди причин завершения земной жизни жителей Севера заняли заболевания системы кровообращения, онкологические заболевания, а также влияние внешних обстоятельств: дорожно-транспортных происшествий, случайных отравлений алкоголем, случайных утоплений, самоубийств и убийств. В 2017 году действием указанных внешних факторов было вызвано 11 % смертей жителей Республики Коми [7]. Эти демографические показатели необходимо учитывать в планах развития здравоохранения и социаль-

ных служб, подготовки медицинских работников, проведения научных исследований в области медицины и биологии человека.

Внимание психологов, культурологов, специалистов в области социальной работы привлекают данные об относительно высокой доле самоубийств в составе внешних причин смертности. В 2016—2017 годах они были самой распространенной причиной ухода из жизни под воздействием внешних факторов в Республике Коми [7]. Решение о самоубийстве принимается личностью в результате осознания неразрешимого противоречия между должным и сущим, идеальной моделью бытия человека и реальными обстоятельствами его существования. Говоря словами А. Камю, добровольно оставляющий мир индивид задается вопросом: стоит ли его жизнь того, чтобы быть прожитой. Явления духовной культуры, хотя их невозможно «потрогать руками», оказывают реальное влияние на показатели смертности населения и соматической заболеваемости. Еще более очевидно их влияние на человеческую психику.

Любая культура включает в себя определенные способы снятия психического напряжения. Происходящие в жизни северян события могут оказаться причинами психических нарушений, факторами психической заболеваемости населения. Даже религия, призванная нести людям мир и покой, предлагать компенсацию за переносимые беды, неудачи и унижение, оказывает на их психику противоречивое воздействие. Давать своим последователям спасительное утешение в безвыходных ситуациях или превращать их в марионеток со сломленной волей — все это ее возможные роли.

Помимо природных условий, количества и качества получаемой пищи, на состояние здоровья северного населения существенное воздействие оказывает образ жизни, включая такие его характеристики, как оседлость или кочевание за стадами оленей, проживание в сельской или городской местности, особенности жизнедеятельности, определяемые социальными, в том числе профессиональными делениями.

Образ жизни — конкретная жизнедеятельность, составными элементами которой являются труд, семейно-бытовая, общественно-политическая деятельность, заполняющие жизнь. Существующее в обществе неравенство, неодинаковый доступ к материальным ценностям, власти, престижным позициям определяют различия в обра-

зе жизни. В том, что касается заболеваний и смертности, связанных с образом жизни, существуют особенности, зависящие от социальной, профессиональной принадлежности индивидов.

Характер жизнедеятельности населения зависит не только от уровня развития материальной культуры, способа производства материальных благ. Духовная культура устанавливает распорядок жизни, подчиняя его ритму повседневной обрядности, чередованию будней и праздников, ритуально обозначая важнейшие события индивидуального жизненного пути: рождение, взросление, вступление в брак, смерть.

Репродуктивный комплекс включает половозрелых женщин и мужчин, участвующих в деторождении, и факторы, влияющие на уровень рождаемости. У млекопитающих, не говоря о других классах животных, размножение осуществляется «с запасом», так как часть новорожденных гибнет по тем или иным причинам. Человечество — единственный вид, получивший способность обеспечить существование большей части рождающихся детей благодаря производству пищи и развитию медицины. Человек также уникален тем, что может сознательно регулировать рождаемость и уничтожать ненужных потомков.

Воздействие современной культуры на рождаемость осуществляется путем установления форм брака, традиционного возраста вступления в брак, постоянного или временного отстранения половозрелых мужчин и женщин от репродуктивной деятельности. Существенное значение имеет осуждение или допущение абортов, использование средств, предохраняющих от зачатия.

Биологические закономерности и культурные обстоятельства выступают факторами отличий в смертности мужского и женского населения. Иначе говоря, они являются обстоятельствами, влияющими на соотношение полов, численность мужчин и женщин, проживающих в различных районах Севера. Соотношение полов выражается числом индивидов мужского пола, приходящихся на каждые 100 женщин в населении. Соотношение полов при зачатии называют первичным, при рождении — вторичным, при достижении брачного возраста — третичным. Величина первичного соотношения полов равна 125—135. Вследствие преобладания среди погибающих зародышей организмов мужского пола вторичное соотношение по-

лов в среднем равно 104—105. Культурные обстоятельства вносят свой вклад в формирование показателей третичного соотношения, являясь причинами дифференциальной преждевременной смертности мужчин и женщин, различий в их миграционном движении, показателях безбрачия.

Третичное соотношение полов является предпосылкой формирования брачных взаимодействий. В конкретном населении брачное состояние определяется существующей системой брака, возможностями вступления в первый и последующие браки для мужчин и женщин, этническими и классовыми делениями, влиянием правовых, моральных и религиозных предписаний, территориальным распределением мужского и женского контингента. В северных районах третичное соотношение полов испытывает существенное воздействие дифференциальной миграции мужчин и женщин.

В начале 2017 года на территории Коми республики проживали 401548 мужчин и 449006 женщин. При этом в части населения трудоспособного и одновременно репродуктивного возраста, мужчин было 263841, а женщин меньше — 229375. Мужчин в целом больше в трудоспособном возрасте за счет того, что их больше в возрастных группах до 40 лет. Перевес численности женщин в Коми начинается с 40 лет, до этого возраста в целом, т. е. включая детское население, мужчин больше. Существуют различия по городам и районам. В 2017 г. мужчин больше только в Княжпогостском районе Коми [7].

Биологически определено то, что половое поведение является одновременно и репродуктивным. Природная способность женщин к зачатию и рождению максимально возможного числа детей носит название *потенциальной плодовитости*. Средняя потенциальная плодовитость составляет 10—12 живорождений или 12—15 беременностей. Считается, что это число было неизменным на протяжении человеческой истории. Репродуктивный период женщины в наше время в среднем составляет 35 лет.

Традиционный тип воспроизводства населения характеризовался балансом между высокой рождаемостью и смертностью в основном в детском возрасте. Динамика рождаемости в северных регионах была относительно стабильной. Число рожденных детей в коми семьях XIX века нередко составляло 15 человек. Как следствие ранних браков, было много молодых матерей в возрасте 15—17 лет. Были

зарегистрированы также случаи рождения ребенка у женщин в возрасте старше 45 лет, что свидетельствует о хорошем репродуктивном здоровье женщин. Семьи коми были расширенными или большими и в среднем состояли из 6—13 человек. Описаны семьи оленеводов, состоявшие из 70 человек и включавшие представителей нескольких поколений рода [2, с. 15].

Поскольку в наши дни не все женщины состоят в браке весь репродуктивный период, а также под влиянием семейного планирования реальная рождаемость на Севере значительно ниже потенциальной плодовитости. К культурным факторам, непосредственно воздействующим на рождаемость, относятся: система брака, традиционный возраст вступления в брак, ограничения возможности вступления в первый и последующие браки, ограничение половых отношений в браке, разводы, аборт, применение средств, предохраняющих от зачатия. Северные страны в прошлом веке прошли этап первого демографического перехода, связанный с массовым использованием контрацепции.

В этих условиях рождаемость в некоторых регионах Севера не обеспечивает простого замещения поколений. Как следствие, наблюдается процесс старения населения, увеличения в нем доли лиц пожилого возраста. В современной России рост рождаемости является целью демографической политики и это полностью относится к ее северным территориям.

В текущем столетии население северных стран находится в состоянии второго демографического перехода, когда приверженность ценностям семьи существенно ослабевает, в силу чего внебрачные союзы и рождения, а также одиночные домохозяйства получают все более широкое распространение. В 2016 году в Коми зарегистрированы 6,4 браков и 4,8 разводов на 1000 человек населения [7]. Преимущественной формой семьи стала нуклеарная, состоящая из родителей и их несовершеннолетних детей.

Таким образом, в Коми растет число одиноких людей. Здесь, как и в других регионах, население которых находится в состоянии второго демографического перехода, существует значительная доля домохозяйств из одного человека. В наши дни эта доля в Китае составляет 14,9 % населения, в Японии — 32,4, Франции — 33,8, Швеции — 36,2, в России — 25,7, Москве — 27,1 и Санкт-Петербурге — 29,3 [5].

Распространено одиночество пожилых женщин, вызванное высокой разводимостью и разрывом в продолжительности жизни мужчин и женщин; в России этот разрыв составляет около 10 лет.

Получают распространение молодежные добрачные союзы. Допустимость добрачного секса по десятибалльной шкале (1 — не допустим ни при каких обстоятельствах, 10 — всегда допустим): в Китае — 3,5, в Малайзии — 2,5, Республике Корея — 4,5, Японии — 6,2, Швеции — 9,0 [5]. В то же время в России — значительное снижение доли родившихся вне брака в общем числе новорожденных в период с 2005 (30,0 %) по 2015 г. (до 21,6 %). Различие между зарегистрированными и незарегистрированными браками состоит в намерениях их участников. Официальная регистрация — символ, отграничивающий брак как рассчитанный на многие годы от внебрачного союза, будущие намерения участников которого остаются неопределенными. Рождение вторых, а иногда третьих и последующих детей рассматривается большинством россиян как атрибут зарегистрированного брака, но не внебрачного союза [5].

Попытки положительного воздействия на уровень и образ жизни северных семей, если они продуманы и действительно существенно меняют что-то к лучшему, ведут к некоторому увеличению показателей рождаемости, иногда значительному. Семьи в благоприятных условиях начинают рождасть несколько больше. С другой стороны, в этой области, как и везде, действует закон меры. С некоторого момента влияние преднамеренно создаваемых благоприятных условий не ведет к росту рождаемости. Семейной ценностью становится не количество, а качество детей: скорее необходимо вкладывать больше усилий и затрат в воспитание отдельного ребенка, чем растить многих.

Алиментарный, репродуктивный, микроклиматический и санитарный комплексы непосредственно детерминируют показатели заболеваемости, преждевременной смертности, рождаемости, расселения и миграции северного населения. Через перечисленные показатели выделенные системы культурных факторов опосредствованно влияют на численность населения, его половой и возрастной состав, состав по родству и свойству. Оказывая воздействие на те или иные демографические показатели, сами указанные культурные комплексы испытывают регистрируемое обратное влияние объективных демографических изменений.

Аксиологической моделью развития северного населения, идеальной целью демографической практики, демографической политики является установление должного режима воспроизводства человеческих поколений. Содержание такого порядка воспроизводства заключается в обеспечении его качества, при котором население находится в гармонии с природной средой Севера, пищевые ресурсы, искусственные компоненты антропогеоценозов обеспечивают всеобщую умеренную реализацию витальных потребностей индивидов в еде, репродукции, здоровье, достижении естественных пределов продолжительности жизни. Эта аксиологическая модель является имманентной, порождается первичными, универсальными антропологическими потребностями. Пользуясь терминами синергетической философии истории, эту модель можно именовать демографическим суператтрактором развития населения северных территорий.

* * *

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
2. Черных Н. А. Этнодемографическая оценка общественного здоровья северных ижемских коми в ретроспективе (XIII — начало XX вв.): Рукопись статьи / Отдел сравнительной кардиологии Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.
3. Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам. СПб., 1855.

Электронные ресурсы:

4. Нечаева Э. В. Комплексный анализ здоровья населения Республики Коми: автореф. дис. ... канд. мед. наук / Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/kompleksnyi-analiz-zdorovya-naseleniya-respubliki-komi#ixzz4w30Uu69p> (дата обращения: 04.11.2017).
5. Новости Демоскопа Weekly 711-712. Микроперепись-2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости. https://subscribe.ru/archive/science.news.demoscopenews/201701/17194309.html/?clearview&ota=2INDJPD6MJV6P25L73Y5CZKBLFS3ET53HKTSNQRANF2SPTQUZ53YYAQ5CM&utm_source=subscribe-newsletters&utm_medium=email&utm_campaign=subscribe-newsletters (дата обращения: 10.11.2017).

6. Официальная статистика / Жилищные условия // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми (Комистат). http://komi.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/komi/ru/statistics/population/ (дата обращения: 04.11.2017).

7. Официальная статистика / Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми (Комистат). http://komi.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/komi/ru/statistics/population/ (дата обращения: 04.11.2017).

УДК 130.2

В. А. Сулимов

**Самотрансценденция и преодоление:
аспекты смысловой деятельности¹**

В статье рассматриваются проблемы трансформации современного сознания. Определяются когнитивные признаки анализа сознания как самостоятельного социокультурного феномена. Показывается глубинная связь между его значимыми состояниями: самотрансценденцией, преодолением и инсайтом.

Ключевые слова: сознание, текст, состояния сознания, когнитивные процессы.

V. A. Sulimov. Self-transcendence and overcoming: aspects of semantic activity

The article deals with the problems of modern consciousness transformation. Cognitive signs of the analysis of consciousness as an independent socio-cultural phenomenon are defined. The deep connection between its significant states is shown: self-transcendence, prediction and insight.

Keywords: consciousness, text, states of consciousness, cognitive processes.

Являясь основанием для человеческого бытия вообще и современного социального бытия в частности, деятельность привычно рассматривается исследователями как способ формирования человеческого сегмента мира — культуры, социального порядка, личного и общественного капитала, духовности. Связь между деятельностью и внутренней сущностью человека была показана еще К. Ясперсом, представившим историю как последовательность смены сознания от дотекстового состояния, через письменно-текстовое состояние к гипертекстовому состоянию (трансценденции или самотрансценденции), означающему выход человека за пределы «реального» в

¹ Статья написана в рамках проекта № 17-13-1103 а/р при поддержке РФФИ и Республики Коми.

мир абсолютной виртуальности, хорошо соотносимый с бесконечным калейдоскопом Космоса (К. Ясперс). Формирование сознания через текстовую деятельность, которая уже сама по себе является воображаемой (виртуальной), создает множество смысловых проекций, позволяющих на определенном этапе развития индивидуума (и=общества) перейти к когнитивному механизму самотрансцендирования. При этом самоактуализация через власть, самоактуализация через удовольствие уступают место самоактуализации через смысл: его понимание, воспроизводство и порождение. Этот процесс (процесс самоактуализации через смысл) и его роль в очеловеченном мире очень точно определил В. Франкл: «Самоактуализация — это не конечное предназначение человека, это даже не его первичное стремление. Если превратить самоактуализацию в самоцель, то она будет противостоять самотрансценденции человеческого существования. Самоактуализация, подобно счастью, является следствием, результатом осуществления смысла. Только в той мере, в какой человек осуществляет смысл во внешнем мире, он осуществляет и себя. Если он собирается актуализировать себя, а не смысл, то самоактуализация немедленно утратит свою суть» [8, с. 37]. Таким образом, всегда то, что составляет суть человека (во внешнем и внутреннем мирах) является результатом, «откровением» самоактуализации, происходящей перманентно как непрерывный процесс утверждения смыслов (т. е. самотрансценденции).

В наших работах (например, [7]) мы показывали историческую сущность такого процесса индивидуального смыслового наполнения мира как цивилизационное (и=культурное) основание становления личности в онтогенезе и филогенезе. Описанный нами в виде отдельного социокультурного феномена эффект Преодоления — Опрокидывания демонстрирует работу некоторой когнитивной диалектики, еще не исследованной в достаточной степени, но обладающей совершенно определенными чертами: а) социального регулирования (позитивная динамика «справившихся» и негативная динамика «не справившихся» со сложными экзистенциальными ситуациями понимания/ощущения хорошо показана в различных работах по общей социальной динамике); б) культурно-антропологического моделирования (человеческие сообщества формируются из людей определенного культурно-антропологического типа — *самоактуа-*

лизированных, потому относительно социально независимых и не-самоактуализированных, потому относительно более социально зависимых, а соотношение этих типов показывает вектор социокультурной динамики); в) степени креативной ориентации (наличие индивидуумов способных / не способных создавать тексты культуры: литературные, научные, политические, проективные, художественные и др.). При этом излюбленные психологами типы характера, степень чувствительности и импульсивности, коллективизм / индивидуализм, параноидальность / шизофреничность сознания никак не просматриваются в качестве базовых факторов *Преодоления* (самоактуализации). Другое дело, что, по мнению ряда исследователей, не-самоактуализация, или *Опрокидывание* личности (несущее множество социальных и личностных проблем)¹, прямо связано с аутоошибкой, внутренними процессами эрозии личности: «Всякое зло, болезнь определяется всегда некоторой аутоошибкой (aute-ergo): именно сам субъект противопоставляет себя жизни в силу своей стратегии, своего интереса, в силу отклонения, в силу повторения обычных своих ошибок... Человек наделен свободой, что позволяет ему противоречить себе» [5, с.71].

Самоактуализация, встроенная в общий процесс поиска смысла, проявляет неизбежное противоречие: с одной стороны, влечение к самоактуализации (глубинная мотивация самопроявления человека в социуме) есть производное от его свободы, культурно-генетической индивидуальности, потребности его постоянного саморазвития как интеллектуальной и деятельностной сущности; с другой стороны, миметическая встроенность человека в социальные (и=коммуникативные) отношения делает его заложником единственно возможной — коллективной — формы существования, параметры которой определяются существующими нормами, ценностями и правилами коммуникации (информационного обмена). Человек вступает в активную фазу своей деятельности и когнитивного поиска в ситуации внутреннего разрыва между индивидуальными мотивами и социальными факторами, находящимися в разных плоскостях экзистенциального пространства (пространства

¹ Достаточно вспомнить такие социально-психологические состояния, как агрессивность, инфантилизм, социальный эгоизм, бесчувственность и безответственность.

восприятия-осмысления), но сопрягаемыми в силу действия общего антропного принципа, приписывающего Вселенной свойства ее наблюдателя и наоборот [11], что в конечном счете объективирует любые наборы противоречивых проявлений индивидуума. Другими словами, поднимаясь по хорошо известным ступеням «пирамиды Маслоу» от природной витальности к идеальной мотивированности, приписанной культурой, человек в течение всей жизни сталкивается с трагической обратимостью: попытка Преодоления часто приводит к Опрокидыванию, отбрасыванию высших символических целей, опусканию в «чувственный мир» (по П. Сорокину), вплоть до новой попытки и нового «пикового переживания» (по А. Маслоу). Происходит постоянная субъективация социального за счет актов Преодоления, совершаемых индивидуумом не впервые (еще и еще раз). Обратный процесс — *объективации субъективного* — происходит в иной плоскости, приводя к фрустрационным результатам¹.

При этом важно то, что вообще универсальность моделей оказывается под вопросом в условиях все более фрустрирующего мира. И. Валлерстайн указывал на деструкцию принципа универсализма, сходного, по его мнению, (как и общая эпистемология) с верой в незыблемость некоторых общих принципов существования мира: «Вера в универсализм — главная опора идеологического небосвода исторического капитализма. Универсализм — вера в такой же степени, что и эпистемология» [1, с. 203]. А. И. Фурсов в предисловии к последнему переводному изданию И. Валлерстайна очень точно показал тот методологический сдвиг, который отражает системные перемены социального мира: появление совершенно новых объектов исследования, переход от равновесных ситуаций к неравновесным, к флуктуациям, к «нелинейной динамике», резкое повышение роли субъекта и его интеллектуальных и социальных практик (десистематизация социума) [1, с. 17]. В таком ракурсе мы можем представить процесс исторического движения «ударных», порождающих смыслов в контексте триады *онтология* (квантор всеобщности) — *эпистемология* (квантор системности) — *гносеология* (квантор субъективности, векторности). Познание все больше соответствует сете-

¹ Интересно, что объективация субъективного широко представлена не только в повседневных практиках оправдания неудачи, но и в управленческих практиках, часто заменяя институт экспертных оценок.

вому, векторному, синтетическому строению мира, включающему все выделяемые фрагменты в качестве органических и развивающихся частей.

Взаимосвязь социального субъекта и социальной системы, образующей единый субъектно-объектный антропный кластер, который серьезно влияет не только на индивидуальное развитие/деструкцию, но и на развитие/деструкцию больших социальных групп и миров, наблюдал Э. Фромм. Анализируя марксизм с социально-антропологических позиций, он выявил одну интересную особенность: неравновесность социально-экономического пространства, возникшая на исходе XIX века и проявившаяся полностью в веке XX. Сущность этой неравновесности Э. Фромм выразил в схеме прямой/обратной связи между экономикой, характером социальных отношений и набором активно действующих идей и идеалов: «Не только экономический базис создает определенный социальный характер, который, в свою очередь, порождает некоторые идеи. Однажды созданные идеи тоже оказывают влияние на социальный характер и опосредованно — на социально-экономическую структуру общества. Я подчеркиваю здесь то, что социальный характер — это промежуточное звено между социально-экономической структурой и господствующими в обществе идеями и идеалами. Причем это посредник в обоих направлениях: от экономического базиса к идеям и от идей к экономическому базису» [9, с. 335]. Подвижность «базиса», социальной системы и мира идей, «перетекающих» друг в друга в ситуации увеличения подвижности социокультурной динамики, напоминает флуктуацию смыслов, возникающих и исчезающих в ходе попыток реализации индивидуумом вертикальной динамики личности. В современном информационно-знаниевом обществе эта вертикальная динамика не только усложняется, но и зачастую «рвет» нарратив (историю, биографию) личности. Преодоление сменяется Опрокидыванием, самоактуализация прекращается, возникает цепочка трагических «обнулений» интерпретационных и деятельностных стратегий — все возвращается на круги своя, расширяя зону умолчаний. Здесь снова подтверждается бесспорно текстовый характер современной виртуализированной реальности, но не в плане строительства больших и относительно устойчивых «текстовых империй» (М. Эпштейн), а наоборот — в плане непроизнесения, умолчания, «резервирования» или «обнуления» уже од-

нажды выработанного смысла (смыслов). У. Эко в одной из последних своих работ писал об этом: «Текст скрывает ту беспредельную часть мира, которая его не интересует, как бы покрывает его слоем, пре- дает забвению, заменяет наши представления о мире собственными исключительными представлениями о возможном универсуме так, что “с огромным вниманием и усилием ума” те отпечатываются и го- сподствуют затем в нашем воображении. Еще лучше, если мы чита- ем текст (или смотрим на него, если речь идет о визуальном тексте), как будто мы уединяемся с ним и в нем “во тьме и спокойствии но- чи”, — так что в итоге “глубокая и живая идея” новых образов “изго- няет первоначальные идеи”. Текст в той мере, в какой он нас погло- щает, сметает с лица земли все, что было ранее, о чем он не говорит и к чему не обращается...» [10, с. 91]. На самом деле текст, отвечая на задачу осуществления Преодоления массовым субъектом (субъ- ектом интеллектуализированной массы) создает внутренний фронт- ир, провоцируя смысл на его грани, на попытке глубинного и часто мгновенного — симультанного понимания (результативного пере- сечения пространства текста). Внутренний диалог, о котором писа- ли М. Бахтин и Ю. Кристева, оказывается особенным диалогом — ди- алогом «на фронтире» внутри и между текстами, порождающими в своем столкновении смыслы и становящихся поэтому «генератора- ми смыслов» (Ю. М. Лотман). Собственно говоря, текст (имея в виду текст в широком смысле этого слова как *текст культуры*: литера- турный, художественный, научный, СМИ, проектный и пр.) осущест- вляет инициацию самотрансценденции, способствует формирова- нию базовых компонентов человека-в-культуре: интеллектуальной самодостаточности, социальной проективности, коммуникативной включенности.

С трансформацией всего поля текстов культуры в контексте но- вых информационных трендов связаны и коммуникативные послед- ствия. Исследователи отмечают технологически заданные серьез- ные социальные смещения в мире современной «посткультуры». Прежде всего, наличие и развитие социальных сетей, охватывающих громадные социальные группы, приводит к их смысловому домини- рованию, к перемещению фронта с «окраины текста» на «окрай- ну социального дискурса»: «... центр внимания перемещается с лю- дей и социальных структур на процессы постоянного взаимообмена,

процессы, которые мы можем характеризовать как реляционные» [3, с. 239]. С другой стороны, как бы противореча сетевому характеру социокультурной динамики как вечного обмена, возникает новая самость, новый информационный текст, новый «Я-комплекс», формируемый наиболее успешными и активными интернет-блогерами (иногда — с миллионными аудиториями): «...сегодняшние социальные сети дают каждому возможность стать в центр мира и обратиться к глобальной аудитории. И действительно: аудитория каждого поста в интернете потенциально глобальна» [4, с. 11].

Релятивизация и новая интернет-персонализация личности приводит человека-в-культуре к двум социокультурным следствиям, связанным с глубинной трансформацией положения человека в мире: переход личности от преимущественно диалогического взаимодействия к сетевому, постановка личности в «центр мира» при помощи глобальной аудитории. Эти следствия выдвигают новые требования к сознанию личности: понимание как наиболее значимый аспект системы человеческого сознания уступает свое место перманентной интерпретации как основному механизму удержания личности в рамках и уровнях социальной сети, задающей основные параметры существования (не только виртуального, но и реального, даже материального). Сеть материализует виртуальность индивидуума, компенсируя ему подвижность и неустойчивость его основных жизненных опор: тезаурусных, аксиологических, чувственно-эстетических. Складывается триада базовых социокультурных процедур современности, необходимых для достижения минимальной стабильности: самотрансцендирование (как необходимая социокультурная процедура), гносеологическая интерпретация (как основная интеллектуальная процедура) — сетевая легитимация (как главная процедура социальной инкорпорации). При этом такие социокультурные критерии, как *массовое — элитарное, простое — сложное, высокое — низкое, устойчивое — подвижное*, снимаются в силу их полной включенности в состав вышеизложенных процедур.

Вместе с тем в силу ряда объективных причин (общего дефицита памяти, небольшого объема оперативной памяти, неспособной удерживать для эффективного анализа современные громадные объемы информации, увеличения информационных потоков) сознание индивидуума все время сталкивается с угрозой Опрокидывания, да-

же в тех случаях, когда, эффективное Преодоление было только что совершено. Для значимой самотрансценденции не хватает интеллектуальных и доступных информационных ресурсов. Для «предъявления миру» смыслов необходим все более глубокий уровень понимания, а он не может быть гарантирован индивидууму. Здесь осуществляется предел социального: дать понимание невозможно, необходим доступ к внутреннему фронтиру, находящемуся глубоко в индивидуальном сознании. Тем более, если совершенно достижимым является результат коллективного знания, то совершенно нереальной является задача *коллективного понимания смыслов*¹.

Для эффективного Преодоления необходим (причем не только в области высокой науки и искусства, но и в современной повседневности) дополнительный источник когнитивной энергии — Инсайт, содержащий элемент взрыва как качественного проникновения в смыслы. Инсайт можно представить и как «пиковое переживание» (А. Маслоу), и как вдохновение, и как проникновение. В своей последней работе Ю. М. Лотман определил параметры такого состояния: «Вдохновение и есть момент того творческого, эмоционального и интеллектуального напряжения, когда взрыв превращает ситуацию непереводаемости (символ-смысл — В. А.) в ситуацию перевода. Момент этот всегда совершается индивидуальным сознанием — коллективное сознание выступает как потребитель его результатов. Вдохновение как проявление высшего творческого напряжения носит характер вспышки и неизбежно перемежается с менее напряженными моментами творчества» [4, с. 64]. Инсайт, встроенный в когнитивную пару Самотрансценденция — Преодоление (Опрокидывание), выступает недостающим звеном модели социальной актуализации человека в современном мире. Возникающий в процессе информационно-текстовой деятельности Инсайт компенсирует невозможность охвата информационного пространства и запоминания его, выводит на первый план механизмы проникновения в смысл при помощи когнитивно-эмоционального усилия познания мира. Беда в том, что Вдохновение может не прийти, и тогда Опрокидывание неизбежно.

¹ Коллективное «наделение смыслами» находится в области ритуального и сакрального, но воспринимается гуманитарной наукой как технологии воздействия.

* * *

1. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / научн. ред. и предисловие В. И. Фурсова. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
2. Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте: пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 328 с.
3. Гройс Б. Против юмора // Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия как способ обмана масс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 5—11.
4. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010. 232 с.
5. Манегетти А. Система и личность. М.: НФ «Антонио Манегетти», 2015.
6. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / пер. с англ., послесл. Т. С. Васильевой. М.: Наука 1997. 352 с.
7. Сулимов В. А. Понимание мира: человек в интеллектуальной культуре современности // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 2. С. 3—7.
8. Франкл В. Воля к смыслу: Пер. с англ. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2015. 144 с.
9. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
10. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / пер. с итал. О. А. Поповой-Пле. М.: Академический проект, 2016. 559 с.
11. Barrow J. D., Tipler F. J. The Anthropic Cosmological Principle (paperback revised edition), Oxford University Press: New York, 1988, 453 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

А. Ю. Мельникова

Троллинг как новая форма остранения в молодежной культуре

Виртуальная коммуникация предполагает наличие возможности анонимного взаимодействия пользователей посредством вымышленных «никнеймов», «аватаров». Такого рода анонимное представительство создает условия для нарушения этики сетевого взаимодействия, появления различных форм агрессивного и оскорбительного поведения, называемого троллингом. Тролли находят «болевые точки» в обществе и в грубой ироничной форме придают их публичной огласке, гротескно копируют образцы доминирующей культуры, которые ввиду частой повторяемости автоматизируются в сознании людей и становятся бессознательными привычками. Эти наблюдения позволяют рассматривать троллинг как новую форму остранения, характерную для мейнстримной молодежной культуры.

Ключевые слова: виртуальный троллинг, остранение, молодежная культура, виртуальная коммуникация.

A. U. Melnikova. Trolling as a new form of ostranenie in youth culture
Virtual communication implies the possibility of anonymous interaction of users through fictitious «nicknames» and «avatars.» This kind of anonymous

representation creates the conditions for the violation of the network interaction ethics, the emergence of various forms of aggressive and abusive behavior called trolling. Trolls find «painful points» in the society and in a crude ironic form give their publicity, grotesquely copy the samples of the dominant culture, which, due to frequent repetition, have been automated in the minds of people and become unconscious habits. These observations allow us to consider trolling as a new form of ostranenie that is characteristic to a mainstream culture.

Keywords: *virtual trolling, ostranenie, youth culture, virtual communication.*

Ваши управляет тот, кто вас злит

Лао-Цзы

В современных условиях бурного развития технологий, расширения сети интернет-ресурсов, повсеместной коммуникативности и виртуализации всех повседневных практик одно из главенствующих мест занимает пространство социальных сетевых медиа, в частности социальных сетей, где конструируются многообразные виртуальные взаимодействия. Глобальные сети объединяют сегодня миллионы участников вне зависимости от пола, возраста, уровня образования, национальной принадлежности.

Медиатизация жизни привела к притуплению восприятия действительности. Современная городская жизнь сопровождается колоссальным ростом нагрузки на чувственное восприятие. В нескончаемом потоке информации человек научился отфильтровывать информационный шум. Наше сознание начинает ставить «блоки» к вновь поступающей информации. Многие значимые проблемы общества попадают в «спам» и не воспринимаются потребителями медиаконтента. Для вывода важных проблем на уровень топовых информационных поводов мейкеры вынуждены вести постоянный поиск нестандартных приемов привлечения внимания, порой весьма шокирующих. Извлекаются смыслы из окружающей действительности, которые уже доведены до автоматизма нашим восприятием. Затем заново предъясняются нашему сознанию, но уже в качестве неузнаваемых, странных символов, на которых внимание может долго задерживаться. Такие шокирующие образы вызывают большой резонанс, зарождаются в виртуальной среде, и постепенно переходят в реальную жизнь.

Описанный процесс напоминает понятие, которое подробно было изучено в раках формального подхода Виктором Шкловским [4]. Речь идет об остранении.

Остранение обусловлено спецификой человеческого восприятия. В попытках постижения бесконечно разнообразного мира мы вынуждены это делать с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то смысловом диапазоне. По мнению М. Бахтина, любое осмысление по природе своей диалогично. Оно содержит два аспекта: разрушение первичного смысла (остранение) и воссоздание нового смысла.

Идеи, описанные в данной статье, выводят идею остранения в иную перспективу.

Цель написания статьи заключается в исследовании феномена троллинга как новой формы остранения в молодежной культуре, представленной в виртуальном пространстве.

Данный термин прочно вошел в обиход среди участников виртуальных сообществ и характеризуется как процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия.

Зародившись в сети Интернет (в частности, на платформах различных чатов, форумов, блогов), троллинг изначально рассматривался как «игра в подделку личности» [6], агрессивное деструктивное вмешательство в интернет-коммуникацию с целью дезорганизовать и вывести из равновесия как можно больше людей, используя любые доступные лингвистические и поведенческие приемы. Есть и другое определение — «постинг заведомо провокационных заявлений с целью вызвать флейм, конфликты между участниками, взаимные оскорбления...» [2].

Ряд исследователей воспринимают троллей как «цифровой беспорядок» [3].

Трудно точно установить, когда именно у термина «тролль» начали возникать коннотации субкультурного самоопределения.

Образ тролля — это образ агрессора, возмутителя спокойствия, созданного для того, чтобы «творить зло и причинять вред». Возможно, именно из-за сходства с мифологическим персонажем это название и получило столь широкое распространение, хотя изначально ничего общего с героями скандинавских мифов сетевые

тролли не имели. В английском языке trolling — ловля рыбы на блесну.

Возникновение троллинга в России связано с появлением в сети изображения Trollface (лицо с ухмылкой). Это лицо символизирует эмоции успешного тролля, а также злорадство и лицемерие.

Сетевой троллинг как явление мейнстримовой культуры в России активно набирает популярность благодаря интересу молодежи к англоязычному сообществу. Межкультурные контакты и доступность продуктов массовой культуры на иностранном языке повышают включенность российской молодежи в глобальное виртуальное пространство. Еще одной причиной можно назвать давление феномена «глобальной деревни», предложенного известным канадским философом и социологом М. Маклюэном.

Сетевой троллинг не подразумевает ограничений по возрастным или гендерным характеристикам, социальному положению или уровню образования. В то же время, как показывают исследования [3, с. 74], троллингом интересуются в основном молодые люди в силу простоты идеологии троллей, протестному положению молодежных субкультур в отношении к доминирующей культуре.

Тролли являются участниками виртуальной коммуникации, основными характеристиками которой выступают сложность идентификации, достигаемая средствами анонимности, противоречивый характер сообщений и скрытая или явная провокация. Качественного тролля отличает безукоризненная грамматика и стиль письма, и если тролль и допускает ошибки, то они, скорее всего, преднамеренные и вписаны в общий контекст конкретного «проекта» троллинга. Из всех характеристик троллинга самой очевидной и проблематичной является устойчивая эмоциональная диссоциация (отстранение) троллей. Тролль надевает маску безразличия, эмоционального дистанцирования, его главный инструмент — черный юмор.

Условиями возникновения маски тролля являются непрерывная бессвязная подача цифровой информации и культурная логика социальных сетей, которая высоко ценит открытость, чувство общности, сентиментальность, что впоследствии искусно высмеивают тролли.

Троллей интересуют острые социальные и политические проблемы. У. Филлипс называет их «культурофагами» за их умение оты-

скать в медиасреде отбросы информационных поводов и сделать из них сенсацию [3, с. 94]. Своим агрессивным поведением тролли привлекают внимание к многочисленным пограничным областям, где нормы морали и аморальности наиболее подвижны. Они раскрывают изнанку окружающего культурного ландшафта.

Троллинг представляет собой широкий спектр моделей поведения. Одни формы троллинга невероятно агрессивны и подпадают под юридическое определение харасмента (преследования), другие, например рикроллинг, — относительно безобидны. Иногда троллинг не затухает неделями и даже месяцами, иногда живёт один день и исчезает навсегда.

Наибольшую популярность явление троллинга на стадии своего формирования получило в новостных группах Usernet, которые представляют из себя многочисленные форумы для обсуждения и обмена информацией. Существует несколько сотен дискуссионных групп, охватывающих темы, начиная от компьютерных сетевых кодов до управления оружием и вегетарианской кулинарии. Некоторые группы функционируют в основном как место для обмена информацией, хранилища знаний, где можно задать вопрос и получить (возможно, правильный) ответ. Другие действуют скорее как социальные площадки, места «принадлежности», где люди приходят обсуждать общие интересы. Мотивация пребывания в новостных форумах у пользователей варьируется от потребности в поиске информации, до социального одобрения поведения или публичном анонимном раскрытии личного секрета. На таких площадках тролли могли оттачивать свое мастерство.

По мере разрастания сообщества троллей виды троллинга становились все многочисленнее с явным трендом агрессивности. А. Лисенкова отмечает, что «цифровые технологии выступили, с одной стороны, пространством эмоционального выброса, разрядки и реализации возможных девиаций, с другой — катализатором агрессивных настроений общества» [1, с. 139]. Глобальный охват, доступность и анонимность виртуальных коммуникаций предстает идеальной площадкой для практики агрессивных моделей поведения. С начала XXI века интернет-тролли стали образовывать сообщества и организации, делясь опытом по наиболее эффективному разжиганию конфликтов.

«Сетевая агрессия — это, как правило, преднамеренное, добровольное действие, а любой из участников коммуникации без последствий может покинуть сетевое пространство в любой момент, не отвечая агрессору, но это далеко не всегда происходит, т. к. главная цель агрессора — втянуть собеседника в процесс коммуникации» [1, с. 139]. По данному принципу строится модель поведения троллей, целью которой является дестабилизация сетевого взаимодействия. Публикуя провокационный «пост», тролль запускает неконтролируемую волну ответной реакции, переполненную агрессией, возмущением и ненавистью. Успех троллинга здесь будет определяться временным лагом, в течение которого интерес к теме не будет падать.

Такие деструктивные игры в сети со временем переросли в крупные совместные троллинговые проекты, такие, как, например, «Обама — социалистический Джокер». Речь идет о макросе (изображении с подписью), который появился в статье Los Angeles Times летом 2009 года. На плакате был изображен Барак Обама, загримированный с помощью Photoshop под Джокера из фильма «Темный рыцарь». Под фотографией была надпись «социализм». Человеку, далекому от культуры троллей, контекст был непонятен, в то время как на платформе Usernet разворачивался масштабный проект популяризации этой «photoshopping» или «mem». Смысловой связкой выступила смерть Хита Леджера, который сыграл Джокера в фильме «Темный рыцарь». И протесты так называемой Чайной партии (Teabaggers), которые выступали против налоговой политики Обамы [3, с. 158]. Тролли активизируются в тот период, когда на государственном уровне «затягиваются гайки» свободы слова.

Данный пример наглядно показывает связь между сетевым троллингом и официальными СМИ. Современные СМИ очень часто в поисках информационных поводов используют успешные проекты троллей. Проблема в том, что интерпретируют они визуальные образы поверхностно, додумывают смыслы сами.

Приведенный пример демонстрирует самые распространённые инструменты троллинга — комментирование информационных поводов и создание мемов. У. Филлипс отмечает, что с трансформацией индустриальной эпохи в постиндустриальную и информационную понятие «симулякр» Ж. Бодрийяра уступило место «мему», где под «мемом» она понимает визуальный ряд, имеющий общие характе-

ристики контента и копируемый множеством интернет-пользователей [9]. Чтобы получился удачный мем, создатель должен был быть причастным к субкультуре троллей, быть в курсе топовых тем для троллинга, использовать специальный сленг и уметь пользоваться программами обработки изображений.

Однако с массовым распространением специальных программ, где неопытные юзеры с легкостью могли создать любой мем, этот маркер субкультуры троллей перестал быть таковым. Мемы стали создавать повсеместно по любому поводу, копируя друг друга. Они стали модным мейнстримовым течением современной культуры интернет-сообщества. В результате и само понятие троллинга становится все более расплывчатым. В СМИ троллингом называют такой широкий диапазон моделей поведения, что термин «троллинг» почти утратил смысл.

Троллинг в широком значении воспринимается как отклонение от культурной нормы. Поступки троллей широко осуждаются как плохие, непристойные, однако важно понимать, что тролли порождены доминирующими культурными институтами и плотно встроены в них [3, с. 27]. Эти институты столь же разрушительны, как и деструктивное поведение троллей. Культурный шок, когнитивные конфликты, вызванные провокациями троллей, являются ничем иным как реакцией на осознание несовершенства социальных институтов. Тролли выводят из равновесия, озвучивают «неудобную правду», заставляют учиться вырабатывать собственное мнение и уметь его отстаивать, активно используя приемы остранения. Такой троллинг позволяет достигать не только индивидуальные, но и социально значимые цели, гротескно копируя образы доминирующей культуры. Субкультура троллей получает свое развитие только в условиях мультикультурализма, который характеризуется множественностью и подвижностью границ норм и девиации.

Для более яркой иллюстрации коммуникативного эффекта троллинга как формы остранения обратимся к первой серии проекта Mr. Freeman «А ты уверен в том, кто ты такой, и что ты существуешь» 2009 года [7].

Сетевой тролль Mr. Freeman — это персонально ориентированная провокация. Сюжеты короткометражных мультипликационных фильмов с этим виртуальным персонажем заставляют задуматься

зрителя над происходящим в мире. Функциональность данной личности преимущественно позитивная, однако средства трансляции заложенных смыслов исключительно шокирующие, порой пугающие. «Страшное» здесь выступает как способ усиления странности, усиления воздействия на зрителя [5]. То, что кажется нам странным, страшным сегодня, требует намного больше усилий, чтобы казаться таковым уже завтра. Приемы троллинга никогда не повторяются, поэтому, как правило, жертва троллинга может подвергаться информационной атаке неоднократно, не осознавая этого.

Чтобы привлечь аудиторию, авторы проекта использовали целый спектр приемов троллинга. Оскорбляя зрителя, используя вульгарную лексику и нелицеприятный визуальный ряд, тролль облекал свою позицию в форму «неприятной правды». Троллинг заключался в том, что каждая серия на фоне достаточно спокойной логики повествования изобилует фрагментами жесткой провокации.

Интерес подогревал тот факт, что авторы проекта были неизвестны.

Виртуальная анонимность присуща всем троллям и является негласным правилом троллинга. Анонимусам психологически легче бросать вызов общественному мнению в попытке сломать групповой статус-кво, если пользователь — это безликий набор букв — никнейм.

Со временем анонимность проекта пропала, и Mr. Freeman стал персонифицированным собирательным персонажем, используемым в том числе и для эпатирования общества. Сейчас у канала Mr. Freeman на YouTube более 73 млн просмотров и 745 тыс. подписчиков [8].

Первое впечатление после просмотра обычно вызывает неприятие, возмущение, агрессию. Видеоклип может быть маркирован грифом «Not safe for work» (не рекомендовано для просмотра на работе). Рассмотрим особенности коммуникативного поведения тролля, транслируемые в видео.

Психологическая сторона троллинга состоит в следовании принципу, что у каждого человека есть слабая точка. Реакцией большинства людей в ответ на провокационное сообщение, затрагивающее их убеждения, ценности и интересы, будет отстаивание своей точки зрения. Коммуникативные установки троллей состоят в использова-

нии противоречивых сообщений, провокации, направленной на вызов определенной эмоции, игры на чувствах людей, прежде всего на возмущении, гневе, агрессии. Цель такой стратегии — вызвать реagenta на диалог, чтобы в его сознании начался процесс осмысления.

Эффект остранения проявляется в видеоролике такими способами, как, например, *обман ожиданий адресата, подсказанных контекстом*. Мг. Фриман декламирует: «Я сам себя создал. Сам себе всё подчинил». Эта фраза похожа на противопоставление изречению Сенеки «Повелевать собой — величайшая власть». Мг. Фриман предстает в образе Наполеона. Адресант остранения действует в мире, всецело ему подвластном, и трансформирует этот мир по своему произволу.

Затем Мг. Фриман говорит: «Вы — лишь скороспелый плод чьей-то фантазии. Вас еще не нарисовали».

Свобода слова, к которой всегда стремится человек, в реальном социальном пространстве всегда ограничена правом, культурой, политическим режимом. По мнению Мг. Фримана, мы вписаны в систему, у нас нет свободы слова. Мысль продолжается в фрагменте с пазлами. «Все это находится за пределами вашей зоны комфорта. Вы упакованы в нее, словно в армированный полипропиленовый мешок».

В виртуальном пространстве границы свободы слова становятся размытыми. В начале видео Мг. Фримана сжигают на костре за его вольнодумство. Здесь акцент сделан на преследование троллей. Когда пользователи вынуждены подбирать слова в сети, тролли гротескно декламируют свободу слова, гарантированную Конституцией.

Вирусное видео наполнено *неожиданными ассоциациями*, усиливающими острающий эффект.

Мг. Фриман льет на толпу из канистры жидкость с лицами людей, подразумевая, что топливом для последующей реакции горения будут сами люди. Тролли часто запускают виртуальные проекты, а мейнстримовые СМИ их муспируют и сами разжигают резонанс в общестственности.

Продолжая идею безграничной власти слова, Мг. Фриман предстает в образе Маленького принца из одноименной повести Экзюпери со словами: «Мой мир — это безграничные возможности, где нет ежедневной жрачки в виде телевизионных штампов, нет слоганов и лозунгов, навязанных правительствами, зомбящиками или вашим любимым интернетом». Намекая на тотальность «общества

потребления» с лозунгом «Ржать, жрать, спать»: «Вы — куски мяса, зажатые рамками быта и работы», — Mr. Freeman крутит фарш из самого себя.

Он призывает публику очнуться от «демонстративного потребления», но разочаровывается в поведении толпы. Его «Just do it!» превращается в «Dust — Joy it!».

Часто эффект остранения можно проследить в *мифологизации или ритуализации действительности*. Ритуализацией насыщен весь ролик.

Сюжет, где Mr. Фриман стоит на мосту с намерением прыгнуть вниз, ассоциируется со смертью виртуального персонажа, который исчезнет, если пользователь выключит телефон или сотрет операционную систему на компьютере. Телефон воспринимается как символ связи с миром. Он дает чувство безопасности, защищенности. Интернет позволяет избавиться от одиночества, почувствовать себя нужным, иметь возможность свободно высказаться. В сети явления мейнстримовой культуры трансформируются в гротескную карикатуру, люди-первоисточники превращаются в персонажей. Виртуальная жизнь насыщена гипертрофированными эмоциями, как позитивными, так и негативными. Переживая такие эмоции, люди часто не могут быстро перестроиться на более низкий эмоциональный фон реальной жизни, поэтому она кажется рутинной и серой.

Mr. Фриман насмехается над зрителем и заставляет усомниться в своем существовании. «Вы пялитесь сейчас в экран вашего компьютера, а вы там есть? Эй, hello?! А можете мне доказать это?! Вот и получается, что вас нет, а Я — есть». По Фримену, человек существует, если он мыслит и его мозг свободен от стереотипов.

Последний кадр — Mr. Фриман нажимает кнопку и попадает в альтернативную реальность, где игра переходит в реальную жизнь. Продолжить фразу можно так: «Это не игра.... Это и есть альтернативная реальность».

Таким образом, остранение приобретает качество универсальности, пародийно-скептического снижения общепринятых авторитетов, остраняя образы и сюжеты с помощью цитирования, коллажа. Подобные методы характерны для теории постмодернизма.

В заключение хочется отметить, что поведение троллей — это лишь верхушка культурного айсберга. Настоящие проблемы нужно

искать в мейнстримовой культуре. Рефлекторное осуждение троллинга не принимает в расчет тот факт, что троллинговое поведение параллельно целому ряду приемлемых культурных паттернов. Тролли могут доводить эти паттерны до крайних гротескных пределов, но в конечном счете поступки троллей пересекаются с теми же самыми культурными системами, которые образуют норму. И это бросает тень на сами системы, так же, как и на троллей, которые ставят эти пробелы в этой системе на службу себе и эксплуатируют их.

Изучив то, что в конкретной культуре считается нарушением, мы можем реконструировать ценности, которые губятся сомнительными поступками. Поведение троллей, которое широко осуждается, а в некоторых странах даже преследуется законом, позволяет реконструировать то, что доминирующая культура считает хорошим, пристойным, нормальным. Отклонение от культурной нормы воспринимается таковым в контексте существующей общественной системы.

* * *

1. Лисенкова А. А. Философия агрессии в цифровую эпоху // Философские науки. 2017. № 6. С. 137—147.

2. Троллинг // Луркоморье. URL: <http://lurkmore.to/Троллинг> (дата обращения: 19.07.2017).

3. Филлипс У. Трололо: нельзя просто так взять и выпустить книгу про троллинг: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2016. 300 с.

4. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Круг, 1925. С. 7—20.

5. Эпштейн М. Жуткое и странное: о теоретической встрече З. Фрейда и В. Шкловского // Русский журнал. Круг чтения. Чтение без разбору. URL: http://russ.ru/krug/razbor/20030314_ep.html

6. Donath J. S. Identity and deception in the virtual community // Communities in cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 29—59.

7. Mr. Freeman: официальный сайт. URL: <http://mf0.me/video/message/mr-freeman-part-0> (дата обращения: 19.07.2017).

8. Mr. Freeman: канал на Youtube. URL: <https://www.youtube.com/user/MrFreeMan0> (дата обращения: 10.10.2017).

9. Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge, MA : MIT Press, 170 p.

УДК 008+82

А. Ю. Котылев, М. М. Лобанова

**Мотив выхода за пределы
социокультурного пространства
в романах А. Иванова и Д. Быкова**

Романы А. Иванова и Д. Быкова представляют современную Россию во внешне простом, неукрашенном виде. В действительности авторы занимаются сложным социокультурным моделированием, исследуя прошлое страны, его настоящее и будущее. Предварительные результаты изучения произведений позволяют обозначить некоторые характеристики данных моделей. Сам выход за пределы социокультурного пространства мотивируется разрушением его центров. Герои пытаются противодействовать этому процессу путем создания новых сообществ за границами «старых» городов. Как и в традиционной литературе, путешествие перерастает в создание вертикали личностного роста. Возвращение героя назад, должно изменить социокультурную реальность.

Ключевые слова: *социокультурное моделирование в современной художественной культуре, романы А. Иванова и Д. Быкова, выход за пределы социокультурного пространства.*

A. Kotylev, M. Lobanova. The motive of going beyond the sociocultural space in the novels of A. Ivanov and D. Bykov.

The novels of A. Ivanov and D. Bykov represent modern Russia, in an apparently simple, unpainted form. In fact, the authors made socio-cultural modeling, exploring the past of the country, its present and future. Preliminary results of the study of works allow us to identify some characteristics of these models. The very outset of the socio-cultural space is motivated by the destruction of its centers. Heroes try to counteract this process by creating new communities outside the boundaries of «old» cities. As in traditional literature, the journey grows into the creation of a vertical of personal growth. Returning the hero back, must change the sociocultural reality.

Keywords: *socio-cultural modeling in contemporary artistic culture, novels by Ivanov A. and Bykova D., going beyond the boundaries of the sociocultural space.*

Современная художественная литература приняла на себя функции других сфер культуры, в том числе моделирования социокультурного пространства как в плане характеристики значимых его центров, так и в плане нарушения его устойчивых границ. После того как религия и наука утратили если не право, то перспективность формирования основ, отобрать его у художественной культуры никто не в состоянии. Соединяя фантастику, историю и описания реальности, современная культура создаёт специфические формы, выходящие за рамки «современности», где «былое», «умудрённое» и «сигнализованное» утрачивает свои отличия. Рассматривая мотивы выхода за пределы социокультурного пространства в романах А. Иванова «Блюдо и мудро» и Д. Быкова «Сигналы», мы выстраиваем образ современной России в её специфичности и развитии. Проанализировав каждый роман, в конце постараемся выделить основные причины (мотивы) выхода за пределы социокультурного пространства. Для того чтобы приступить к анализу данной проблемы, нужно определиться с начальной точкой, а именно с социокультурным пространством. В современных исследованиях данное понятие встречается очень часто, однако обычно авторы не дают определения социокультурному пространству, обозначая его как нечто заведомо понятное и известное. Более того, нередко многими оно ошибочно видится как социальное плюс культурное. В рамки этой работы не входит исследование данного понятия, однако для ясности стоит представить некоторые дефиниции. Для нашей работы существенным видится два определения этого понятия, которые созданы П. А. Сорокиным и П. Бурдые, в их определениях социокультурного пространства есть общие моменты. По мнению П. А. Сорокина, социокультурное пространство — это образование, состоящее из значений, ценностей и норм, а также проводников и человеческих агентов [7, с. 299—303]. Именно эти составляющие пространства, как отмечает М. Н. Ремизова [6], связаны с такими аспектами, как социальный, культурный и личностный (взаимодействие участников). По П. Бурдые, социальное пространство — это «абстрактное про-

странство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обаяны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала». Так же он говорит о социокультурном пространстве, как о поле, где взаимодействуют социальные агенты [2]. Немаловажно видеть и противостояние разных образов пространства, сформировавшихся в картине мира людей, готовых это пространство менять. Отталкиваясь от данных понятий, мы можем сказать, что социокультурным пространством в романах являются города, где наиболее явно представлены все возможные поля (социальные, экономические, информационные, эротические и др.) и происходят взаимодействие людей.

В романе А. Иванова сюжет развивается в городе Ковязине. Это небольшой провинциальный город. При знакомстве с его описанием складывается впечатление, что автор поставил перед собой цель создать образ такого города, который вобрал бы в себя все яркие, в большинстве своем не самые приятные черты многих русских городков. Понятно, что перед нами обобщённый образ маленького городка с разнородным населением. Каждый район имеет свои черты, так что при описании, нам чётко видится структура города. Обращаясь к определениям, данным П. А. Сорокиным и П. Бурдые, и обозначая город социокультурным центром некоего пространства, мы можем сказать, что районы представляют собой разные области или поля, в каждом из которых преобладают те или иные ценности и нормы. В романе Д. Быкова город не играет такой значимой роли, как в тексте А. Иванова, однако он так же представляет собой социокультурный центр пространства, за пределы которого должны выйти главные герои. В обоих произведениях главные герои оказываются за пределами социокультурного пространства по разным причинам. В одном романе причина представляется как насильственное командирование педагогов учреждения МУДО в загородный детский лагерь, в другом — поиск упавшего самолёта, чьи сигналы были пойманы радиолюбителем. Однако в обоих случаях у некоторых героев имеется как внешний мотив, так и скрытый. Причина, которая изначально предстает перед читателями, есть лишь внешняя часть мотива выхода из социокультурного пространства.

Обратимся подробнее к романам. При анализе романа А. Иванова

«Блудо и мудо» говорить о мотивах выхода за пределы социокультурного пространства немного сложно, так как мотив подразумевает под собой желание, исходящее от самого субъекта, производящего этот выход. В романе А. Иванова же этот выход больше похож на вытеснение. Педагоги МУДО вынужденно оказались в тех условиях, когда им пришлось согласиться на выход за пределы города и оказаться в загородном лагере. Таким образом, одним из мотивов выхода за пределы социокультурного пространства является желание не потерять работу и желание остаться в этом пространстве, не выпадая из него. Но из общего ряда героев выделяется главный персонаж — это Моржов. Именно его глазами мы видим город и лагерь. Страх перед положением безработного у него нет, отказаться от поездки в лагерь и остаться в городе он может в любой момент. Исходя от этого, мы понимаем, что его внешний мотив, который виден остальным персонажам, — не основной, его действиями управляет скрытый мотив. Чтобы лучше понять разницу мотивов и поведение героев романа, их отношение к происходящему, обратимся к термину «маргинальность».

Любой выход человека за пределы социокультурного пространства ведет к маргинализации. Это касается не только «теряющихся» людей, но и героев, отправляющихся на покорение новых пространств [5]. Для лучшего анализа мотива выхода героев из социокультурного пространства важным представляется понять, какова характеристика маргинальности для каждого отдельно. М. С. Иванова в своей статье определяет маргинализацию как процесс вытеснения индивидов или целых социальных групп за рамки существующей общественной структуры в результате социальных или иных трансформаций. Данное определение лучше всего подходит к тому, что происходит в романе. Давая определение данного термина, автор отмечает, что маргинализация может быть как негативной, так и позитивной. Первый вид характеризуется вытеснением человека на так называемое социальное дно, второй — это рациональное представление о действительности, приспособление к ней посредством избирания культурных ценностей и проявления творчества [4]. Итак, наблюдая за педагогами МУДО, которые были вынуждены выйти за пределы города из-за давления, оказываемого директором учреждения и чиновником Манжетовым, мы понимаем

ем, что реального способа противостоять коррупционным действиям, которые прикрываются модернизацией образования в городе Ковязин, они не имеют. Их так называемое пиксельное мышление не способно породить действенного способа, который бы позволил им сохранить МУДО и остаться на работе, а донос на директора только усугубляет их положение. Иначе говоря — выход за пределы социокультурного пространства для них постепенно начинает оборачиваться вытеснением на социальное дно. Интересным представляется поведение Моржова и его действия, которые в итоге и спасают педагогов образовательного учреждения от окончательного падения. Как было сказано выше, у Моржова есть скрытый мотив, о котором знает лишь он. Это защита своего «фамильона» или, иначе говоря, своих женщин. Поэтому мотив выхода его из социокультурного пространства наиболее осознан. Однако имеет ли место здесь выход? Говоря об этом герое, нужно отметить, что его маргинализация имеет позитивный характер. Посредством осмысления действительности и применения своего творческого мышления он является тем, кто живет на границах пространств города. Можно говорить о едином пространстве города Ковязина, однако правильней было бы сказать, что он состоит из множества разных пространств, каждое из которых имеет свое общество и культуру. Обращаясь к идеям П. Бурдьё о социокультурном пространстве, мы можем лучше увидеть и понять, что же происходит романе А. Иванова. Так, в работе «Социальное пространство и генезис классов» он пишет, что социальный мир можно представить в форме многомерного пространства, сформированного совокупностью действующих свойств. Эти свойства могут придать их владельцу власть и силу в универсуме. Люди (агенты и их группы), которые находятся внутри той или иной области пространства, обязаны жить под воздействием той или иной власти [4, с. 15—17]. Переводя это на роман А. Иванова, получаем следующую картину: город — социокультурное пространство — имеет капитал в виде МУДО — учреждения дополнительного образования (по Бурдьё, действующие свойства пространства являются капиталом, дающим власть). Действующие агенты данного пространства, герои романа, либо осуществляют власть с помощью этого капитала (директор МУДО Шкиляева, чиновник Манжетов) над другими агентами, либо являются теми, кто испытывают волю

этой власти на себе (педагоги МУДО). «Отдельные виды капитала, как козыри в игре, являются властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле», — пишет П. Бурдьё [2]. Именно эту игру мы наблюдаем в ходе «противостояния» Моржова и Манжетова. Манжетову МУДО нужно для того, чтобы преобразовать его в антикризисный центр, но не столько ради людей, сколько ради своей личной выгоды, обеспечения своего будущего и укрепления чиновничьей власти. Следствием всего этого является реформа местного образования, введение системы сертификатов. Моржову же нужно не столько само МУДО, сколько те женщины, которые работают в нем. Он знает, что потеряет их, если они не докажут рентабельность своих кружков и МУДО закроют. Для того чтобы спасти свой «фамильон», Моржову необходимо переходить в разные поля (районы города), общаться с разными людьми и осмысливать происходящее вокруг, чтобы не допустить промаха и выиграть эту «игру» у Манжетова. Если каждый из педагогов МУДО проживает в своем районе и не стремится к выходу за его пределы, тем самым сохраняя статику своей жизни, то Моржов то и дело переходит из одного района города в другой. В этом одновременно заключается и его постоянный выход из социокультурного пространства, и сохранение себя в нём. Ведь каждый район города представлен очень самобытно, в связи с чем мы можем говорить об отдельных районах как о самостоятельных социокультурных пространствах (тем более, что один из таких районов мог стать городом). Переходя из одного района в другой, например в Багдат, он с помощью своего креативного мышления и стремления осмыслить окружающее его пространство сохраняет свое социальное положение, выбранное им самим. С помощью игры на социокультурных границах он приспособливается к изменяющимся условиям, а выход за пределы того или иного пространства для него заключается в осознанном действии, способствующем решению возникшей перед ним проблемы: сохранение своего фамильона. Здесь мы можем увидеть, что статическая жизнь педагогов из «МУДО», не только в районах своего города, но и в лагере, и порождает их вытеснение из социокультурного пространства, которое в конечном счете должно привести их к социальному дну. Давая характеристику культурной области, М. М. Бахтин писал: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся распо-

ложена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее <...> Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [1, с. 44]. Переводя это в область романа и на его героев, можно увидеть, что Моржов играя на границах, изучает культуру каждого района и осмысляет ее, порождает новые образы, которые и помогают ему оставаться в рамках социокультурной системы города. Если Манжетов осуществляет власть над полем с помощью материального капитала, то Моржов — с помощью культурного, который, будучи частью любого поля, приобретает Моржовым в ходе его активности и является более выгодным для его владельца.

В романе Д. Быкова «Сигналы» главные герои выходят за пределы города с одной целью — найти пропавший самолёт. Однако каждый из них имеет и другую цель, о которой знает только он сам. Также говорить о мотивах выхода можно не только в отношении главных героев, но и тех, кого они встречают в ходе поисков.

Главный герой — Савельев, который услышал сигналы пропавшего самолёта, собирает экспедицию со словами «я же не для себя», с целью найти пропавших людей, которые, возможно, остались одни в лесу и могут погибнуть. Однако Савельев был не до конца честен. Основной его целью было найти активистку-общественницу Марину Лебедеву. Здесь же мы видим схожий мотив Савельева с мотивом Моржова, однако он намного глубже. Как и Моржов, Савельев понимает, что молодая активистка-общественница может просто пропасть в руках высших лиц чиновников партии «Инновационная Россия». Он видит в ней больше, чем остальные, она ангел, святая, раздающая свою святость, которую нужно спасти и защитить от раздирающих лап чиновничьего аппарата. Образ Марины Лебедевой сложнее, чем представляется на первый взгляд. Она как видение. Увидев однажды, он ищет ее и верит, что с ее обретением жизнь его станет лучше.

На протяжении всего времени поисков герои романа оказываются в разных местах, каждое из которых будто олицетворяет Россию разных времён: с первобытно-общинным строем, с крепостничеством, и с индустриальным обществом, развитием техники и машиностроением (утопия советского общества). Каждый житель то-

го и иного места уверен в идеальности такого устройства, не видя его утопичности, порочности, исчерпанности. Но всё, что видят герои, — это не прошлая и будущая Россия, это настоящая Россия, во всём своём разнообразии, в утопичности, в упадничестве, в вере в лучшее. Для каждого, кого встречают герои романа в тайге, тот мир, та Россия, в которой он живет, есть лучшая. Это и является их мотивом выхода за пределы социокультурного пространства. Уйдя из города Перова, герои тем самым не соглашаются с устройством общества, которое является официальным, видимым, управляемым государством, а по сути — макетом и декорацией, скрывающей настоящую Россию. Какая она настоящая и какой она должна стать, каждый видит по-своему. Савельев же хочет отыскать её и находит в той глубинке, в тайге, где обнаруживает Дашу. Девушка, воплощённая через образы Марины Лебедевой и Даши, является потерянным и настоящим представлением России.

Как и в романе А. Иванова, мы видим, что власть имущие — чиновники и высшие лица МЧС — устанавливают свои порядки и указывают, как себя вести другим. Так, Савельеву было сказано молчать, а когда он распространил информацию о сигналах в интернете, его объявили сумасшедшим и во многом перечеркнули жизнь. Будучи врачом, он понимал, что пациенты не станут ходить к тому, кого объявили ненормальным, а значит, он лишается работы и средств для дальнейшего существования. Похожая ситуация обстоит и с журналистом Тихоновым, которого уволили за опубликование информации о сигналах. Желание вернуть себе работу и оправдать своё имя является ещё одним мотивом выхода за пределы социокультурного пространства.

Похожий мотив есть и у других героев романа, например поселян бывшего колхоза имени шестидесятилетия, ныне названного Иерусалимом. Здесь оказываются люди, вытесненные на дно социального пространства и желающие обрести заново себя и доказать, что они способны снова жить, как и все люди. Оказавшись без работы, дома и родных — эти люди вынуждены уйти за пределы города и, более того, отказаться от себя и своей свободы. Эту сторону России, вытесненную, заброшенную, забытую, но настоящую, хорошо знает Лёша Окунев, волонтер, для которого выход в эту «параллельную» Россию является своего рода экстримом. Но на самом деле

он понимает, что эта заброшенная часть страны никому не нужна, и он борется за то, чтобы вытеснить государство из любых сфер, за которое оно цепляется.

В поисках самобытной настоящей России находятся два героя романа: Валя Песенко и Дубняк. Валя Песенко, студент, собирающий фольклор, отправляется на поиски самолета еще с одной целью — узнать, как же могла пропасть группа Скороходова (отсылка к группе Дятлова, пропавшей на Урале). В течение поисков Валя пытается открыть для себя родоплеменную Россию. Уверенный в том, что у каждого в душе присутствует архаика, он пытается отыскать ее и глубине российской тайги и находит в поддельном племени ариев. Другую Россию, не похожую на обыденную, ищет и Дубняк. В тайге он нашел другой мир, который, по его мнению, создан для него, и где он найдет идеальную для себя жизнь.

Романы А. Иванова и Д. Быкова представляют современную Россию, во внешне простом, неукрашенном виде. В действительности, авторы занимаются сложным социокультурным моделированием, исследуя прошлое страны, его настоящее и будущее. Предварительные результаты изучения произведений позволяют обозначить некоторые характеристики данных моделей. Сам выход за пределы социокультурного пространства мотивируется разрушением его центров. Герои пытаются противодействовать этому процессу путем создания новых сообществ за границами «старых» городов. Как и в традиционной литературе, путешествие перерастает в создание вертикали личностного роста. Возвращение героя назад должно изменить социокультурную реальность.

* * *

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.

2. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

3. Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.

4. Иванова М. С. Маргинализация и ее динамика в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

marginalizatsiya-i-ee-dinamika-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve (дата обращения: 1.07.2017).

5. Котылев А. Ю. Замороженная память. История и мифология Севера в романе В. Каверина «Два капитана» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 299—313.

6. Ремизова М. Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/38.html> (дата обращения: 1.07.2017).

7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

УДК 008

А. П. Люсый

**Глобальный трюкач реконструкции:
экран как историческое убежище, пародия
и производство киборгов**

Первая мировая война характеризуется как первая кинематографическая, с той оговоркой, что становление этой кинематографичности, то есть осознание практического значения кинематографа, происходило в самом процессе этой войны. Место реконструкции юбилея этой войны в структуре современности основывается на материале фильма американского режиссера Ричарда Раша «Трюкач» (1980) и его странной востребованности на советском экране (гораздо большей, чем в своей стране). Привлечение марксистского контекста проясняет его возможное влияние на формирование текущего субъекта военного конфликта.

Ключевые слова: экран, реконструкция, субъект, конфликт, война, контекст, богема, трюк.

A. P. Liusyi. Global recycle reconstruction: the screen as a historical refuge, a parody and the production of cyborgs

The First World War is characterized as the first cinematic, with the proviso that the emergence of this cinematography, that is, the realization of the practical significance of cinematography, occurred in the very process of this war. The site of the reconstruction of the jubilee of this war in the structure of modernity is based on the material of the American director Richard Rush's film «The Stunt Man» (1980) and his strange demand for the Soviet screen (much larger than in his country). Attraction of the Marxist context clarifies its possible influence on the formation of the current subject of the military conflict.

Keywords: screen, reconstruction, subject, conflict, war, context, bohemia, trick.

«...Находясь в гражданском состоянии со своими согражданами и в природном состоянии со всем остальным светом, мы предотвращали частные войны только затем, чтобы разжечь тем самым всеобщие, в тысячу раз более ужасные; и, объединяясь с рядом людей, мы на самом деле становимся врагами рода человеческого...»

Ж.-Ж. Руссо. Суждение о вечном мире

Нас мало. Нас, может быть, трое
Донецких, горячих и адских
Под серой бегущей корою
Дождей, облаков и солдатских
Советов, стихов и дискуссий
О транспорте и об искусстве.

Борис Пастернак. Я их мог позабыть

К истокам сквозь экран

С примечательного эпизода начинается малознакомый российскому зрителю фильм великого греческого кинорежиссера Теодороса Ангелопулоса (1935—2012) «Взгляд Улисса» (Гран-при Каннского кинофестиваля 1995 года). Американский кинорежиссер греческого происхождения через 35 лет отсутствия приезжает в родной город на премьеру своего последнего фильма, вызвавшего демонстрацию протеста местных православных фундаменталистов. Для подлинного «возвращения домой» у этого современного Одиссея возникает потребность отыскать три созданных в 1905 году киноролика, которые могут рассматриваться как первый греческий (и балканский в целом) фильм. В поисках их следов он переезжает из Греции в Албанию, Македонию, Болгарию, Румынию, знакомясь с современным состоянием этих стран, но периодически проваливаясь в разные моменты истории. В Одессе, чтобы попасть в находящуюся под санкциями Сербию, он нелегально устраивается на барже, которая транспортирует в Германию огромный демонтированный памятник Ленину. Во время этой части маршрута по обеим берегам Дуная статую провожают толпы народа, значительная часть — стоя на коленях.

Однако пора вернуться, так сказать, к нашим баранам (пусть герой из Белграда в последующую и окончательную сараевскую мясорубку отправляется уже самостоятельно). Россия, как якобы оценивал свою прижизненную ситуацию то ли Владимир Ильич, то ли Лев Давидович, «беременна» революцией, в массовом сознании произошел сдвиг, аналогичный апокрифической оценке «важнейшего из искусств», о чем ниже. Как бы там ни было, но соответствующее *зачатие* произошло на фронтах Первой мировой войны, которая и начала перерастать в полном соответствии с его теоретическими установками и практическими лозунгами в войну гражданскую. Как теперь один юбилей перерастает в другой — с неожиданной нынешней кинопоправкой. Именно сквозь экранную призму мы и намерены обратиться к истории концептуального переосмысления значения I мировой войны в истории в попытках возвысить её значение за счет революции.

100-летие Первой мировой войны совпало с такой формой междивизионального диалога, как *мировые медиавойны*. Конечно, теперь уместней бы вспомнить о созданном Сергеем Эйзенштейном киномифе Октябрьской революции. Теперь, однако, Игорь Угольников и Дмитрий Месхиев предприняли попытку с помощью I мировой создать ситуацию её исчезновения, упорно повторяя в съемках своего «поворотного-переворотного» фильма «Батальон» («первоначально «Батальон смерти») ниспровергающий термин «переворот». В основе фильма — фронтовая судьба командира женского батальона Марии Бочкаревой («Яшки») и ее однополчанок. При этом осуществляется своего рода гендерно-патриотический поворот-переворот переосмысления самой сущности женщины. Точкой сборки фильма оказывается мужественный бросок на неудачно брошенную в окопе гранату одной из героинь, затем парящей в воздухе во всем многообразии оторванных конечностей. Так точка эстетического разрыва становится одновременно и точкой идеологической сборки, в то же время невольно соотносясь в сознании зрителя скорее с более близкой житейски локальной поэтикой теракта в метро.

Можно рассматривать Первую и Вторую мировые войны как два этапа одной войны, с перерывом на Октябрьскую революцию и Версальский мир, что более подходит Германии, чем России, из пере-

писанной истории которой революцию и гражданскую войну вычеркивать глупо и безответственно. А можно, как это сделал немецкий историк Эрнст Нольте, представить Вторую мировую войну как «европейскую гражданскую войну» [12], продолжение той «единственной гражданской», которая началась именно в России.

Поскольку большевики «дезертировали» с Первой мировой войны посредством подписания Брестского мира, в дальнейшем они старались, чтобы страна забыла об этой странице истории. К примеру, подвиг русских защитников крепости Осовец (своего рода Брестская крепость Первой мировой) до недавнего времени был больше известен в Европе, нежели у нас на родине, при том что эта история так и просится на экран [15], сама по себе складываясь в набросок сценария этих событий, подобные которым одновременно реконструировались и пародировались в американском фильме «Трюкач», о котором и пойдет речь ниже.

Глобальный трюкач

Многие историки отмечают, что в 2000-х годах произошел перезапуск позднесоветского мифа о Великой Отечественной войне, в свое время не только обосновывавшего самое присутствие брежневской элиты во власти, но и ставшего инструментом частичной реставрации сталинизма. Сегодня же он монтируется с «вечными» символами победы и героического прошлого.

Все базовые советские мифы были учредительными или генетическими. Оттепельная интеллигенция апеллировала к Революции и Гражданской войне как к забытому, но истинному началу советского проекта. Параллельно ею была затеяна частичная демифологизация сталинской политической памяти о ВОВ («лейтенантская проза» и некоторые другие формы «правды о войне»). Брежневская элита сделала ставку на Войну и Победу как начало актуальной национальной памяти, при этом отдавая должное Революции и Гражданской войне, но в то же время не преувеличивая их значения, смазав прежде всего оппозиционные коннотации этих первособытий, характерные для «оттепели» [9].

В любом случае эти мифы оставались сугубо начинательными. Так они просуществовали до перестройки включительно, а за-

тем подверглись известной эрозии и на время легли на полку. И вот теперь новое вино вливается в эти старые мехи. Но изменения налицо: в новой политической мифологии мы уже, во-первых, не видим Революции и Гражданской войны, во-вторых, миф о Великой Отечественной войне становится легитимирующим мифом элит. Поэтому современный военный миф стал легко уживаться с дореволюционными, а также «вечными» символами единства, миролюбия и государственной мощи нашей страны (тот же св. Георгий и ленточка его имени). Налицо полная эклектика. Но практика показывает, что именно такой идеологический инструмент наиболее эффективен: он должен максимально освободиться от конкретики и стать чистой формой. Именно в таком виде он может работать как универсальный скрипт (программный сценарий), эмоциональная и поведенческая матрица, пригодная для наполнения любым содержанием.

Первую мировую войну можно назвать в контексте общих технологических новинок и первой кинематографической, с той оговоркой, что становление этой кинематографичности, то есть осознание практического значения кинематографа, происходило в самом процессе этой войны. Это при том, что с ее началом многие европейские киностудии поначалу из экономии закрылись, и мало кто из политиков, как и положено политикам в принципе, способен был сразу же увидеть в кинематографе важнейшее как художественное, так и технологическое средство военной пропаганды для поднятия боевого духа. Напротив, некоторые из использовавшихся в кинопроизводстве химикатов изымались для нужд военной промышленности, что привело к уничтожению многих уникальных кинолент. Революционеры, стоит отметить, в социальной «химии» и ее катализаторах разбирались лучше. Многие отмечали эстетическую глухоту того, кто совершил медиацию мировой войны в промежуточную гражданскую, по отношению к новейшим художественным течениям (любовь Маяковского к Ленину не была взаимной). Но его слова о кино как «важнейшем из искусств» сопровождали зрителя в каждом кинотеатре СССР на протяжении всей советской истории (интересно, что в полном виде это апокрифическое высказывание выглядело так: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк») [4, с. 19].

Мировой предреволюционный зритель ждал от экрана прежде всего прежних развлечений, возможности ухода из ужасной и неприглядной реальности. Несмотря на то что батальные сцены и тогда уже получались зрелищными, картины, посвященные тем или иным эпизодам военной истории, например «Ватерлоо», редко добивались зрительского успеха. Поскольку основная масса публики не была знакома с исторической обстановкой, на фоне которой разворачивались подобные действия, она не могла в полной мере сопереживать героям подобных киносаг, в отличие от мелодраматических сюжетов. Во время самой войны, когда надо было просто выживать, люди в кино если и ходили, то главным образом, чтобы расслабиться и увидеть другую жизнь, экран, скорее, играл роль убежища от невзгод. Однако военный фильм как жанр всё же стал исподволь возникать именно в годы Первой мировой войны. Наряду с игровыми развлекательными фильмами на экранах началась демонстрация еженедельных военных обзоров о событиях на фронте. Так зритель был подготовлен к восприятию военных фильмов, хотя в самой Европе игровых лент на военную тему было снято тогда немного. После вступления в войну США (1917) Голливуд, став пристанищем многих европейских кинематографистов, приступил к массовому выпуску военных лент, призванных оправдать этот шаг в глазах общественности, возбудить ненависть к противнику и тем самым привлечь граждан на военную службу, а также усиленно внедрял в массы чувство патриотизма и лютой ненависти к врагам. Было снято большое количество военных фильмов, преимущественно документальных, в стиле милитаристской пропаганды. Особой агрессивностью отличались картины «К дьяволу кайзера» и «Берлинское чудовище». Однако и тогда большинство «патриотических» фильмов были сентиментальными мелодрамами. В конечном счете Первая мировая война приобрела свое мировое значение «великой», «современной» и «тотальной» в определенной мере благодаря роли визуальных медиумов в процессах социальной мобилизации, а также в формировании структур коллективной памяти о постигшей всех катастрофе [11].

В России еще до Первой мировой войны, в условиях обострения международной обстановки, русские дипломаты за рубежом обратили внимание на все более активное использование кинематогра-

фа в политической пропаганде и призывали учиться в этом смысле у других стран, в первую очередь у потенциальных врагов: Германии и Австро-Венгрии. Об этом свидетельствует записка сотрудника российского генконсульства в Будапеште князя Г. Д. Маврокордато в МИД России: «Кинематографом можно злоупотреблять и пользоваться в целях политической пропаганды...» [7].

В послевоенное время стали появляться картины, более объективно и реалистично отражавшие реалии войны. Но публика не желала, чтобы ей напоминали о только что пережитом ужасе войны и вскоре возобладал авантюрно-приключенческий стиль в военной теме. Особой популярностью пользовались фильмы, посвященные авиации. Прекрасными образцами фильмов, в процессе создания которых применялись новые технологии, стали «Крылья» (1927 г.) и «Ангелы Ада» (1930 г.).

«Крылья» Уильяма Уэллмана представляли голливудскую романтическую историю, мастерски поставленную на фоне взлетающих аэропланов. Действие происходит во время Первой мировой войны в многострадальной Франции, в небе которой два американских пилота разыгрывают воздушный спектакль, а на земле их ждет любовь подружек.

Режиссер, будучи сам военным летчиком, со знанием дела взялся запечатлеть воздушные баталии, а также и земные будни эскадрильи «Лафайет», как полагается обрामив героизм летчиков мелодраматическим хеппи-эндом — и голливудским пафосом. Однако в показе «небесных» сцен пришлось прибегнуть к помощи постановщика спецэффектов Роя Поумроя. В результате оба — и режиссер, и «трюкач» — стали первыми лауреатами премии Американской академии, которая впоследствии стала называться «Оскар». Сцены воздушных боев действительно восхищали ещё и потому, что в те времена и речи не было о надежной страховке во время исполнения трюков (долго потом ходили слухи о несчастных случаях во время съемок, якобы скрываемых продюсерами).

Однако целью данных заметок является не киноисториография Первой мировой войны как таковая, а попытка с помощью кинематографа нащупать место реконструкции юбилея этой войны в структуре современности и юбилея Великого Октября. Если судить в терминах потерь убитыми, мир с 1945 года, как отмечает Э. Тоффлер, пре-

терпел через локальные конфликты нечто вроде Первой мировой войны [13] (жертв среди мирного населения многократно больше).

Возрождение трюкача

Я же предлагаю, перепрыгнув через несколько десятилетий, обратиться наконец к обещанному фильму американского режиссера Ричарда Раша «Трюкач» и его странной востребованности в иной культуре. Не просто оказалось оценить, чем стала для режиссера Ричарда Раша эта кинокартина: успехом или поражением? С прокатной точки зрения фильм стал скорее провалом. После завершения съёмок он смог выйти на экраны только спустя полтора года, а, выйдя всего через месяц сошел с кинопроката, едва отбив свой бюджет. Однако неожиданный реванш был взят в... СССР. Здесь этот оперативно закупленный фильм собрал в кинотеатрах в десять раз больше зрителей, чем в США, став абсолютным лидером кинопроката среди зарубежных фильмов в 1980 году.

Фильм рассказывает о потерявшем социальную адекватность при возвращении к мирной жизни ветеране вьетнамской войны Кеймероне. В нашем отечественном кино позже та же тема поднималась на афганском материале, востребованность же «Трюкача» показывает актуальность в обществе самой проблемы. Актер Стив Рэйлсбек хорошо передает нервическую дворовую непосредственность главного героя. Узнав об измене подруги, он громит ее магазин, устраивает драку с полицией, убегает от погони и получает неожиданное убежище на съемках фильма, посвященного Первой мировой войне. Режиссер этого «фильма в фильме» Илай Кросс (в исполнении знаменитого Питера О'Тула, сыгравшего здесь одну из лучших своих ролей, что способствовало номинированию фильма на кинопремию «Оскар») мгновенно оценил ситуацию и предложил беглецу своеобразное киноубежище, заняв место каскадера, не так давно погибшего в столкновении с тем же Кеймероном.

Война показана с шокирующим натурализмом, который, впрочем, тут же разоблачается. Горы трупов «свирепых гуннов» после съемок очередного эпизода артобстрела или атаки начинают шевелиться, оторванные конечности оказываются искусственными, «мертвецы» в противогазах оживают. Искусственность ужаса Первой мировой явно призвана рассеять недавно перенесенный частью зрителей

ужас Вьетнама. Позднее философ Э. Тоффлер так характеризует характер визуализации «войны в Заливе»: «В результате возник весьма очищенный образ войны, намного более бескровная с виду форма боя, составлявшая резкий контраст с тем, что показывало телевидение о вьетнамской войне — летящие в воздухе оторванные конечности, разможенные черепа и обожженные напалмом дети. Все это вбрасывал телевизор прямо в американскую гостиную» [13, с. 29].

В «Трюкаче» главный герой «фильма в фильме» каскадерскими стараниями Кеймерона победно парит в воздухе в духе упомянутых выше военных комедий, танцует на крыльях и на них же сидя распивает шампанское из бутылки.

Параллельно развивается по-своему рискованный, но красочный любовный роман Кеймерона с бывшей подругой Илая актрисой Ниной в гламурном исполнении Барбары Херши (после пробного любовного приключения с гримершей). Трудно понять, насколько это вгоняет Илая в ревность. Он — воплощение «человека играющего» и режиссирующего, всюду преследующего Кеймерона верхом на вездесущем операторском кране, совмещая тем самым функции Медного всадника и башни Бентама, тоже имеющей, между прочим, отчасти русское происхождение, так как ранее её создатель оказался причастен к появлению «потёмкинских деревень». «И обе машины зрения, — как пишет Мишель Фуко, — были изобретены при дворе одного и того же человека, который одним из первых в России сделал отправление власти своим единственным занятием» [14, с. 175].

Другими словами, Кеймерон по-прежнему преследуем, но в рамках определенных игровых правил, которые, впрочем, тоже нарушаются, так что вскоре грань между кино и реальностью стирается. Кеймерон начинает подозревать Илая в намерении умертвить его в сцене подводной съемки для придания окончательной выразительности фильму. Но он не уклоняется от этой последней схватки с судьбой и опять выходит сухим из воды. Конфликт разрешается сугубо финансовым скандалом, отодвигающим в сторону даже любовь. Единственное, в чем Илай обманывает Кеймерона, — он платит ему за последний трюк по обычным расценкам, хотя была устная договоренность о повышенной оплате, и улетает на съемочном вертолете. Какая-то недостойная продемонстрированных ранее предельных испытаний мелкая пакость (мы еще вернемся к этому определению).

Жанр «Трюкача» трудно определить одним словом. Это некая диффузия из приключенческого боевика, социальной драмы, философской притчи и чёрной комедии со скандальным уклоном. Трудно назвать новаторским этот весьма энергичный и при этом скорее архаичный жанровый водоворот, в котором так же непросто уловить истинное послание режиссёра Ричарда Раша, его моральный императив. Следует отметить, что в советском прокате фильм был перемонтирован для придания ему хотя бы какой-то социальной направленности. Но вряд ли именно это сделало его столь привлекательным для советского зрителя. Прежде всего он привлекал нас, вероятно, тем, что рассказывал о другой жизни, которая была так не похожа на окружающую.

Заманчиво было бы привлечь для осмысления этого феномена еще не вышедший из моды *постмарксизм*, однако здесь куда более актуальной в контексте пары «режиссер—трюкач» оказывается скорее *предмарксизм*, каковым он предстает в работе К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (вошла в историю своим афоризмом насчет постоянного повторения трагедии истории в виде фарса): «Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие — словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону... Из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро Общества 10 декабря, «благотворительного общества», поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность ублаготворить себя за счет трудящейся массы нации. Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в

этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, — таков подлинный Бонапарт... Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости» [10, с. 58—59].

Классический марксизм, как известно, ставит во главу угла учение о революционной роли пролетариата, который, впрочем, сам по себе автора не так уж интересует. Подобно тому, как Р. Раш не понимал, для кого он снимает свой фильм, К. Маркс, по мнению Кирилла Кобрин, якобы не имел представления, для кого он пишет, — и, соответственно, что именно следует объяснять, на чем сосредоточить внимание, какую лексику использовать и так далее. Памфлет написан, по мнению К. Кобрин, как бы в никуда — и в этом одна из причин его убедительности [8].

Теоретический «трюк» К. Кобрин насчет «некудышности» Маркса неубедителен. Маркс имел достаточный опыт практической журналистики в 1848—49 гг. и отдавал себе отчет, для кого он пишет. У него была своя аудитория, пусть узкая, к которой он обращался, если даже и завывал иногда ее уровень. Поэтому в корне неверно, что Маркс писал в никуда, по некоему творческому зуду или из эстетического самовыражения, сознательно ограничивая круг читателей посвященными в частную конкретику лицами. Другое дело, что К. Маркс учитывал не только современных ему реальных читателей, но и предвидел некую воображаемую будущую возможную аудиторию, почему через 12 лет переиздал памфлет почти без изменений. Выводы и «опорные пункты» анализа в ней актуальности не потеряли.

В поисках зачинательного субъекта

«Через двенадцать лет после написания «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», — продолжает К. Кобрин, — создавая Первый Интернационал, Маркс столкнется с тем, что богема оказалась не только действеннее пролетариата и его идеологов, она подвижнее, гибче и в каком-то смысле действительно эффективнее. Глядя из начала XXI века, наблюдая символы, знаки и слова окружающего нас мира, которые придумали дадаисты, Энди Уорхол, Ги Дебор, кон-

тркультура 1960—1970-х и прочие агенты хаоса и анархии, остается признать, что победила богема, та ее часть, которая стала элитой. Пролетариат классовой борьбы сошел с арены даже на Донбассе, но возродился готовый к любым трюкам предмарксистский субъект гиперконфликта» [8]. Ведущую роль такового при рискованном переходе человечества от гиперимперии к гипердемократии предрекает Жак Аттали [1].

Мы полагаем, что текущий субъект конфликта порожден не всуе помянутым К. Кобриным постмарксистским левым, а скорее правым контекстом. Малосодержательным представляется утверждение о победе богемы над пролетариатом. Что есть богема в наше время? Ранее об этом точнее размышлял Олег Аронсон. «Политика устанавливает свою оптику в отношении социума, постоянно присваивая эти бессмысленные и неупорядоченные движения, в которых проявляет себя «пластика социума». Поэтому постоянно приходится учитывать эти по крайней мере три уровня — общность, социум, политика. И если история постоянно имеет дело с политикой, то есть с интерпретацией фактов, уже отобранных в качестве документов как «имеющих значение»; если антропология и социология обращаются к динамике социальных процессов, формирующих человека той или иной эпохи, то обращение к общности, кажется, вынуждено носить отвлеченно-философский характер. И это было бы так, если бы не было таких явлений, как богема, сообщества, сопротивляющегося социализации» [1, с. 17].

Вильгельм Беньямин, опираясь на работы Карла Маркса, в своих статьях о Бодлере обращает внимание на свойственный и пролетариату, и богеме «внутренний заговор» против политического порядка, который на примере Бодлера вырастает в заговор против порядка вообще [3]. Богема понадобилась Марксу для анализа исторических событий 1848 года, но на пути его пронизательных наблюдений встает... собственная богемность. Да, кочующий по Европе заговорщик, тайный борец с существующим порядком, безденежный интеллектуал-газетчик и теоретический трюкач, носящий внутри себя страсть по революциям и баррикадам, тоже был представителем той самой богемы.

1848-й, год выхода «Манифеста коммунистической партии» и год революций, О. Аронсон условно называет годом перехода Маркса

из «профессиональных заговорщиков» в «профессиональные революционеры», годом его выхода из «подполья» [1, с. 24]. Он старательно (политически и бессознательно) дистанцируется от богемы и, возможно, поэтому в своем длинном списке ее представителей интеллектуалов не упоминает вовсе.

Между тем в вышедшем в том же 1848 году романе Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы», послужившем основой для либретто знаменитой оперы Пуччини «Богема», данная социальная группа состоит из художников и поэтов Латинского квартала, оказавшихся непосредственными участниками революционных событий. А в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» это «бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие, — словом, вся неопределенная, разношерстная, бродячая масса, которую французы называют богемой» [1, с. 22]. Однако описание Маркса открыто, то есть характеристики богемы как «неопределенной», «бродячей», «разношерстной» являются для него более существенными, чем многочисленные конкретные ее представители. Способность быть бродягой, человеком улицы, человеком толпы («майдана») придает черты богемности представителю любого класса.

Отсюда, надеемся, и вытекает ложная «беременность» революцией по случаю какого-либо из её юбилеев, которая примиряется с миром через образы искусства и историко-философский дискурс.

* * *

1. Аттали Ж. Краткая история будущего: Мир в ближайшие 50 лет. СПб., 2014.
2. Аронсон О. Богема: Опыт сообщества (Наброски к философии асоциальности). М.: Прагматика культуры, 2002.
3. Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000.
4. Болтянский Г. М. Ленин и кино. М.; Л., 1925.
5. Жан-Люк Годар: Фрагменты книги и интервью // Искусство кино. 2010. № 11. С. 12—18.
6. Добротворский С. Афганский излом // Сеанс. 1992. № 6. С. 22—28.

7. «Кинематографом можно злоупотреблять и пользоваться в целях политической пропаганды...». Донесение секретаря императорского российского консульства в Будапеште князя Маврокордато / публ. и коммент. Р. Янгирова // Отечественные записки. 2006. № 4. (Автор выражает благодарность А. С. Стыкалину за указание данного источника.)

8. Кобрин К. Вечная современность: заметки на полях «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» // Неприкосновенный запас. 2014. № 1 (93).

9. Корчинский А., Максаков В. Битва за Войну. Прошлое парализует движения, но не тащит назад. URL: <http://gefter.ru/archive/12558>

10. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 8. М., 1957.

11. Нагорная О. С., Раева Т. В. Образы Первой мировой войны на экранах межвоенной России и Германии: мемориальная политика и коллективная память // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 32 (291). С. 45—52.

12. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917—1945). Национал-социализм и большевизм: пер. с нем. / послесловие С. Земляного. М., 2003.

13. Тоффлер Э. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М., 2005.

14. Эткинд А. Фуко и императорская Россия // Мишель Фуко и Россия: сб. статей / под ред. О. Хархорина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.

15. Юрлов С., Дятликович В. Почему столетие с начала Первой мировой войны стало событием для Европы, но не для России. URL: <http://style.rbc.ru/news/luxury/2014/07/28/18960/>

УДК 304.2

Л. Н. Дорогова, И. А. Скрипачева

**К вопросу о разнообразии маркеров
социальных настроений в обществе
(историко-культурологический аспект)**

Рассматривается проблема существования на каждом этапе развития общества разнообразных по способам проявления, эмоциональной насыщенности и общественной значимости социальных настроений, которые обладают присущими им признаками-маркерами. Маркеры позволяют выявлять те или иные социальные настроения настоящего или прошлого, соотносить их с конкретным временем, условиями жизни, историческими событиями, обнаруживать признаки трансформации социальных настроений. С помощью маркеров при внимательном их изучении можно обнаруживать измененные социальные, нравственные, эстетические и другие подтексты социальных настроений.

Ключевые слова: маркеры, история, культура общества, социальные настроения, деятельность, социальная психология, полимаркерность, частотный анализ, смена подтекстов маркеров.

L. N. Dorogova, I. A. Skripatcheva. On the issue of the diversity of markers of social sentiments in society (historical and cultural aspect)

Discusses the problem of the existence at each stage of development of society in diverse ways, emotional intensity and social significance of social attitudes, which possess inherent attributes-markers. Markers allow you to identify certain social mood correlate them with specific time, living conditions, historical events, to detect signs of transformation. Using markers in their careful study can reveal the changed social, moral, aesthetic and other implications of social mood.

Keywords: markers, history, culture of a society, social moods, activity, social psychology, polymarkerness, frequency analysis, change of subtexts of markers.

Маркеры социальных настроений — это показатели, которые свидетельствуют о факте наличия в социальных настроениях классов или групп людей разных по общественной значимости существенных эмоционально-чувственных состояний, влияющих на поведение, мироощущение, межличностное общение в тот или иной период времени. Будучи обнаружены, маркеры позволяют: осознать присутствие изменений в коллективном сознании той или иной социальной группы, в ее настроениях, осуществлять диагностику «социального здоровья», прогнозировать возможные последствия реализации на практике действий, вызванных разными умонастроениями, принимать меры, содействующие снижению социальной напряженности. Эти умонастроения в любом обществе изменчивы, зависимы от многих сторон экономической, политической, нравственной, индивидуально-личностной и других аспектов жизни.

Выявление маркеров настроений важно не только для понимания состояния социально-экономического, политического, морально-этического здоровья общества. Оно важно и для диагностики состояния нравственной жизни семьи, учебного или трудового коллектива.

Интерес к теме маркеров социальных настроений обусловлен, кроме того, грядущими событиями — выборами Президента России. В связи с этим активизируется интерес к выявлению палитры социальных настроений, существующих в обществе. Повышенный интерес социологических служб, представителей разных политических партий к изучению общественного мнения, настроений, вызванных положением дел в государстве, объясняется необходимостью составления будущих программных документов, формулированию лозунгов, в которых должны найти отражение выявленные в ходе опросов интересы, нужды и потребности тех или иных социальных слоев. Поэтому проблема маркировки социальных настроений разных социальных слоев общества имеет не просто исследовательскую мотивировку, но и утилитарную.

В рамках учебного курса культурологии при освещении событий, относящихся к тому или иному периоду истории культуры, в условиях ограниченности учебных часов возникает необходимость выбора приоритетов в освещении событий этого исторического периода для включения их в текст лекционного материала. Такие маркеры

событий необходимы для выбора примеров, демонстрирующих разные социальные настроения конкретного времени. Они позволяют избегать односторонности при изложении материала, связанного с освещением конкретного исторического времени, давать более полную характеристику социальным процессам изучаемого периода.

При изучении сферы применения понятия «маркеры» применительно к социальным настроениям может возникнуть вопрос, касающийся замены понятия «маркеры» понятием или категорией социологической науки — «индексы социальных настроений». Не для всякого историко-культурного контекста конкретного времени уместно использование применяемого в социологических исследованиях «индекса социальных настроений» (например, Средневековья). Это связано с тем, что число таких индексов в современной практике соц-опросов доходит до двадцати, и, кроме того, они выражаются в числовой форме, что не позволяет описывать с должной степенью конкретности, эмоционально-образной насыщенности характер социальных настроений, связанных с историческими событиями, имевшими место в культурной жизни прошлых эпох. По этой причине понятие «индексы социальных настроений» не может в полной мере заменить понятие «маркер» при характеристике изучаемого исторического периода в развитии культуры.

С теоретико-культурологической точки зрения маркер не является и мемом. Несмотря на то что маркер, подобно мему, можно отнести к единице культурной информации, пространство его существования намного уже мема. К мему относят любую фразу, идею, звук, символ, передающиеся от человека к человеку на основе подражания. Последний критерий является основополагающим потому лишь, что на подражании строится весь механизм возникновения мема, впрочем, как может быть, при определенных условиях и социального настроения. Однако как единица культурной информации мем не зависит от конкретной ситуации, а представляет собой универсальный код. На практике это проявляется в случаях, когда один и тот же мем используется для объяснения самых разных ситуаций. Маркер же позволяет обнаружить конкретную информацию о качественном состоянии какого-либо субъекта или субъектов в конкретных ситуациях и определенных временных границах. Очевидность наличия того или иного маркера социальных настроений ограниче-

на временными границами жизненного цикла настроений. А эти настроения зависят от срока жизни конкретных событий, их вызывающих.

К проблеме природы социальных настроений в обществе ученые обращались начиная с XIX в., в частности Г. Тард («Общественное мнение и толпа»), Г. Лебон («Психология народов и масс»), Н. К. Михайловский («Герои и толпа»). В более позднее время исследование социальных настроений привлекало и продолжает привлекать внимание ученых разных научных направлений: социальных психологов, историков, социологов, политологов. В их числе Б. Д. Парыгин «Общественное настроение», Б. Ф. Поршнев «Социальная психология и история»; Ж. Тощенко, С. Харченко «Социальное настроение». Среди психологов внимание этой проблеме уделяли М. Г. Ярошевский и А. В. Петровский в коллективном труде «Психология»; Д. В. Ольшанский в работе «Психология масс» и многие другие. Социальные настроения, господствующие в обществе, — предмет изучения общественных наук, которые под тем или иным углом зрения обращаются к проблемам динамики общественных явлений.

В научной практике XX и нач. XXI в. сформировалось мнение, согласно которому изучение общественных настроений — это прерогатива психологии и социальной психологии. Однако отнесение этого направления научных исследований только к социальной психологии, видимо, не может считаться абсолютно адресным. В исторической ретроспективе, к которой обращаются культурологи в ходе изложения учебных тем, связанных со сменой культурных парадигм разных эпох, истоки смены общественных настроений так или иначе обнаруживают в том числе и в историко-политических реалиях разных эпох. Совершенно не случайно Б. Ф. Поршнева, историка по своей научной специализации, изучавшего средневековые и нововременные общественно-политические движения, стали считать одним из ведущих специалистов социально-психологической исследовательской традиции, связанной с общественными движениями и, соответственно, их рождающими настроениями. Работа ученого «Социальная психология и история» в своей основе строится на историческом материале революционного движения в России начала XX в. К проблеме общественных движений и порождаемых ими настроений обращались ученые, исследовавшие разные фор-

мы социального поведения масс в истории обществ: Е. В. Тарле «Партизанская борьба в национально-освободительных войнах Запада», «Северная война и шведское нашествие на Россию» и другие его труды; М. А. Барг и Е. Б. Черняк рассматривали истоки социальных настроений в коллективном труде «Великие социальные революции XVII—XVIII вв.», и многие другие. Очевидно, что изучение мотивов смены династий, форм государственного правления, причин социальных волнений и т. п. неизбежно включало в себя анализ сопровождавших эти действия настроений, господствующих в какой-либо социальной среде. При этом в соответствии со спецификой той или иной научной дисциплины, присущими ей методами выбирались и объекты наблюдений, определяемые как маркеры, которые должны были засвидетельствовать частоту проявления обнаруженных показателей настроений.

В разных научных исследованиях при наличии внутренней установки искать факты протестного действия в качестве объектов наблюдений избираются: высказывания (в интернет-сообществе — посты) [9; 10, с. 61—64], в беседах с населением — ответы на вопросы; при анализе международных или внутригосударственных событий особое внимание привлекает комплекс мероприятий-маркеров (митинги, пикеты, шествия, забастовки, голодовки и т. п., вплоть до насильственных действий по отношению к стражам порядка, администрациям и т. п.). По тому, какой маркер социального настроения выбирается тем или иным исследователем, очевидны цели исследования. Скажем, существуют маркеры, свидетельствующие о масштабах общественного недовольства, вызванного неудовлетворительной работой различных служб, связанных с работой транспорта, снабжением, плохим городским благоустройством и т. д. и т. п. В таком случае маркерами разных настроений служат письма, жалобы, заявления в разные инстанции [1, с. 78—85]. Однако в социальном пространстве наряду с подобными маркерами общественных настроений всегда можно обнаружить и маркеры иных по формам проявления социальных настроений. Полимаркерность социальных настроений — характерная особенность исторического периода любого времени. Это свидетельствует о разной мотивации в поведении людей, различных интересах и связанных с ними умонастроениях в одних и тех же временных границах.

Учет полимаркерности необходим для большей полноты понимания, изучения, описания существующих или существовавших тенденций развития культуры общества. Это способно придать описанию конкретного исторического периода уникальную, характерную только для него окраску, показать полноту жизненных ситуаций. Однако, как замечает И. Н. Шкуратов, «настроение не предметно, а лично — это, во-первых, и, во-вторых, оно не специальное переживание, приуроченное к какому-то частному событию, а разлитое общее состояние» [11, с. 17].

Поэтому при выявлении маркеров социальных настроений определенного времени обращает на себя внимание «направленность интересов» тех или иных групп людей, объединенных общим настроением, наличие демонстративной сплоченности при реализации действий, основанных на этих интересах. Сегодня, если обратиться к исторической ретроспективе, можно обнаружить самые разные по характеру и степени массовости социальные настроения, существовавшие в едином временном поле. В одном случае они очевидны и «открыты» для наблюдения, в других случаях имеют «скрытый» характер, который не выявляется лишь до определенного времени.

Для понимания механизма формирования социальных настроений важен момент совпадения, синтонии или созвучия интересов, проявляемых к определенным видам деятельности, формам поведения, идеям у некоторого числа социальных групп, субъектов деятельности. Например, в числе таковых состояний может быть назван интерес к конкретным способам реализации социальных настроений с помощью художественной практики. Так, в 20—30-е годы XX в. в нашей стране получило широчайшее распространение увлечение театральными постановками. Позже в исследовательских трудах этот процесс был назван «Всеобщей театрализацией Республики». Такое состояние «демонстративной сплоченности» наиболее полно описано в работах, посвященных изучению театрального творчества. При этом само включение разных групп населения в подобный процесс исходило не из руководящих директивных постановлений органов власти, как до, так и вскоре после Октябрьской революции, а зарождалось внутри разных социальных групп, и, конечно, же молодежи в первую очередь. В этом проявлялась потребность коллективного творчества, совместного действия, пронизанного общим интере-

сом, общим влечением к самореализации. По воспоминаниям представителей старшего поколения, родившегося в начале 1900-х годов XX в., в пору их молодости, которая пришлось на 20—30-е годы этого столетия, увлечением было участие в театральных постановках. Теперь трудно поверить, что в жизни далеких от столицы и крупных промышленных центров деревень и маленьких городков (например, село Зеленое в Казахстане или село Заметчино в Пензенской области) самодеятельное театральное творчество составляло существенную долю свободного времени и социальной активности молодежи. Отсутствие специальных помещений для демонстрации подготовленных ею театральных постановок несколько не смущало самодеятельных артистов, игравших даже в дровяных сараях. «Стихийная творческая энергия масс искала выхода. В массовых празднествах или массовых действиях, в которых принимало участие огромное количество народа... Сатирические театры миниатюр, «живая газета», ТРАМЫ (театры рабочей молодежи), «Синяя блуза» возникали по всей России, в Средней Азии, на Кавказе, в Карелии» [6; 4].

Всеобщая театрализация как социально-творческое явление, как маркер социальных настроений в обществе вновь проявилась в 60—70-е годы XX в., что выразилось в создании множества театральных студий по всей стране. В числе таких театров-студий, например, в Москве — студенческий театр МГУ под рук. Р. Быкова, театры «Современник», «на Юго-Западной»; театр под руководством В. Спесивцева; Ивановский молодежный театр под рук. Р. Гринберг; Пермский народный театр молодежи под рук. Л. Футлика; Омский театр поэзии под рук Ю. Шушковского и др. [3]. Части из таких любительских театров со временем удалось развиваться в профессиональные театры. В этот же период появилось и получило дальнейшее развитие студенческое движение «КВН» («Клуб веселых и находчивых») [7]. Это движение было подхвачено молодежью в разных регионах Советского Союза и после некоторого перерыва возобновилось в формах либо профессионального эстрадного театра, либо традиционной студенческой клубной самодеятельности.

Социально-культурным маркером 70—80-х годов было всесоюзное увлечение анекдотами на самые разные темы: о политических лидерах, о семейных и соседских отношениях, о продуктовой проблеме и т. д. [5]. Особое место занимали анекдоты о реалиях повсед-

невной жизни от «армянского радио», со специфическим юмором и интонациями. История происхождения «армянского радио» сегодня сводится к народным истокам, так как известно, что в эфире вещавшего в те годы государственного ереванского радио никогда не было такой рубрики. Формула «вопросы армянскому радио» остается культурным мемом. Богатство подтекстов анекдотов от «армянского радио» было столь разнообразно, остро актуально и заразительно, что оно было подхвачено в ряде восточных и западных стран Европы: Болгарии, Франции, Чехии, Восточной Германии, Польше и др. странах. Однако в отличие от нашей страны характер шуток в других странах имел менее острый характер, да и сами программы назывались иначе: во Франции — «Blague arménienne», в Польше и Германии — «Radio Eriwan» и в Иране — «Irawan mikoid» [10].

Как всеобщее увлечение студийным театральным творчеством, так и народный фольклор являлись формами проявления социальных настроений и по своим социальным функциям далеко выходили за пределы просто художественно-эстетической практики. Они служили маркерами сплывающих страну, характерных для данного времени социальных настроений в обществе. При этом все это проходило на фоне существовавших и в тот период проблем в экономической жизни общества (ограниченных материальных возможностей, продуктового дефицита, бытовых неудобств), при наличии «цензуры», идеологической дисциплины. Кроме того, своеобразным маркером культурной жизни советского общества за все время его существования было особое явление дружеского, товарищеского, открытого «домашнего» общения. Это не мешало людям разных возрастов и профессий собираться вечерами на «посиделки» у кого-нибудь дома и вести оживленные беседы на самые разные темы. В дружеском общении, в откровенных разговорах на самые разные темы проявлялась та самая «демонстративная сплоченность», которая постепенно ушла из обыденной жизни по мере социального расслоения общества и изменения подтекста слова «дружба». Кстати сказать, социально-нравственный контекст понятия «дружба» является маркером изменений, происходящих не только в повседневной жизни разных поколений россиян, но и в общественном сознании эпох. Проблема дружбы и дружеского бескорыстного открытого общения отмечалась и исследователями-филологами, использующими частотный анализ

лексики той или иной эпохи. Так, в книге А. Вежбицкой «Понимание культур через посредство ключевых слов» приведены такие наблюдения социолога Ф. Знаниецкого: «Возможно, самые известные добровольные, длящиеся отношения между отдельными индивидами, столь же близкие, как отношения между братьями, но независимые от наследственных связей, — это отношения дружбы (friendship). Они возникают в различных сложных коллективах, но достигают расцвета только в Древней Греции и Риме — судя по свидетельствам, содержащимся в трудах Платона, Ксенофонта, Аристотеля, эпикурейцев и Цицерона. Дружба редко упоминается в средневековой литературе, в которой предполагается, что основные отношения сотрудничества между людьми сводятся к религиозным; но она возродилась в эпоху Возрождения...» [2, с. 65].

В числе слов-маркеров, способных помочь осознать происходящие изменения в духовной жизни людей современного российского общества, есть слово «товарищ». Его смысловое поле в наши дни утратило тот подтекст, который можно восстановить по стихам В. Маяковского («Надо обвязать и жизнь мужчин, и женщин / Словом нас объединяющим: «Товарищ») или словами из песни на слова поэта Лебедева-Кумача: «Наше слово гордое «товарищ / Нам дороже всех красивых слов».

Во время одной из телевизионных передач по Центральному телевидению (2017 г.), посвященной экономическим вопросам, в которой кроме ведущего участвовали и специалисты в области экономики, одна из экспертов обратилась к телеведущему, используя слово «товарищ», на что получила резкий ответ: «Я вам не товарищ!» В интонации, отражающей не только уровень культуры ведущего, но и социально-нравственное отношение к смыслу самого слова «товарищ», к личности собеседника проявилась социальная пропасть и нравственно-этикетная сторона бытования конкретного понятия в современной жизни нашего общества. В данном случае это слово стало маркером социальных настроений в обществе, фиксирующим одну из социально-нравственных черт — социально-нравственное отчуждение.

В работе Б. Ф. Поршнева, посвященной исследованию социальных настроений, приведен пример, характеризующий нравственные установки советских людей, своеобразные маркеры, сложившиеся за годы социалистического образа жизни. «Совершенно новые чер-

ты психологии сравнительно с капиталистическим строем особенно бросаются в глаза не нам самим, а посторонним наблюдателям. Вот как написал об этом в 1964 г. гостивший в СССР английский прогрессивный писатель Алан Силлитоу: «В Братске говорят: “Здесь мы ставим дома”, или “Мы пускаем новый завод”, или “Мы построили новую плотину”. А в Англии всегда слышишь только: “Говорят, в будущем году они начнут строиться на том земельном участке”. Если бы я спросил рабочего в Ноттингеме: “Что это вы тут строите, приятель?”, он бы ответил: “Да вот они хотят ставить электрическую станцию”, “Они опять строят новые дома для учреждений”. В Советском Союзе я ни разу не слышал, чтобы мне сказали “они строят”, все здесь говорят «мы строим», будь то писатель, заместитель председателя горсовета, боксеры в спортивном зале Братска, водитель такси, студент, работница, выкладывающая плитками пол в помещении электростанции в Волжске» [8, с. 64—65].

Как видно, природа маркеров социальных настроений разнообразна, как разнообразны и формы их «предъявления» в обществе. Распознавание смысловых оттенков или подтекстов слов, действий, способов организации отдельных групп людей, формы времяпрепровождения и другое — все это имеет отношение к социальным действиям, проливает свет на разнообразие социальных настроений, рождающихся в разных конкретных жизненных ситуациях. А это, в свою очередь, позволяет различать суть происходящих изменений в общественном сознании и социальном настроении масс.

* * *

1. Алексеев В. В. Письма трудящихся в газеты как источник социологической информации (Некоторые вопросы источниковедческого анализа) // Методы сбора данных: анализ документов, наблюдение, эксперимент. М.: МГУ, 1985. С. 78—85.

2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.

3. Витин В. А. Студийное движение как форма обновления театра // Вестник Восточно-сибирского гос. ин-та культуры. 2011. № 1. С. 63—73.

4. Жукова Н. И. Реализация педагогического потенциала художественно-эстетического воспитания студенческой молодежи // Орловский гос. ин-т искусства и культуры: дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2015. 146 с.

5. Каган М. С. Анекдот как феномен культуры: Вступительный доклад // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 ноября 2002. СПб.: СПб. философское общество, 2002. 186 с.

6. Любительское художественное творчество в России XX в.: словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 496 с.

7. Перепелкина Я. С. Культурная диверсификация русского любительского театрального творчества: дис. ... канд. филос. н. Белгород, 2011. 164 с.

8. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 235 с.

9. Усова М. В. Сеть как маркер современного общества: социально-философский аспект // Вестник Поволжского ин-та управления. 2014. С. 39—146.

10. Чижик А. В. Факторы формирования социального настроения на основе анализа эмоциональной окраски постов в русскоязычном Twitter // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. С. 61—64.

11. Шкуратов И. Н. Настроение как фундаментальный феномен жизни. М.: МГУ им. Ломоносова, 2002. С. 17.

12. Шмелёва Е. Анекдоты об армянском радио: структура и языковые особенности. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/shmelevaljhtm>; URL:<http://www.russiahousenews.info/humor/aneddoti-armyanskoe-radio>

УДК 821.161.1.09-3:008

О. В. Шиндина

**Утопический проект нового человека:
культурно-антропологический и пространственный
аспекты (на примере прозы В. Каверина)**

В статье рассмотрены некоторые аспекты философско-культурологического и художественного осмысления феномена утопии, получившего яркое воплощение в творчестве русских писателей первой трети XX века. В статье проанализированы особенности художественного мира В. Каверина в контексте утопических концепций рубежа XIX—XX веков и их отражения в отечественной культуре 1920—1930-х годов. Особое внимание уделено таким аспектам антропологии нового человека, «создаваемого» в ходе социального эксперимента после революции 1917 года, как овладение речью и пространством.

Ключевые слова: утопия, речь, пространство, город, обезьяна, собака, архитектура, стекло, коммуна, интертекстуальность.

O. V. Shindina. Utopian project of new man: cultural-anthropological and spatial aspects (on example of V. Kaverin's prose)

The article analyzes some aspects of philosophic-cultural and artistic reasoning of the utopia phenomenon, which found bright realization in the works of Russian writers of the first one-third of the XX century. The article analyzes peculiarities of V. Kaverin's artistic world in context of utopian conceptions of the XIX—XX centuries and their reflection in Russian culture of the 1920—1930s. Special attention is paid to such aspects of new man's anthropology (new man is created in social experiment after the Revolution of 1917) as speech and space acquiring.

Keywords: utopia, speech, space, city, monkey, dog, architecture, glass, commune, intertextuality.

Одна из ключевых для послереволюционного времени тем — способы воспитания/формирования/создания человека нового ти-

па, соответствующего социально-политическим притязаниям советского общества, которые осмысляются в литературных формах утопии. Эти сценарии сопряжены с другой важной темой (актуализированной, в частности, в литературных текстах начала XX века), о которой современный исследователь пишет: «Начало XX века, Прекрасная эпоха, обычно определяется как “золотой век” в развитии новых технологий, естественных наук, медицины, новых направлений в искусстве и литературе. В то же время Прекрасная эпоха — это период, в который происходит интенсивное создание утопий, когда взгляд писателей оказывается нацеленным не на бурное развитие европейского общества “здесь и сейчас”, а на различные варианты будущего, результирующиеся из данного “здесь и сейчас”. <...> В период бурного технического прогресса в утопической литературе на первый план выдвигаются не проблемы технического развития, но проблемы биологии: получает развитие тема евгеники, в литературе берущая начало в “Утопии” Т. Мора» [1]. Литература после революционной эпохи не только осваивает жанр утопии (и вместе с тем вызывает к жизни жанр антиутопии, в котором, по сути, осуществляется «реакция на утопические проекты, страх, что они могут осуществиться» [5]), но и формирует сложную интертекстуальную стратегию взаимопересекающихся метатекстуальных проекций (связанных не только с современной литературой, но и с предыдущими литературными дискурсами); создает целый комплекс образов и мотивов, позволяющих осмыслить в соприкосновении с философскими проблемами биологии, медицины, технических наук культурные, философские и идеологические основы социальной утопии, в том числе образ идеального утопического города и его совершенного обитателя. Примером осознания соприкосновения философских проблем биологии с литературной теорией является фрагмент из главы «Опояз» воспоминаний Виктора Шкловского о Маяковском, посвященный приему раннего формализма — методу «узнавания»/остранения и описанный в сопоставлении с физиологической теорией академика Павлова. Анализируя язык Л. Толстого, Шкловский пишет: «Явление, воспринятое много раз и уже не воспринимаемое, вернее метод такого потушенного восприятия, я называл “узнаванием” в противоположность “видению”. Цель образности, цель создания нового искусства было возвращение предмета из узнавания в виде-

ние. Если говорить на языке современной физиологии, то дело сведется к торможению и возбуждению. Сигнал, поданный много раз, действует усыпляюще, тормозяще. На это совпадение моих тогдашних высказываний с работой Павлова мне указал Лев Гумилевский. <...> Это были идеи времени» [18].

В «фаустической» культуре начала XX века широко представлена тема демиурга (выраженного образами, близкими как Фаусту, так и мефистофелеподобному творцу), претендующего на роль бога; она возникает на пересечении евангельского рождественского мотива и средневекового мотива алхимического сотворения гомункулуса в реторте, сюда же привлечены античный жанр «рассказа о собаках», владеющих речью или превращаемых в человека, и жанр научно-фантастической утопии [3]. Все эти литературные жанрово-мотивные формы становятся плодотворным источником художественного оформления и осмысления проблемы формирования нового человека в отечественной литературе 1920—30-х годов, в которой особенно выделяется образ очеловеченной собаки. Мировая литература знает много примеров ложной антропоморфизации животного: собаки, кошки (например, роман «Житейские воззрения кота Мурра» Гофмана), обезьяны (повесть В. Гауффа «Обезьяна как человек», новелла-фельетон Гофмана «Сообщение об одном образованном молодом человеке») и т. п. Среди предшественников Каверина следует назвать И. В. Гете, у которого одним из воплощений Мефистофеля является собака, Н. В. Гоголя с его «Записками сумасшедшего», в которых Поприщин «перехватывает» переписку собак, — произведение, перекликающееся с гофмановским «Сообщением о новейших судьбах пса Бергансы», главного героя которого Гофман, по-видимому, заимствует, в свою очередь, из новеллы М. Сервантеса «Беседа собак». Наконец, М. Булгаков создает гибридное существо Шарикова, а Б. Пильняк в «Машинах и волках» выводит образ Росчиславского, мечтающего об анархической, волчьей свободе и гибнущего в сумасшедшем доме. Отдельное место в этом перечислении занимает фантастический роман 1886 года «Остров доктора Моро» Г. Уэллса, который в полной мере можно отнести к жанру антиутопии.

Философские основания новой антропологии, спроецированной на утопический проект создания нового человека, получают художественное преломление в литературе 1920—30-х годов в творчестве

М. Булгакова, В. Каверина, А. Платонова, К. Вагинова, Ю. Олеши и ряда других прозаиков. Особое место среди перечисленных имен занимают художественные произведения В. Каверина, ранний, «фантастический» период творчества которого характеризуется использованием художественных приемов, позволяющих осмыслить тему создания нового человека [14]. С «фаустическим» мотивом творения искусственного существа в творчестве Каверина тесно сопряжены образы гомункула/голема/статуи/собаки/обезьяны [9]. Более поздний роман «Два капитана», будучи многослойным текстом, отражает влияние разнообразных культурных источников, среди которых важное место занимают философские и социальные утопические проекты начала XX века, религиозные идеалы и народные легенды о праведных землях [16]. Хронотоп в поэтике Каверина становится сущностной аксиологической категорией, оформляющей сакральные и профанные топосы [13]. Мотив воспитания/формирования «нового человека», напрямую связанный с грандиозным проектом социального переустройства, у Каверина коррелирует с пространственным универсумом, в котором обозначены некие утопические локусы. Так, в романе в описании Москвы, как и в описании Ленинграда, присутствует двойственность, маркирующая сакральное и профанное пространства: например, топография, связанная с Катей Татариновой, отмечена особой значимостью, влияние ее личности сакрализует пространство: «Но вот Катя переехала на Ситцев Вражек — и с тех пор он удивительно переменялся. Он стал именно тем переулком, в котором жила Катя и который поэтому был ничуть не похож на все другие московские переулки. И самое название, которое всегда казалось мне смешным, теперь стало значительным и каким-то “Катиным”, как все, что было связано с нею...» [4, с. 351]. Учитывая важность для поэтики Каверина интертекстуальных стратегий (введение в текст романа прямых и косвенных цитат, аллюзии, реминисценции и иные формы «чужого слова»), превращающих роман в многомерное смысловое пространство, отметим значимость для русской культуры такого топографического локуса Москвы, как Ситцев Вражек. Показательно, что, сакрализуя московскую топографию, связанную с образом Кати, Каверин делает одним из адресов этой героини именно интеллигентный район Ситцева Вражека, приобретающий для главного героя романа Сани Григорьева особое зна-

чение. Одним из зашифрованных источников этого образа в «Двух капитанах» мог послужить роман М. Осоргина «Ситцев Вражек» (издан в 1928 году) — произведение о трагедии русской интеллигенции в годы революции, глава из которого «Обезьяний городок» была опубликована в Москве в 1918 году. В этой главе в притчевой форме описывается модель вольного городка «человеческих подобию», представители одного племени которых уничтожают другое. Убедительным аргументом для подобного сопоставления является разработка образа обезьяны в романе Каверина, важная для темы утопического, революционного эксперимента, с актуализацией популярных в 1920-е годы евгенических теорий, медико-биологических опытов по созданию нового/улучшенного человека. Так, значимым элементом этой образности становится образ «злой», «говорящей обезьяны», с которой Саня Григорьев сравнивает отца Гаера Кулия, издевательствами заменившего воспитание героя и его сестры и после революции служившего в зоопарке при клетках с гиббонами. Образ демагога Гаера Кулия напрямую связан с мотивом ложного, искаженного, пустого слова, через него объединяющего этого персонажа с Николаем Антоновичем, виртуозно владеющим клеветой и своими «круглыми» фразами искажающим истину. Тем самым эти персонажи противопоставлены героям романа, воплощающим идею истинного воспитания, — судье-старика Сковородникову, учителю Кораблеву и доктору Павлову, в присутствии которых хочется «говорить только правду» (именно эти герои, наделенные символическим статусом доктора, учителя, судьи и имеющие связь с художественным изображением магических персонажей ранней, «гофманианской» прозы Каверина, олицетворяют идею гуманистического воспитания).

Формирование Кавериним идеальных топосов московского пространства (таких, как Ситцев Вражек) неизбежно притягивает широкий круг культурных ассоциаций и метатекстуальных прочтений, связанных с идеей творческого содружества, объединенного неким хронотопом, что позволяет интерпретировать топографические маркеры романа в качестве отсылки к глубинным смыслам текста, манифестирующим тему утопии как идеальной творческой коммуны и проекта создания нового человека. Так, другим литературным источником для формирования образа обезья-

ны в прозе Каверина могло стать творчество А. М. Ремизова, широко разрабатывавшего «обезьянью» тему, которая была решена им антиномичным образом (от сугубо негативного изображения до олицетворения разумного существа). Значение фигуры этого литератора для Каверина представляется безусловно важным, учитывая, во-первых, его роль в выборе названия литературного объединения «Серапионовы братья» (по одной из версий, его предложил именно он) и, во-вторых, роль в русской литературе ремизовского фантасмагорического ордена «Обезвелволпал» («Обезьянья Великая и Вольная Палата», или «Обезьяний орден»), в члены которого Ремизов посвящал избранных представителей творческой элиты начала XX века. Этический характер ремизовской «Конституции Обезьяньей Великой и Вольной Палаты и «Манифеста» «верховного властителя всех обезьян» Асыки Первого был очевиден для современников писателя своим утверждением безусловной ценности жизни каждого человека, более значимой, нежели отвлеченные идеологические революционные обязательства граждан перед репрессивным государством, жаждущим искоренить животную, «скотскую» природу человека: «Ремизовская утопия, откровенно пародируя идеологическое доктринерство — в том числе и ортодоксальных анархистов, предлагала вполне оригинальный вывод: человек только тогда выйдет из своего рабского, “скотского” состояния, когда будет вести себя по отношению к другим людям столь же естественно, гармонично и “интеллигентно” — как относятся друг к другу представители животного мира» [6]. Через ремизовское творчество проходит идея творить в повседневном пространстве революционной эпохи миф об особом братстве, дружеском союзе творчески независимых и самоценных индивидуальностей, миф о возможности создания и сохранения некоего утопического локуса в революционной «Взвихренной Руси». «На фоне уродливых проявлений большевистского режима Обезьяний орден стал контрроверзой людскому противоборству и разъединению, провозгласив своим идеалом мир гармоничных человеческих взаимоотношений, исходным и итоговым смыслом которого должны быть принципы взаимоуважения, доброжелательства, абсолютной свободы без обязанностей и полной анархии, основанной на порядке и осознанных ограничениях», — замечает Е. Р. Обатнина [6]. Подобная идея была чрезвычайно близ-

ка Каверину, который на протяжении всей жизни сохранял интерес к теме тайного общества, братства, ордена, выраженный в неоднократных наименованиях «Серрапионовых братьев» орденом в автобиографической прозе «В старом доме. Воспоминания и портреты».

Отметим также наличие еще одного историко-культурного, экстратекстуального аспекта прочтения литературных подтекстов в пространственном описании каверинского романа: с большой долей вероятности можно утверждать, что в «Двух капитанах» зашифрованы отсылки к творческой биографии «Серрапионовых братьев» как особой литературной коммуны 1920-х годов, отстаивавшей право на свободное, неподцензурное художественное волеизъявление. В. Шкловский, старший друг «серрапионов», вспоминал: «“Серрапионовы братья” собирались каждую субботу в комнате Михаила Слонимского в “Доме искусств”, — обезьяннике (Другое название коридора — “Зимний обезьянник”). — На обезьянник он похож: все двери темные, трубы от печурок над головой, вообще похоже. <...> Рядом со мной в “обезьяннике” жил Михаил Слонимский» [17, с. 225]. Метатекстуальная организация художественных произведений Каверина и разнообразно используемые им интертекстуальные стратегии позволяют автору манифестировать тему утопии как идеальной творческой коммуны («семьи») и осуществить отсылку к экстралитературным впечатлениям художественной жизни 1920—30-х годов, связанным в первую очередь с деятельностью ОПОЯЗа и «Серрапионовых братьев», а также с личным, автобиографическим опытом совместной жизни Каверина с семьей Ю. Тынянова.

Характерный для русской культуры первой трети XX века (и особенно для литературы) перенос интереса к теме грандиозных утопических преобразований из сферы социального эксперимента в медико-биологическую плоскость трансформации самих основ человечности, изменения фундаментальных характеристик антропологичности у Каверина выражается, в частности, связью пространственных описаний не только с обезьяньей метафорикой, но и с широко разработанной собачье-волчьей образностью. Подобным примером внесения в романский городской топос антропологического измерения, связанного с животным началом (а именно с образом собаки) является Собачья площадка, которая в романе Каверина служит любимым местом романтических свиданий героя. Эта простран-

ственная координата связана с мотивом любви, окрашенной в романе особой одухотворенностью, и вступает в интертекстуальные, диалогические отношения с названием (которое стало символическим, нарицательным) скандально известного романа Л. Гумилевского «Собачий переулоч» (1927), практически сразу получившего в периодике статус «порнографического романа». В названии романа Гумилевского, творческая биография которого связана с Саратовом, видится след реальной саратовской топографии — городского сада «Собачьи липки», становясь «символом всего низкого в человеке — животных, плотских страстей» [2, с. 417] Художественным постижением реликтов звериной природы в человеке становятся в «Двух капитанах», в частности, образы собаки и волка, олицетворяющие идею духовного восхождения человека, который преодолевает в себе низменное, неодухотворенно-животное, «звериное» начало. Зооморфная ипостась образа человека значима для поэтики романа Каверина, он постоянно подчеркивает ее присутствие в облике человека посредством замещающих образы шкуры и шерсти образов одежды с мехом, с шерстью, ворсистой фактурой (фабульно обусловленных холодом, зимним временем года, географической близостью Севера) — это полушубки, шубы, шинели (на металитературном уровне образ шинели связан с мощным пластом литературных аллюзий на филологические работы ОПОЯЗа, посвященные теме сюжетно-композиционного приема и открытые классической статьей Б. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя»). Кроме того, эти образы сигнализируют о ситуации инициации, перемены статуса, момента переживания временной смерти. Так, один из переломных моментов в биографии героя связан с заболеванием испанкой в зимней Москве: «Помню, что приметил в толпе мужчину огромного роста в двух шубах. <...> Очень странно, но куда бы я ни пошел со своим товаром, везде натыкался на этого мужчину. <...> Мужчина в двух шубах медленно прошел мимо и вдруг сбросил на меня одну шубу. Но это уже был бред» [4, с. 104—105]. В этих болезненных видениях происходит преодоление героем смерти, как бы «избываемой» словесным бредом, и описывается некая идеальная модель существования, данная в модусе пространственного движения: «ничего больше не нужно, только бы ехать вот так зимой в розвальнях всю жизнь» [4, с. 105].

Следует отметить связь мотива овладения речью с утопическим антропологическим проектом создания нового человека. В художественном универсуме романа Каверина утопия наделена характеристиками логоцентрической космогонии: овладение речью созидает личность главного героя, символизирует собою могущество овладения исторической истиной, личной и общественной памятью, демонстрирует опасность манипулирования личностью и обществом [11]. Мотив владения речью философствующими собаками, который присутствует в ранней повести Каверина «Черновик человека», в «Двух капитанах» как бы расслаивается на составляющие: во-первых, здесь речью овладевает человек, а не собака (доктор учит Саню «не лаять», а говорить: «Ведь ты мог тогда только “ухо” сказать, да и то лаял» [4, с. 106]) и, во-вторых, сам человек осуществляет отказ от звериной сущности (свержение власти хулигана Степы, предпринятое в коммуне Саней Григорьевым при поддержке других беспризорников, описывается так: « Степа был избит, как собака. <...> он лежал за костром и выл» [4, с. 78]). Можно сказать, что через мотив овладения речью в романе осуществляется идея гуманистического воспитания человека. Отметим, что главный герой романа в определенный момент является лабораторным материалом для постоянных наблюдений и вмешательства в его развитие со стороны учителя Кораблева и доктора Ивана Ивановича Павлова, чьи имя и фамилия показательно совпадают с именем и фамилией нейрофизиолога Ивана Петровича Павлова, широко известного своими опытами над собаками и при изучении высшей нервной деятельности уделявшего внимание проблеме возникновения речи. Демиургическая роль доктора подчеркивается многочисленными примерами: «относился ко мне как к своему произведению, — он даже прищуривал один глаз, как будто все-таки не совсем доверял, что я — тот самый худенький черный мальчик» [4, с. 267] и др. Та же созидательная функция творца прослеживается на примере учителя Кораблева: «Он посмотрел на меня, далее закрыл один глаз, чтобы оценить во всех деталях. Это был хозяйский взгляд — как на своих рук дело. Должно быть, я все-таки понравился» [4, с. 315]. В этом контексте высказывание Сани о Кораблеве: «Вы — тоже инженеры человеческих душ» [4, с. 312] — подчеркивает технологический аспект созидания нового существа, отсылающий к научно-фантастическому жанру; к тому же высказывание это

носило внешне актуальный политический характер, соотносимый в печати с «воспитательной» ролью ОГПУ/НКВД [7], что при соблюдении Кавериним формальных признаков жанра романа воспитания юношества актуализировало тему деформации личности во имя целей государства, протест против которой не мог быть высказан прямо после 1927 года. Гуманистический пафос Каверина проявляется именно в том, что он ищет «алхимический рецепт» нового человека, отличающийся от селекционно-репрессивных, медико-биологических, инженерно-технологических методов воздействия на личность и толпу, — способов, могущих подавить самостоятельность мышления и творческое начало, которое и является сущностью человека. Отдельным аспектом утопической темы преобразования/трансформации/улучшения человеческой природы является культурфилософское осознание проблемы взаимоотношения человека и науки, техники и технологий, поскольку именно технократическое влияние становится в XX веке тем значимым фактором, который окрашивает идейно-социальные и этические концепции, становясь источником или значимым компонентом преобразовательных программ, формируемых обществом. Техника и технологии, преобразующие и совершенствующие природный мир, становятся одним из важнейших оснований создания искусственной среды обитания человека, «второй природы», т. е. мира культуры. Отражением в романе темы преобразующего вмешательства человека в основы природного мира становится мотив засекреченного государством эксперимента над животными, проводимого персонажем Валькой Жуковым, другом Сани Григорьева.

Связь утопических проектов города будущего с новым человеком была обозначена еще в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?», где идея обобществленной коллективной жизни новых людей напрямую ассоциируется с архитектурным образом дворца из стекла и чугуна, навеянным феноменом Всемирных выставок, демонстрирующих освоение новых материалов, которые в полной мере соответствуют идеям социалистов-утопистов о воспитании «нового массового человека» [10, 11, 12]. Художественное воплощение Чернышевским концепции «фаланстера» Фурье как, с одной стороны, новой формы жилья с центральным элементом в виде дворца особого типа и, с другой стороны, социального общежития в виде ком-

муны актуализируют в изображении дома/города образ стекла, прозрачного для всех форм контроля за жизнью их обитателей. Роман Чернышевского стал мощным эстетическим импульсом для отечественных писателей 1920-х годов, которые, размышляя о сценариях улучшения человеческой природы и их утопическим (антиутопическим) характером, формируют широкий спектр образов, изоморфных стеклянному дому-реторте: это и архитектура коммунистического общества в романе-утопии философа А. Богданова «Красная звезда» 1908 года (где выведены образы Хрустального дворца и стеклянно-железной фабрики, имеющей в плане крест как очевидную отсылку к храму), это и стеклянные жилища «номеров», обитателей общества будущего в романе Е. И. Замятина «Мы» 1921 года, это и образы стеклянных домов в романе К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» (прозрачность которых облегчала писателю Свистонову подглядывание за их обитателями). Образ утопического города из стекла появляется и в «филологическом романе» Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», где ощутима интертекстуальная отсылка к хлебниковским футуристическим образам жилищ из его статьи «Мы и дома. Мы и улицетворцы. Кричаль» (1915 г.). Влияние подобных социально-архитектурных утопий ощутимо не только в литературе, но и в кинематографе (показателен пример нереализованного сценария «Стеклозавод» 1927 года чуткого на идеологические вызовы времени С. Эйзенштейна) [15].

Прозрачность стекла как строительного материала неизбежно влечет ассоциации с мотивом контроля, наблюдения, подсматривания, осуществляемым в прозе 1920—30-х годов различными образами: начиная от всевозможных демиургов-творцов и заканчивая символическим, обобщенным и безличным образом Государства, — что позволяет включить в это смысловое поле мотивы творения/создания/эксперимента, превращающих обитателей стеклянных жилищ в гомункулов, лабораторный материал, который, в свою очередь, может иметь как антропоморфный, так и зооморфный характер. Например, стеклянный дом-лаборатория выведен в повести Каверина «Черновик человека», одна из сюжетных линий которой связана с научными опытами над собаками, «владеющими человеческой речью», а стеклянная лаборатория, где проводит эксперименты главный герой (размышляющий над реликтами примитивно-

го, звериного начала в породе людей, которые склонны к насилию), выступает своего рода аналогом реторты — дома «гомункулуса». Изоморфами подобного стеклянного жилища/алхимической пробырки выступают склянки и витрины кунсткамеры, позволяющие лицезреть героев, выставленных на всеобщее обозрение («Восковая персона» Ю. Тынянова, кунсткамера как собирательный образ персонажей прозы К. Вагинова), колбы лабораторий (реторта в алхимических опытах каверинского героя «Пятого странника»), паноптикумы с разного рода природными аномалиями и т. п.; с ними связаны стеклянные инструменты (микроскопы, увеличительные стекла, очки, бинокли), позволяющие наблюдать за лабораторным материалом.

В содержательно-многослойном романе Каверина «Два капитана», где, в отличие от ранней его прозы мотивы и образы, наделенные семантической аурой «алхимического» рецепта творения, выражены не эксплицитно, а зашифрованы, изоморфным образу стекла выступает лед, маркирующий новые идеальные города Севера (Полярный и Заполярье), олицетворяющего некий утопический локус, заповедную землю и связанного с центральной темой романа — духовными поисками главного героя и становлением его личности: «Никогда не забуду этого утра — и вовсе не потому, что своими бледными и в то же время смелыми красками оно представилось мне как бы первым утром на земле. Для Крайнего Севера это характерное чувство. Но точно ожиданием какого-то чуда стеснило мне грудь» [4, с. 618—619]. Наделение образа Севера характеристиками сакральной пространственной зоны позволяет Каверину описывать северные города как воплощенную утопию: «Точно это была моя родина, которую до сих пор я лишь видел во сне и напрасно искал долгие годы, — таким явился передо мной этот город. И в радостном возбуждении я стал думать, что здесь непременно должно произойти что-то очень хорошее для меня и даже, может быть, самое лучшее в жизни» [4, с. 618—619].

Главный герой романа связан с поиском идеального пространства, которое олицетворяет «начало дней» и восстановление истинной истории (напомню, что роман создавался во второй половине 1930-х годов, когда сложился авторитарный дискурс общественно-политической жизни, частью которого становится канон соцреализма). Роман отличает эсхатологическая устремленность и простран-

ственный поиск, выраженный характерной для мистической утопии линией путешествия, странничества, подчеркнутой сквозным лейтмотивом произведения — цитатой из стихотворения «Улисс» Теннисона, в котором Улисс отправляется на исходе дней в свое последнее плавание в страну теней. Метатекстуальный характер этой отсылки позволяет видеть в главном герое романа образ современного Одиссея, обладающего мифологической способностью перемещаться из профанного пространства в сакральное, наделенное эсхатологическими признаками как характерным качеством утопии. Восприятие утопического локуса (в каверинском романе в его роли выступает прежде всего Север) как посмертного, апокалиптического пространства особенно ярко эксплицировано в описании полярного пейзажа, обрамляющего могилу капитана Татаринова, и льдов, проплывающих мимо нее: «Вот приближается ледяной дом, с которого, звеня бесчисленными колокольчиками, скатывается вода» [4, с. 655]. Тема победы памяти и восстановленной истины над смертью, тема символического воскресения отцов, воплощенная в центральных героях романа — двух капитанах, Татаринове и Григорьеве [16], вступает в сложное смысловое взаимодействие с идеями искупления, спасения, преображения, присущими мистическим утопиям, которые оказали влияние на культуру Серебряного века [19], и имеющими параллели в «философии общего дела» Н. Ф. Федорова. В контексте утопического, радикального проекта Федорова мотив поиска погибшей экспедиции Татаринова, победы его научных идей и воскрешения дела его жизни, посвященного изучению и освоению Крайнего Севера, может рассматриваться как отсылка к значимым социальным и религиозно-философским утопиям начала XX века: «Не было и не могло быть надежды, что мы увидим его. Но пока не была названа смерть, пока я не увидел ее своими глазами, все светила в душе эта детская мысль. Теперь погасла, но ярко загорелась другая: не случайно, не напрасно искал я его — для него нет и не будет смерти» [4, с. 597]. Также в контексте специфической федоровской теории можно интерпретировать идею культурно-исторической преемственности между поколениями отцов и детей, которая в «Двух капитанах» вступает в сложные смысловые взаимоотношения с тургеневским творчеством: «...поколение, у которого нам еще приходилось кое-чему поучиться. Разумеется, между нами

не было никакой пропасти — почему-то полагается думать, что между “отцами и детьми” непременно должна быть пропасть» [4, с. 572]. Проходящее через весь роман сравнение жизни с книгой позволяет описать «последнюю страницу» жизни капитана Татаринова в ключе утопических федоровских представлений о бессмертии родителей: «Я прочел ее — и она оказалась бессмертной» [4, с. 615].

С мотивом бессмертия, актуализированным в утопическом дискурсе отечественной культуры этого периода, тесно переплетается мотив поиска рецепта вечной юности. Например, А. Н. Толстой в «Голубых городах» (1925) не только «наследует» у Чернышевского описание архитектурного проекта города будущего, составленного из стекла, металла и цемента, но и подчеркивает, что его обитатели — избранные, прошедшие программу «полного омоложения», включающую в себя, в частности, замену внутренней секреции обезьяньими железами, что неизбежно вызывает в памяти булгаковское «Собачье сердце» того же 1925 года, в котором «Преображенский стремится постичь тайну вечной юности (омоложение), а затем едва ли не “отменяет” эволюцию» [20, с. 195]. Мотивы омоложения и бессмертия (равно как и воспитания «нового человека») прочитываются в «Зависти» Ю. Олеши (1927), становясь более очевидными при привлечении метатекста повести — фильма «Строгий юноша» 1936 года (режиссер — А. Роом), к которому Олеша писал сценарий. В фильме престарелый профессор-хирург Юлиан Степанов на практике реализует идею вечной молодости и вечной жизни. Интересной и, вероятно, менее очевидной интертекстуальной параллелью к смысловому комплексу мотивов омоложения и улучшения человеческой природы посредством экспериментов с животными становится рассказ А. Конан Дойла «Человек на четвереньках» (1927), в котором физиолог профессор Пресбери, имеющий, подобно булгаковскому Преображенскому, европейскую известность, принимает сыворотку антропоида в качестве омолаживающего эликсира. Нельзя не обратить внимание на очевидные сближения «Собачьего сердца» и произведения Конан Дойла, к их числу принадлежит, например, наличие у профессора ассистента, живущего в доме профессора (Пресбери относится к нему, как к сыну), присутствие в доме собаки, которая пытается растерзать профессора, превращающегося в обезьяну. Утопический подтекст рассказа усилен намеком на «алхими-

ческий» рецепт творения нового существа, выраженный отсылкой к големической образности: дочь профессора говорит о том, что хотя внешняя оболочка ее отца осталась, но на самом деле это был не он, а всего лишь маска; отметим, что профессор Пресбери получает сыворотку-«зелье» именно из Праги, в которой зародилась средневековая легенда о Големе. Наконец, показательна антиутопическая речь Холмса, завершающая рассказ. Столь же очевидна антиутопическая направленность реплики героини рассказа А. Н. Толстого «Граф Калиостро» (1919) об оживлении портрета: «Если ты человек, — люби человека, а не мечту какую-то бессонную» [8, с. 59] — рассказа, в котором идея превосходства утопического проекта над действительностью подвергается сомнению самим демиургом Калиостро: «Материализация чувственных идей <...> — одна из труднейших и опаснейших задач нашей науки... Во время материализации часто обнаруживаются роковые недочеты той идеи, которая материализуется, а иногда и совершенная ее непригодность к жизни...» [8, с. 51].

Советская литература 1920-х годов насыщена утопическими мотивами, поскольку отражает тот гигантский социальный эксперимент, воплощаемый в жизнь силами масс, который, по сути, оказывается родственен утопии, само понимание которой после «Золотой книги» Томаса Мора ассоциируется с устройством идеального государства. Эта тема становится особенно актуальной в свете насаждаемого государством монологического дискурса и социально-экономических преобразований, начатых в России после революции 1917-го года, а также в свете характерного для XX века в целом воздействия науки и технического прогресса на самые основы духовного развития личности и общества. Окончательно сформировавшийся в 1930-е годы авторитарный общественно-идеологический дискурс лишил советских писателей возможности критического высказывания о социальных и политических преобразованиях, проводимых властью; однако анализ культурфилософской модели художественного мира В. Каверина, тех ее формально-содержательных элементов, которые эксплицируют внимание этого автора к утопическому дискурсу и формируют метапоэтику писателя, позволяют сделать вывод о значимости изображения пространства как аксиологического инструмента формирования утопической модели мира и важности интертекстуальных стратегий автора, которые создают систему сложных

устойчивых взаимосвязей с утопическим дискурсом современности и позволяют предложить свое, гуманистическое понимание культурно-антропологического проекта создания нового человека.

* * *

1. Бугаева Л. Д. Топос и телос петербургской утопии: Николай Федоров // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 4 (9). С. 71. URL: [http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2012/IJCR_04\(9\)_2012_Bugaeva.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2012/IJCR_04(9)_2012_Bugaeva.pdf) (дата обращения: 06.10.2017).

2. Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под ред. Е. Г. Елиной, Л. Е. Герасимовой, Е. Г. Трубецкой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 428 с.

3. Жолковский А. К. Блуждающие сны: из истории русского модернизма: сборник статей. М.: Советский писатель, 1992. 432 с.

4. Каверин В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 3. 638 с.

5. Кантор В. К. О сошедшем с ума разуме. К пониманию контр утопии Е. И. Замятина «Мы» // Международный журнал исследований культуры. 2012. Выпуск № 4 (9). С. 27. URL: [http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2012/IJCR_04\(9\)_2012_Bugaeva.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2012/IJCR_04(9)_2012_Bugaeva.pdf) (дата обращения: 06.10.2017).

6. Обатнина Е. Р. Обезьянья великая и вольная палата Алексея Ремизова. URL: http://rvb.ru/remizov/ss10/03article/05_obatnina.htm (дата обращения: 07.10.2012).

7. Ронен О. «Инженеры человеческих душ»: к истории изречения // Лотмановский сборник / сост. Е. В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, изд-во «ИЦ-Гарант», 1997. Т. 2. С. 393—400.

8. Толстой А. Н. Рассказы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 192 с.

9. Шиндина О. В. От оживающей статуи к неживому гомункулу: алхимический компонент в творчестве Каверина // В. Я. Брюсов и русский модернизм: сборник статей / ред.-сост. О. А. Лекманов. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 240—250.

10. Шиндина О. В. Советское общество в поисках нового человека: Фауст и Гомункулос в литературе 1920—30-х гг. // Человек и социум в трансформирующемся мире: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Саратов: Научная книга, 2005. С. 291—295.

11. Шиндина О. В. Советская литература 1920-х годов в поисках нового человека (на примере мотива обретения речи в романе В. Каверина «Два капитана») // Общество и политика в исторической перспективе: межвуз. сб. науч.

тр. Вып. 6 / под ред. В. А. Динеса / Саратовский государственный социально-экономический университет. Саратов: Научная книга, 2010. С. 174—183.

12. Шиндина О. В. Пир во время НЭПа // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: сборник статей участников международной научной конференции (Саратов, 23—25 сентября 2010 г.) / под. ред. И. Ю. Иванюшиной, И. А. Тарасовой. Саратов: Наука, 2010. С. 133—140.

13. Шиндина О. В. Метафизика городского пространства (на примере образа города в романе В. Каверина «Два капитана») // Социально-экономическое развитие России: проблемы, поиски, решения: сборник научных трудов по итогам научно-исследовательской работы Саратовского государственного социально-экономического университета в 2009 году: в 2 ч. / Саратовский государственный социально-экономический университет. Саратов, 2010. Ч. 1. С. 71—73.

14. Шиндина О. В. Утопические мотивы в советской литературе 1920-х годов (проза В. Каверина) // Город: рискогенное пространство. Сборник научных статей / под ред. Е. В. Листвиной. Саратов: Саратовский источник, 2012. 121 с.

15. Шиндина О. В. Дом в антропологической перспективе (архитектурные утопии Н. Г. Чернышевского и образ русской усадьбы в русской литературе) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: сборник научных трудов / отв. Ред. А. А. Демченко. Саратов: Буква, 2013. Вып. 19. С. 109—118.

16. Шиндина О. В. Отражение идей «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова в структуре художественного текста (на примере прозы В. Каверина) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2015. Т. 15. Серия Философия. Психология. Педагогика. Выпуск 4. С. 60—65.

17. Шкловский В. Сентиментальное путешествие // Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...» / предисл. А. Галушкина; коммент. А. Галушкина, В. Нехотина. М.: Пропаганда, 2002. 462 с.

18. Шкловский В. О Маяковском. URL: http://www.libros.am/book/read/id/159614/slug/o-mayakovskom#TOC_idp713216 (дата обращения: 05.10.2017).

19. Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998. 688 с.

20. Яблоков Е. Homo Creator — Homo Faber — Homo Spectator (Тема «мастерства» у А. Платонова и М. Булгакова) // Russian Literature. 1999. Vol. XLVI. № 2. P. 185—206.

УДК 167.1; 811.511.12

О. Н. Иванищева

Специфика методологического подхода к исследованию исчезающего языка коренного народа Севера

Статья посвящена исчезающему языку коренного народа Севера — саамов. Утверждается, что особенность видения мира этноса, отраженного в языке, и, как следствие, антропоцентрическую сущность этого языка определяет особый методологический подход. Отмечается, что в данном языковом материале принципиальными становятся вопросы разграничения научного и наивного знания о реалиях, определения реальных знаний информантов, изучение наивных толкований значений слов носителем языка.

Ключевые слова: методологический подход, языковая компетенция, кильдинский саамский язык.

O. N. Ivanishcheva. Specific Characteristics of the Methodological Approaches for Studying the Endangered Language of a Northern Ethnic Group

This article is dedicated to the endangered language of a Northern ethnic group, the Saami people. The article argues that reveals the ethnic group's specific world-view as reflected in its language, and, as a consequence, the anthropological nature of this language, is determinative of a particular methodology for studying the language. It is noted that in this linguistic material, it becomes essential to distinguish between scientific knowledge and naive/popular knowledge about real-world objects, to determine the actual knowledge of the informants, and to study the naive interpretations of word meanings provided by native speakers.

Keywords: methodology, linguistic competence, Kildin Saami language.

Актуальность статьи обусловлена важностью обращения к вопросу сохранения и систематизации знаний исчезающего языка и культуры северного этноса, а также усиливающейся антропоцентричностью исследовательских воззрений.

Антропоцентричность — универсальный принцип организации языковой картины мира, неотъемлемое, универсальное свойство языка. В основу данной работы положен такой принцип анализа материала, который означает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка, в первую очередь тех, которые объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности и с коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения (см. об этом [16, с. 9—11]).

При исследовании такого объекта как исчезающий язык, важно разграничивать антропоцентричность самого объекта исследования — языка — и антропоцентричный подход к этому объекту. Важно различать антропоцентричность самого объекта исследования — кильдинского саамского языка — и специфику антропоцентричного подхода к его исследованию.

Антропоцентрическая идея, возникшая в науке со времен античности, в лингвистике была обстоятельно изложена в трудах В. Гумбольдта и развивалась в русской науке в работах А. А. Потебни, Л. В. Щербы, Ю. Н. Караулова, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, В. М. Алпатовой и многих других. Такое внимание к идее антропоцентричности не случайно, так как «антропоцентризм обеспечил порядок и структуру для понимания людьми мира, хотя неизбежно выразил и пределы этого понимания» [22, с. 2].

Классическое определение антропоцентризма как характерной черты лингвистической науки дано Е. С. Кубряковой. Она утверждает, что обращение к сущностным характеристикам носителя языка — человека, интерес к человеку как центру вселенной и человеческим потребностям как определяющим разные типы человеческой деятельности обусловлено стремлением найти объяснение языковым феноменам, устройству языка. Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Антропоцентризм обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что человек вовлечен в этот анализ, определяя перспективу и конечные цели этого анализа. Антропоцентризм знаменует, иными словами, тенденцию поставить человека во главу уг-

ла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс [11, с. 212].

Показателем антропоцентричности языка является номинация значимых для человека реалий, их частей, особенностей их функционирования. Отсутствие названий для незначимых для человека реалий или их частей — довольно распространенное явление в разных языках. Например, русское слово *край* обозначает не всякую границу объекта, а только открытую: *край стакана* — это именно верхняя, но не нижняя (соприкасающаяся с дном) граница стенки стакана [15, с. 15]. Названия для нижнего края стакана в русском языке отсутствуют. Эта граница незначима для носителя русского языка и русской культуры.

Об особой антропоцентричности терминологии можно говорить, сравнивая научную и народную терминологию. Отмечая специфику антропоцентричности научной и народной биологической терминологии, А. Расницын отмечает, что антропоцентричность проявляется в том, что в характеристику объекта на равных основаниях включаются его собственные признаки (строение, внешний вид, поведение и т. д.) и все, что связано с ним для человека (вред и польза, особенно включая лекарственные и магические свойства, приметы, легенды и сказки, в которых растение или животное фигурируют) [14, с. 86]. Этот факт подтверждают и полевые лингвистические исследования. Антропоцентричность и прагматическое отношение к понятиям проявляются в ответах информантов во время полевых исследований: носителям языка важна не каталогизация явлений, а значение явлений для жизни и деятельности человека (см. [12, с. 55]).

Таким образом, исследование антропоцентричности самого объекта чрезвычайно важно, как и антропоцентричный подход к самому объекту.

Антропоцентризм как подход к исследованию означает путь, согласно которому научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека. В. М. Алпатов подчеркивает недостаток антропоцентричного подхода, отмечая, что при антропоцентричном подходе нет процедур проверки результатов, а значит, применение этого подхода к языкам, далеким от родного языка лингвиста, может привести к неадекватным результатам [1, с. 18—25]. В связи с этим важно определить специфику антропоцентричного подхода к языку корен-

ного малочисленного народа Севера, носителей которого становится все меньше. В данной статье предлагается новый взгляд на антропоцентричный подход к исследованию языка. Этот подход основывается на исследовании коммуникативно-ситуативного характера функционирования языка. Процесс исчезновения языка тесно связан с его социолингвистической ситуацией.

В данной статье материалом исследования является кильдинский саамский язык. Кильдинский саамский язык принадлежит финно-угорской ветви уральской семьи языков и в настоящее время уже относится к категории *critically endangered*. Саамы России (кольские саамы) в основном проживают на территории Кольского полуострова, где находится административное образование Мурманская область. Их численность составляет 1771 человек. Носителей кильдинского саамского языка насчитывается не более 300 человек (см., например: [25]). Бытовые функции, выполняемые кильдинским саамским языком, отсутствие мотивации к изучению кильдинского саамского языка у саамской молодежи по сравнению с интересом норвежской и российской саамской молодежи к изучению языка норвежских саамов (северо-саамского), старение носителей кильдинского саамского языка способствуют ухудшению его положения. Вместе с языком как одним из хранителей культуры саамов можно утратить и знания об этой культуре. Одним из путей сохранения языка является его ревитализация. Для решения проблемы ревитализации языка важно знать современное состояние исчезающего языка, в том числе какие признаки реалии активизированы в сознании носителя языка, а какие потеряны.

С нашей точки зрения, специфика методологического подхода к исследованию исчезающего языка коренного народа Севера может быть обнаружена в рамках так называемой народной лингвистики (см., например об этом: [13]), которая изучает соотношение «наивноязыковой» и «научной» картин мира, сравнение позиции носителя языка и лингвиста, исследующего язык, представление значения слова с учетом языковой компетенции носителя языка.

Обращаясь к методологическим проблемам, то есть к проблемам, связанным с процессом исследования исчезающего языка, необходимо прежде всего обозначить цель такого исследования. По мнению У. Мозеля, цель словаря исчезающего языка не перевод или

изучение языка, а его описание с целью ревитализации и научного исследования [24]. В полевых исследованиях в процессе сбора языкового материала кильдинского саамского языка обнаружилось особенности методологического подхода к исследованию лексической системы данного языка.

Во-первых, это проблема языковой компетенции носителя кильдинского саамского языка, обнаруживающая реальные знания информантов, влияющие на их способность продуцировать осмысленные предложения.

В ситуации отсутствия живой разговорной среды и условий для использования языка в личной и общественной жизни преклонный возраст активных носителей языка, отрыв носителей языка от среды обитания языка — материальной и духовной культуры — естественно обращение к когнитивной, а не коммуникативной сущности фоновых знаний у носителей кильдинского саамского языка. Поэтому типичные способы выявления фоновых знаний носителя языка (опрос носителей, анализ словарных статей разных типов словарей и текстов художественной и публицистической литературы) не могут быть использованы в полной мере. В такой ситуации исследователю следует фиксировать все знания носителя языка, не различая личное и социальное. Носитель языка, который может быть информантом, рассказывая о своем личном опыте, представляет типичное и обычное, потому что социальная среда, в которой информант вырос, фиксировала только такое знание.

Наши полевые исследования саамского языка показали, насколько разными могут быть знания о реалии у носителей кильдинского саамского языка. При сравнительном анализе данных полевых исследований и словарей кильдинского саамского языка отмечают, например, некоторые расхождения в возрастных границах, которые определяют наименование оленя. Ср.: *лукхель* — 'годовалый теленок оленя' [9, с. 54]; 'полугодовалый теленок оленя' [ГП; ГТ]. Причины таких расхождений объяснить пока не представляется возможным.

Во-вторых, при рассмотрении специфики методологического подхода к исследованию лексической системы исчезающего языка необходимо учитывать общую для всех языков проблему разграничения научного и наивного знания о реалиях, а значит, разграничения «наивноязыковой» и «научной» картин мира.

Так, названия рыб определенных видов в нашем языковом материале отличаются многообразием и несоблюдением границ научной терминологии. Подчас одно и то же название обозначает разные виды / подвиды рыб. Такое несоответствие научной и бытовой терминологии отмечается для обозначения рыб семейства лососевых в кильдинском саамском языке: название рыбы *мёвв шáбп* — ‘ряпушка (*Coregonus albula*)’ — буквально переводится как ‘мелкий сиг (*Coregonus lavaretus*)’ [6, с. 21—22]. Отмечены «сбои» в народной терминологии озёрных и речных рыб в кильдинском саамском языке: например, не различаются подвиды ‘ручьевая (речная) форель’ и ‘озерная форель’. См.: кумжа (ручьевая форель) — *куввч, кўввч* [4, с. 114; 17, с. 128], хотя по данным информантов такое различие реалий происходит: *коалльм* ‘кумжа в озере Сейдозеро’ и *югк куввч* ‘речная кумжа’ [18, с. 161].

Анализ тематической группы «Рельеф» показал различие между имеющимися в науке орографическими терминами и названиями географических объектов в кильдинском саамском языке. В отличие от научных терминов лексика группы «Рельеф» кильдинского саамского языка не сосредоточена на актуализации высоты географических реалий, характеристики его вершин и склонов. Ядром представлений реалий в кильдинском саамском языке является соотношение «выше, чем» / «ниже, чем». Ср. данные наших полевых исследований: *шарий* — ‘гора среднего размера, ниже, чем уррыт, но выше пака’ [ЛГ]. При этом понятие «высота» смещено: ‘большие горы (как Ловозерские)’ [ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ]; ‘невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке’ [ЛГ].

В-третьих, при рассмотрении специфики методологического подхода к исследованию исчезающего языка необходимо учитывать позиции носителя языка и лингвиста, исследующего язык. В данной статье мы считаем необходимым указать на такой аспект заявленной проблемы, как наивные толкования значений слов носителем языка. Исследователи считают, что материал такого типа может быть более объективным, чем индивидуальная компетенция профессионального составителя словаря, который предлагает традиционные толкования [13, с. 141]. Данные информантов обнаруживают несовпадения в толкованиях значений слов в словарях и в опыте носителей. Так, значение слова *тarrьв* представлено в словарях как ‘смола’ [17,

с. 345], а информант толкует это слово как 'смола, которую специально выгоняют, чтобы смолить лодки или обувь' [ЛГ]. Слово *рыссе* согласно словарю означает 'ветка, прут' [4, с. 261], а по данным информанта это 'растущая ветвь, но без листьев' [ЛГ]. Наивные толкования должны быть объектом специального исследования, так как составляют важную часть лексикографической работы.

Важный аспект рассмотрения позиции лингвиста — это квалификация исследователя. Например, интерес к географической лексике языков кольских саамов был характерен и для мурманских краеведов 1930-х гг. — В. К. Алымова и В. В. Чарнолуцкого. Этот интерес был обусловлен важностью освоения северной территории, имеющей стратегическое значение для государства. В 1930 г. антрополого-этнографическим отрядом была проведена Кольская экспедиция, в состав которой в качестве этнографа входил В. В. Чарнолуцкий. Он предложил составление специальной этнографической карты Восточной части Кольского полуострова. Методом исследования являлось установление взаимоотношений между географической и биогеографической средой и биоформой хозяйства, сложившейся в силу этих взаимоотношений, и выявление характера подвижности народа [20, с. 3]. Эту работу было решено проводить в рамках изучения проблемы номадизма, которая, по мнению ученого, решалась в то время односторонне. Необходимо, по мнению В. В. Чарнолуцкого, применить метод антропогеографии. Изучение сущности номадизма (в плане антропогеографическом) нескольких народностей, непосредственно не соприкасающихся между собой, но обитающих в одной географической среде, дает возможность объяснить тождество некоторых явлений культуры (жилище, некоторые формы хозяйства и т. д.) и в то же время подчеркнуть особенности культуры, свойственные данной этнической единице. Географическое описание района должно носить характер широкого обобщающего описания территории и фиксации основных элементов ландшафта, играющих ту или иную роль в оленеводстве, рыболовстве внутренних водоемов и в охотничьем промысле [21].

Осмысление опыта краеведов и этнографов 1930-х гг., периода освоения огромных северных территорий России, по отношению к коренному народу чрезвычайно актуально для современного этапа развития науки, особенно если учесть, что часть архивных матери-

алов утеряна, а некоторые участники «великих событий» репрессированы.

Мы изучали неопубликованные архивные материалы 1930-х гг. из фонда Мурманского областного краеведческого музея, в первую очередь работы Василия Кондратьевича Алымова — краеведа, одного из создателей Мурманского окружного (ныне — областного) краеведческого музея. В. К. Алымов организовал Мурманское общество краеведения, занимался экономикой, статистикой, историей, этнографией, демографией, исследовал археологические находки, изучал быт местных жителей, собирал саамский фольклор. В 1928—1930 гг. он возглавлял Мурманский Комитет Севера, а в конце 1930-х гг. был директором Мурманского окружного краеведческого музея. В феврале 1938 года В. К. Алымов был арестован, осужден за попытку создания «Саамской республики» и расстрелян в Левашовской пустоши, а 4 мая 1957 г. реабилитирован. В. К. Алымов — автор многочисленных публикаций, главным образом о кольских саамах и их занятиях.

Языковой материал, представленный в статьях В. К. Алымова [2; 3], дает основания для сравнения его лингвистических данных с данными словарей кильдинского саамского языка и других этнографических источников и позволяет пояснить некоторые позиции для современных исследователей кильдинского саамского языка.

В первую очередь необходимо отметить указание на разнообразие лексем, обозначающих реалии водного и горного ландшафтов. В. К. Алымов пишет о богатстве и разнообразии физико-географических терминов, о наличии определений общих и частных. Г. М. Керт отмечает, что «в зависимости от конфигурации, наличия растительности, высоты и других признаков существует свыше тридцати названий гор», и приводит некоторые из них [8, с. 22], ссылаясь на словарь Т. Итконена [23].

Замечание В. К. Алымова об отсутствии общего названия «гора» [2, с. 10б] подтверждается анализом имеющего в нашем распоряжении языкового материала (см.: [6]). Слово «гора» представлено в толковании лексического значения многих лексем, но всегда в ряду других (уменьшительных форм, видовых названий, в составе словосочетаний с определением): *vïrr* 'невысокая гора, круча' [4, с. 37]; 'невысокая гора, холм' [17, с. 45]; 'гора, круча' [7, с. 18], *virrr* 'лесная горка, «варака»' [5, с. 124], *virp* 'невысокая горка' [ЛГ], *virr* 'склон, хребет'

[10, с. 123], *луэххк* 'небольшая гора, горка' [4, с. 154; 7, с. 53]; *луэһк* 'горка' [17, с. 170]; *пāххк* 'гора тундровая; тундра' [4, с. 216]; *пāһкк* '[тундровая] гора' [17, с. 244]; *пāххк* 'гора' [7, с. 71]; *пāххкк*, *паххкк* 'гора' [9, с. 54]; *паххкк* 'поросшая растительностью гора' [ЛГ]; *пāххкк* 'гора, меньше «уррьт»' [ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ]; 'локализованное место на горе' [РР]; 'гора, покрытая растительностью' [КА]; *пāгкка* (ум.-ласк.) 'горка тундровая' [4, с. 209]; *пакка* (ум.-ласк.) 'небольшая гора' [5, с. 124; ЛГ]; *пāгккэнч* 'горка тундровая' [4, с. 209]; *пāккэнч* '[тундровая] сопка' [17, с. 244]; 'горочка' [РР]; 'горушка' [КА]; *пака* 'невысокая, отдельно стоящая гора, покрытая растительностью' [ЛГ]; *пака* 'маленькая сопка' [ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ]; 'маленькая горочка' [РР]; 'небольшая горка' [КА]; *раакки* 'высокая земля' [10, с. 122]; *пāррнэ уйнсэнн чофта эллес пакка* 'дети увидели очень высокую горку' [4, с. 209]; *чйгар ялл пакка альн* 'стадо пасётся на сопке' [17, с. 244]; *шурр пāххкк* 'большая гора' [4, с. 20]; *тёрррм* 'гора, горушка, холм' [4, с. 296]; 'горка, возвышенность' [17, с. 349]; 'гора, горушка, холм' [7, с. 92]; 'невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке' [ЛГ]; *тьерм* 'горка, холмик, пригорок, обрыв' [5, с. 124]; *тиемп* 'горушка, обрыв' [10, с. 123]; *тундар* 'тундра' [4, с. 311; 7, с. 98]; *tundar, tūndar* 'лопарская гора (большая)' [23, с. 613]; *чāрр* 'тундра' [4, с. 336]; *чāрр* 'тундра' [17, с. 387]; *пāльяс чāрр* 'голая тундра' [17, с. 387]; *тундр, тундар* '1) возвышенность, выходящая за пределы лесной растительности; 2) горный массив' [5, с. 124]; *тундренч* 'тундрица, горка' [5, с. 124]; *tsharr* 'гора ягельная' [10, с. 123]; *уррьт* 'гора скалистая, гора высокая' [4, с. 325]; 'скалистая гора' [17, с. 373]; высокая скалистая гора, лишённая растительности, часто располагающаяся у берега моря [ЛГ]; 'большие горы (как Ловозерские)' [ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ]; *urrD* 'большая скалистая гора' [19, с. 28]; *Луяввьр уррьт* 'Ловозёрские горы' [4, с. 325]; *ортенч, орденч* 'уменьш. от урт' [ГС: 124]; *шаррьй* 'гора (невысокая)' [4, с. 351; 7, с. 110]; *шарий, шоарий* 'гора среднего размера, ниже, чем уррьт, но выше пака' [ЛГ]; *куедшккаш* 'гора, покрытая сошной' [10, с. 122]; *vāγγ^е* 'гора, лесистая гора, сопка, покрытая лесом' [23, с. 721]; *варрь* 'у русских «варака» — холм, покрытый лесом; гора, покрытая лесом' [5, с. 124]; *варрь* — общее название леса; *vāррь* — лес [РР]; *варрь* — лес (носитель языка дополняет, что помимо всего прочего в других диалектах саамского языка (в северо-саамском, колтта и инари диалектах) это слово означает «гора») [КА]; *варенч*

(уменьш.) от *варанч* ‘горка, покрытая лесом’ [5. с. 124]; *нёллькесь пāкь* ‘плоские горы’ [17. с. 210]; *ра̀х̄те́* ‘гористый рельеф (сопки) на побережье, в отличие от хвойного леса’ [23. с. 416].

Обращение к субъектам исследования (информант и лингвист) позволило определить специфику методологического подхода к исследованию кильдинского саамского языка. Рассмотрение объекта с точек зрения этих субъектов дает возможность увидеть иной путь исследования — рассмотрение факта языка с точки зрения языковой компетенции носителя языка. Наше исследование показало, что в данном языковом материале принципиальными становятся вопросы разграничения научного и наивного знания о реалиях, определения реальных знаний информантов, влияющих на их способность продуцировать осмысленные предложения, а также изучение наивных толкований значений слов носителем языка.

Сокращения

- ГП — Галкин Пётр Алексеевич (1928 г. р.)
 ГТ — Галкина Татьяна Гавриловна (1936 г. р.)
 ЗЕ — Захаров Евдоким Кузьмич (1956 г. р.)
 ЗН — Золотухина Надежда Анатольевна (1960 г. р.)
 КА — Кобелев Александр Андреевич (1968 г. р.)
 КП — книга поступлений
 ЛГ — Лукин Геннадий Петрович (1949 г. р.)
 МОМ — Мурманский областной музей
 НВ — научно-вспомогательный фонд
 РР — Рахманина Роза Михайловна (1966 г. р.)

* * *

1. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15—26.
2. Алымов В. К. О географических названиях на Кольском полуострове. МОМ КП 15815/9. 1935а. Л. 1—11.
3. Алымов В. К. Краткий словарь саамских физико-географических терминов, встречающихся на Кольском полуострове. МОМ КП 15815/7. 1935б. Л. 14—18.
4. Антонова А. А. Саамско-русский словарь. Мурманск: ЛЕМА, 2014. 376 с.

5. Географический словарь Кольского полуострова: в 3 т. Л., 1939. Т. 1. 1939. 145 с.

6. Иванищева О. Н. Материалы к словарю кильдинского саамского языка. Ч. 1: Рыбы. Вода. Рельеф. Мурманск: МАГУ, 2016. 51 с.

7. Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1986. 247 с.

8. Керт Г. М. Словарь лексики (компонентов) саамской топонимии Кольского полуострова // Материалы XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 27: Секция уралистики. СПб., 2001. С. 19—27.

9. Керт Г. М. Саамский язык // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 49—57.

10. Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 179 с.

11. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Рос. гос. гуманитар, ун-т, 1995. С. 144—238.

12. Мызникова Я. В. Причины коммуникативных неудач в процессе полевого сбора лексического материала // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 53—56.

13. Научная жизнь: Конференция «“Народная лингвистика”: взгляд носителей языка на язык» // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 136—144.

14. Расницын А. П. Систематика — народная и научная // Природа. 2013. № 4. С. 86—90.

15. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

16. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.

17. Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева [и др.]; под ред. Р. Д. Куруч. М.: Русский язык, 1985. 568 с.

18. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / авт-сост. О. Н. Иванищева, А. М. Эрштадт. Мурманск: МГГУ, 2014. 249 с.

19. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков [сост. А. П. Баранцева и др.]; под общ.

ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 343 с.

20. Чарнолуский В. В. Отчет этнографа антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции Академии Наук СССР об обработке материалов по быту лопарей с начала работы экспедиции по 1 марта 1930. MOM НВ 3570/59. 1930а.

21. Чарнолуский В. В. Заявление в Комиссию Академии Наук СССР по изучению племенного состава СССР // MOM. НВ 3570/59. 1930б.

22. Boddic R. Introduction. The End of Anthropocentrism // Anthropocentrism : human, animals, environments. Leiden-Boston : Brill, 2011. Pp. 1—18.

23. Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja I. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1958. 803 p.

24. Mosel U. Lexicography in endangered language communities // The Cambridge handbook of endangered languages / P. K. Austin & J. Sallabank (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Pp. 337—353

25. Rießler M. Grammatical borrowing in Kildin Saami // Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective. Berlin : Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 229—244.

УДК 008+39

В. А. Шахов

**Интеграционные процессы в российском регионе
Юго-Восточной Балтии: адекватность осмысления
культурных концептов**

В данной статье предлагается исследование межнациональных процессов в российском регионе Юго-Восточной Балтии (Калининградская область). Поиску ценностного ядра на перекрестке культур Балтийского региона способствует приграничное сотрудничество с сопредельными территориями Польши. Именно здесь культура и геополитика неразрывно связаны между собой на фоне динамично развивающихся процессов межкультурной и межцивилизационной адаптации народов в новых условиях. Используются методы культурологических концепций в семиотическом анализе, проецирующих равенство развития культурных уровней, взаимных диалогов и дифференциальных признаков взаимного влияния в сфере туризма.

Ключевые слова: глобализация, культурный концепт, культурный диалог, межкультурные коммуникации, культурный туризм, Калининградский регион, Юго-Восточная Балтия.

A. V. Shakhov. Integration processes in the russian region of south-eastern Baltic: the adequacy of understanding of cultural concepts

In this paper we propose the study of ethnic processes in the Russian region of South-Eastern Baltic (Kaliningrad oblast). The search for a valuable core at the crossroads of cultures of the Baltic region is facilitated by cross-border cooperation with neighboring territories of Poland. It is here that culture and politics are inextricably linked in the background of the dynamically developing processes of intercultural and inter-civilizational adaptation of peoples to the new conditions. Methods of culturological concepts are used in the semiotic analysis projecting equality of cultural levels development, mutual dialogues and differential signs of mutual influence in the sphere of tourism.

Keywords: cultural concept, cultural dialogue, intercultural communications, cultural tourism, Kaliningrad region, South-Eastern Baltic.

Концептуальная реальность современного мира, метафорически осмысливаемого как «глобальная деревня», повсеместно и повседневно создает и воспроизводит ситуации интенционального, или вынужденного, межкультурного взаимодействия «своих» с «другими», «чужими» и «чуждыми». Все с большей очевидностью происходят столкновения ценностных картин мира разных культур, стилей жизни, культурно-специфических паттернов поведения и коммуникации, зачастую приводя к непониманию и конфликтам. Они проявляются во всех сферах жизни человека и общества, отражаясь практически во всех видах дискурса: бытийном, деловом, институциональном, политическом, художественном, научном, профессиональном и многих других. Межкультурная коммуникация, проникая во все коммуникативные пространства современного глобализирующегося общества, происходит всякий раз, когда представители разных культурных традиций, а значит, носители разных культурных кодов вступают во взаимодействие. Такая «встреча своего и чужого» предполагает интеракцию разных концептуальных и языковых картин мира, разных концептосфер, разных ментальностей и идентичностей, разных вербальных и невербальных коммуникативных систем [3, с. 156].

При взаимодействии культур часто происходит обмен информацией на вербальном уровне. При обязательном условии потерь перевода происходит искажение сущностной информации даже в такие моменты, когда перевод осуществляется максимально точно. Это происходит из-за неадекватного понимания концептов в рамках локальных культур, обусловленного спецификой менталитета и национальных традиций.

Процесс интеграции, который активно осуществляется в разных сферах деятельности социума, в том числе и в туристской, обуславливает общение, взаимодействие на уровне концептов. А оно без осмысления специфики бытования концептов в локальных культурах способно породить дезинтегрирующие процессы. Как это происходит, например, при трансляции и транспонировании концепта «демократия» в страны исламского мира, где отсутствуют собственные демократические традиции (исламский мир); или в Россию, где традиционное смысловое наполнение данного концепта трактуется определенным способом, во многом не согласующимся с исходным концептом, транслируемым в данную социокультурную среду.

Осознанное отношение к проблеме адекватности понимания культурных концептов в туристской сфере способствует решению задач по усилению интеграционных процессов, поэтому следует обратиться к методике смысловразличения многозначных культурных концептов для актуализации адекватности их понимания.

Отсутствие методик распознавания адекватности понимания создает прецедент для возникновения дезинтегрирующих тенденций вместо желаемых интеграционных. При этом взаимовлияние между культурами принимает не органичную, а диффузную структуру. Поэтому стремление к интеграции, с одной стороны, и неадекватность понимания культурных концептов, с другой стороны, зачастую усиливают дезинтеграцию на глубинном уровне, создающую, в свою очередь, почву для развития неравновесных процессов. Возникает противоречие между объективными интеграционными процессами, в данном случае в туристской отрасли, осуществляемыми в процессе культурной коммуникации, и неадекватностью понимания, ведущей часто к «ложному пониманию» и ложной трактовке смыслов культурных концептов, возникающей на почве их многозначности.

В связи с вышеизложенным особо актуализируется значение применения методики смыслового различения культурных концептов, онтологизирующихся в локальных культурах. Поэтому целесообразно применять способ смысловразличения, ведущего к снятию неадекватности понимания определенных концептов в различных культурах при общении и взаимодействии.

Для решения поставленной проблемы можно обозначить следующие задачи. Во-первых, следует выявить оптимальные условия для успешных интеграционных процессов в социокультурной сфере. Во-вторых, необходимо очертить опасность возникновения дезинтегрирующих процессов, причинно обусловленных неадекватностью понимания культурных концептов и явлений. В-третьих, требуется показать причины неадекватности понимания культурных концептов, имеющих общий акустический образ, но при этом являющих смысловразличительное содержание. Затем нужно определить значения выявленных культуурообусловленных трактовок данных концептов, их дифференцирующих признаков для успешного диалога культур и показать роль этих трактовок в рамках культурно-туристического взаимодействия.

Немаловажным фактором является проекция выявленных теоретических установок на практическую плоскость применения данной методики в туристской сфере эксклавного Калининградского региона, имеющего определенную специфику и представляющего идеальное экспериментальное диалоговое поле для взаимодействия и взаимовлияния в первую очередь европейской и российской культур.

Актуальность нашего исследования особенно высока сегодня, когда современные геополитические условия осложняют раннее существующее успешное продвижение совместных проектов. Поэтому в этих условиях чрезвычайно важно оценить объективно текущую ситуацию и сделать выводы в пользу динамичного развития приграничного сотрудничества.

Культурный туризм — это и важный политический фактор. Он способствует укреплению мирных и добрососедских отношений, межкультурному диалогу, лучшему пониманию друг друга, устранению многих причин межнациональных и даже межгосударственных конфликтов. Как известно, создатели ЮНЕСКО видели главные причины войн и конфликтов в недостаточном знании народами друг друга, что позволяло правителям манипулировать общественным сознанием, а также в недостаточном развитии демократии в некоторых государствах. Поэтому первостепенной считается задача по укреплению идей миротворчества в умах людей, устранению недоверия между ними путем развития динамичного равноправного сотрудничества во всех областях гуманитарной сферы. Культурный туризм, таким образом, способствует решению главной уставной задачи ЮНЕСКО, а именно укреплению идей миросозидания в человеческом сознании.

Культурный туризм играет огромную роль в сохранении культурного и природного наследия, привлекая внимание к их ценностям, и создает в удаленных уголках значительное количество дополнительных рабочих мест. Способствуя повышению общего образовательного и культурного уровня, культурный туризм все больше становится неременной составной частью крупных национальных и международных научных форумов, деловых встреч, спортивных мероприятий, театральных, музыкальных фестивалей.

В последние годы культурная и научная общественность подавляющего большинства государств стала проявлять тревогу в свя-

зи с возрастающим негативным воздействием глобализации на национальные культуры, на многоязычие. Попытка насадить повсюду однообразное отношение, или даже отсутствие какого-либо отношения к истории, к человеку, к Богу становится синонимом стандартизации, единообразия, сведения всего к единому и наименьшему знаменателю, либо торжеством только законов рынка, которым чужда гуманистическая культура. Ответ на глобализацию может быть только один — «культурное разнообразие».

Мы должны стремиться сохранять множественность культур в их разнообразии и следить за тем, чтобы в наших отношениях царил дух равноправного партнерства и солидарности [6, с. 4].

Например, Россия и Польша часто имеют различные внешнеполитические интересы, в том числе существует зона прямой артикуляции и столкновения таких интересов — Беларусь, Украина, ряд сопредельных территорий Балто-Черноморья, исторически являвшиеся предметом конкуренции со стороны Москвы и Варшавы в различных исторических реинкарнациях.

Ни Польша, ни Россия не готовы отказаться от своих геополитических интересов, которые часто не только задевают соседа и ставят в неудобное положение представителей министерств иностранных дел, но и напрямую противоречат друг другу. Но есть одна сфера, в которой мы не можем назвать никаких противоречий между Польшей и Россией как государствами, между профессиональными сообществами, гражданами, бизнесом — это туриндустрия, которая всегда активно развивалась, а приграничный туризм имел огромные доходы [5, с. 21].

Говоря о развитии туристской дестинации в Юго-Восточной Балтии, мы не можем умолчать о технологиях приграничного сотрудничества.

В условиях одновременного сочетания разнонаправленных процессов глобализации и регионализации приграничное экономическое сотрудничество является важным фактором успешного хозяйственного развития любой страны. Это важно учитывать для эффективного развития хозяйства как России в целом, так и отдельных субъектов Федерации в частности. Таким образом, приграничное экономическое сотрудничество в российских условиях — это важный фактор, влияющий на социально-экономическое развитие страны.

Приграничное экономическое сотрудничество, являясь типом внешнеэкономических связей и одновременно механизмом регионального развития, находится в стадии научного осмысления в мировой экономической теории и практике [1, с. 35—36].

Калининградская область в силу уникальности своего эксклавного положения является ярчайшим феноменом по изучению перспектив развития приграничного предпринимательства. Изолированность Калининградской области способствует развитию ряда секторов и отраслей, использующих преимущества приграничной близости рынка Европейского Союза, с одной стороны, и свободного доступа на российский рынок — с другой. В число преимуществ региона также можно включить транспортно-транзитный потенциал и наличие относительно высококвалифицированной рабочей силы.

Такой тип географического положения относительно остальной части России несет в себе и негативные факторы, влияющие на реализацию имеющегося экономического потенциала. Реализация экономического потенциала Калининградской области и комплекс управленческих мер по минимизации транзакционных издержек может определить для Калининградского эксклава оптимальное место в государственном секторе экономики и международном разделении труда.

Если вернуться к анализу проблем эффективного использования рекреации и туризма на наших сопредельных территориях, то можно утверждать, что рекреация и туризм являются наиболее привлекательной областью инновационных вложений. Вернее, главные вложения в этот бизнес были произведены не его участниками и задолго до прихода инновационных компаний: созданы памятники культуры, ландшафты, не говоря уже о природно-климатических условиях региона. Туризм оказывает многогранное влияние на регионы, где развивается. Он обеспечивает создание и функционирование множества рабочих мест, причем в широком диапазоне специальностей и уровней квалификации. Образовательные, культурные, спортивные и рекреационные формы играют большую роль в обеспечении общедоступности культурных ценностей, вовлечении людей в процесс их усвоения и формируют возможности для самореализации человека любой национальной и социальной страты. Отдыхающие, число которых за год может превышать численность

жителей региона, — это всегда потенциальные участники познавательных или оздоровительных акций. Туризм может при соответствующих условиях сыграть весьма позитивную роль в установлении равновесия, сотрудничества, взаимопонимания и солидарности между странами и народами. Интеграционные программы способствуют решению региональных и межнациональных проблем.

Калининградская область и примыкающие районы Восточной Польши, в специальной литературе объединяемые термином Юго-Восточная Балтия, весьма перспективны для развития индустрии отдыха, прежде всего среднеобеспеченных слоев населения наших стран — клиентуры, сложившейся в течение нескольких поколений. Существенно, что многие из гостей региона избирают его по медицинским предписаниям или для отдыха с детьми. Такие основания обуславливают постоянство этого выбора и передачу его из поколения в поколение. Именно поэтому принципиальные изменения геополитической обстановки в изучаемом регионе не слишком существенно повлияли на его популярность у отдыхающих и туристов [4, с. 42].

Организаторы туристских форумов с обеих сторон сделали многое для успешной работы, и об этом свидетельствуют освещаемые в докладах коллег итоги. Вместе с тем очевидно и то, что наши профессиональные намерения в этой области находятся ещё в стадии становления и неадекватны тому широкому размаху, который приобретает культурно-познавательный туризм на сопредельных территориях Польши и Калининградской области.

В этой связи представляется целесообразным предусмотреть:

- долгосрочные программы по расширению деятельности в области культурного туризма как важного фактора социально-устойчивого развития, диалога между нашими культурными инфраструктурами и развития туристского и гостинично-ресторанного бизнеса;
- ежегодное проведение международной научной конференции по вопросам культурно-познавательного туризма в целях продвижения вопросов развития трансграничного сотрудничества в сфере туризма и рекреации.

При решении исходной задачи следует иметь в виду, что интеграционные процессы развиваются на фоне общения культур или цивилизаций. Общение цивилизаций приобретает форму некоего диалога, течение которого может быть представлено в виде двух со-

прикасающихся информационных полей. Как показал Ю. М. Лотман, во-первых, общение возможно только в том случае, когда два информационных языковых текста не являются абсолютно чуждыми друг другу. В противном случае общение невозможно из-за отсутствия точек понимания. Во-вторых, культурный обмен происходит тогда, когда поля не совпадают. При полном совпадении информационных полей налицо тождественность общающихся, что исключает обоюдный интерес и мотивацию к общению: в такой ситуации говорить было бы не о чем. В-третьих, общение возможно, когда поля частично совпадают, то есть существуют точки контакта, понимания, и в то же время есть пространство несовпадения, что позволяет производить информационный обмен. Это последнее условие как раз и является необходимым для произведения акта общения [2, с. 15—16].

Если данное положение спроецировать на туристскую плоскость, то можно сделать вывод о том, что наиболее плодотворно интеграционные процессы разовьются при общении представителей культур, имеющих общие точки соприкосновения, общее поле бытования сходных культурных концептов. Что и наблюдается во взаимодействии европейской и российской культур, которые в качестве культурообразующего ядра имеют христианские истоки. При взаимодействии западноевропейской цивилизации с исламским миром общее информационное диалоговое поле сужается и интеграционные процессы замедляются. В случае взаимодействия представителей западноевропейских культур с представителями, например, какой-либо из африканских культур, последняя будет восприниматься как декоративная, как исключительно экзотический фактор. Туризм в данном случае, естественно, возможен, но взаимовлияние минимизируется. При этом более слабая в технологическом смысле культура подвергается опасности жесткой ассимиляции. Следовательно, об интеграционных процессах при этом говорить не приходится.

Соответственно в процессе кондекции (взаимопроникновения инокультур) могут наблюдаться искажения передаваемой и принимаемой информации, которые могут порождать негативные процессы в культурах — участниках диалога. Например, идея толерантности способна превратиться в свою противоположность, когда ее используют при оценке традиционных духовно-нравственных систем. В частности, это происходит при появлении неплюралистического

отношения к религиозной этике, которой в данном случае отказывается в праве на существование. В состоянии борьбы с тоталитаризмом именно либеральная парадигма, отвергая все нелиберальные идеологии, становится источником неототалитаризма, так как либеральная идеология провозглашается при этом единственно верной.

Одной из определяющих причин, создающих прецедент для неадекватного понимания культурных концептов, является, при условии точного перевода, общий акустический образ в культурах, принимающих участие в диалоге. Именно он и вводит в заблуждение, так как многозначность культурных смыслов данного концепта при этом не всегда учитывается. И участники диалога выбирают для себя наиболее близкое и понятное толкование, что часто ведет к искажению информации, скрываемой в содержательной составляющей (означаемое) акустического образа (означающее). Например, одним из таких концептов является свобода, трактуемая по-разному в культурах — наследницах западного и восточного христианства, что ведет к смешению и подмене понятий. В подобных случаях представляется совершенно необходимым создание «словаря явлений», где суть каждого явления берется неотрывно от контекста и исследуется в историко-культурологической плоскости.

При выявлении культуруобусловленных трактовок внешне сходных концептов особое значение приобретают дифференцирующие признаки. Именно они способны обогащать взаимодействующие культуры, приводить к общему пониманию явлений, стоящих за этими концептами, и, соответственно, способствовать интеграционным процессам. Положительное применение методики смысловразличения культурных концептов может содействовать, с одной стороны, взаимообогащению представителей общающихся культур через осмысление многозначности смыслов, с другой стороны, устранению негативных последствий, «подводных камней», ведущих к неравновесному непредсказуемому эффекту в развитии диалоговых процессов.

Если рассматривать Калининградский регион как диалоговое поле с точки зрения активизации интеграционных процессов, особенно в туристической сфере, то можно отметить, что исходные объективные данные — геополитическое расположение, богатое культурное наследие народа, населяющего эту территорию, соседство с европейскими государствами, имеющими христианские истоки, —

предполагают положительное решение этого вопроса. В первую очередь наибольшие перспективы открываются для интеграционных процессов именно с европейской цивилизацией. Если в общении с Европой делать акцент на особенностях российской культуры, тогда будет возникать взаимный интерес. В таком случае то общее, что лежит на поверхности, как раз может стать почвой, точкой соприкосновения, способствующей пониманию друг друга, а глубинное несходное будет тем оплодотворяющим общением удобрением.

Аналогичным способом Калининградский регион может активизировать интеграцию с остальной территорией России и быть интересным для ее жителей с точки зрения развития туризма, так как в регионе есть своя оригинальная история, уникальные памятники, тесно связанные с европейской историей и культурой, природные уголки, аналогов которым нет на территории России, знакомство с которыми также может привлекать потоки туристов.

Таким образом, адекватность понимания культурных концептов будет способствовать эффективному взаимодействию культур, а Калининградский регион Юго-Восточной Балтии может получить шанс превращения в «интеграционный мост» в диалоге российской и европейской цивилизаций.

* * *

1. Крукле В. А. Приграничное сотрудничество субъектов экономической деятельности как форма развития предпринимательства // Аксиос. 2014. № 8.

2. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. СПб., 2004.

3. Мошняга Г. В. Межкультурная коммуникация и диалог культур в сфере международного туризма. М.: Логос, 2011.

4. Петружис Г. Улучшение экономических характеристик рекреации и туризма // Аксиос. 2014. № 8.

5. Силина С. Н. Опыт приграничного сотрудничества в Балтийском регионе (Россия и Польша) // Культурный туризм в целях мира и развития: материалы международной конференции. Клайпеда, 2012.

6. Шахов В. А. Культурный туризм в Балтийском регионе в целях мира и развития // Культурный туризм в целях мира и развития: материалы международной конференции. Клайпеда, 2012.

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.881.161.1

С. С. Мигунова

Этапы решения учебной проблемы на уроках русского языка

В статье рассматриваются особенности деятельности учителя и учащихся на каждом этапе решения учебной проблемы в процессе усвоения знаний и способов действий на уроках русского языка.

Ключевые слова: учебная проблема, этапы решения учебной проблемы, способ действия, гипотеза, проверка решения проблемы.

S. S. Migunova. The stages of solving educational problems at the Russian language lessons

The article considers the peculiarities of the activities of teachers and students at every stage in the solution of educational problems in the process of mastering of knowledge and ways of action on the Russian language lessons.

Keywords: training problem, the stages of solving educational problems, mode of action, hypothesis, check the solution.

В стандартах нового поколения выделяется группа метапредметных познавательных результатов обучения, реализуемых во владении универсальными действиями постановки и решения проблем [5, с. 7; 6, с. 68—69].

В психолого-педагогической литературе разработаны различные подходы к сущности учебной проблемы [2; 3 и др.]. В данной статье за основу будет принято понимание учебной проблемы, представленное в работах Е. Л. Мельниковой, которая определяет учебную проблему как этап урока, целью которого является формирование нового знания [1, с. 1]. В школьной практике традиционно рассматривают две формы существования учебной проблемы:

— как основной проблемой урока, совпадающей с его темой, например: правописание одной и двух букв Н в суффиксах прилагательных;

— как не совпадающий с темой урока вопрос, представляющий собой одну из частных проблем, рассматриваемых на уроке. Например (в рамках названной темы): разграничение прилагательных с суффиксом -ин (тополинй) и прилагательных, образованных от существительных, основа которых оканчивается на Н, но имеет в своем составе сочетание букв ИН перед окончанием (длинный). Поскольку написание подобных слов относится к трудным случаям применения правила и традиционно вызывает ошибки учащихся, сопоставление структуры и правописания подобных слов требует специального обсуждения на уроке.

Результат решения любой учебной проблемы состоит в том, что учащиеся открывают неизвестное, которое может представлять собой или «подлежащую усвоению общую закономерность», или «общий способ действия» [2, с. 330]. При изучении русского языка в качестве общей закономерности выступают новые теоретические сведения: орфографические, пунктуационные, грамматические правила, языковые понятия. В качестве способа действия на уроках русского языка может выступать алгоритм применения правила, рассуждение при разборе какой-либо языковой единицы, например доказательство отнесенности определенной словоформы к той или иной части речи и др.

Целью статьи является расчленение целостного процесса решения учебной проблемы и рассмотрение деятельности учителя и учащихся на каждом этапе решения проблем на уроках русского языка.

Первый этап, который можно назвать этапом анализа проблемы, состоит, как указывает А. М. Матюшкин, в том, что «человек привлекает все свои знания и способы действия, актуализация которых позволяет производить анализ (на уроках русского языка речь идет об анали-

зе языковых единиц), а также возможные вспомогательные средства и способы действия, использование которых в прошлой деятельности приводило в сходных ситуациях к успеху» [2, с. 90]. В рассуждении автора выделяется важнейшая особенность выполняемых на этом этапе действий — обращение к прошлому опыту учащихся. Так, опыт изучения морфологии позволяет учащимся предположить, что каждая следующая часть речи обладает теми же особенностями (общее грамматическое значение, морфологические признаки, синтаксическая роль), что и ранее изученные части речи. Вместе с тем ученые выделяют задачи, «относительно которых у решающего нет никакого прежнего опыта» [3, с. 196]. Особенность изучения русского языка состоит в том, что дети овладевают им задолго до начала обучения в школе, поэтому в случае отсутствия у учащихся знаний о языковых понятиях или способов действия, состоящих в анализе языковых единиц, имеется возможность опоры на речевой опыт учащихся. Причем речевой опыт лежит не только в основе изучения собственно речевых тем, таких, например, как «Стили речи», «Текст», «Речевые жанры» («Заметка в газету», «Репортаж» и т. д.). Без опоры на речевой опыт невозможно сознательное усвоение языковых и правописных тем (например, опыт правильного, в соответствии с нормами литературного языка произношения звуков: [щ]астье (счастье), улыба[ца] (улыбаться); или различие на слух восклицательной и невосклицательной интонации (при изучении соответствующих видов предложений в разделе «Синтаксис» и знакомстве с оформлением данных видов предложений с помощью знаков препинания в разделе «Пунктуация»).

Привлечение прежних знаний и способов действия в процессе анализа проблем по русскому языку может осуществляться с помощью разных приемов. Одним из наиболее часто используемых на уроках русского языка приемов является действие по аналогии. М. И. Махмутов следующим образом характеризует особенности деятельности по аналогии в процессе анализа проблемы: «Обнаружив сходство изучаемых явлений с теми явлениями и закономерностями, которые нами изучались ранее, мы делаем предположение, что в данном случае может существовать такая же закономерная связь фактов и явлений, как изученная ранее, может быть применен такой же подход к раскрытию сущности нового явления, как и к ранее изученному явлению, но с некоторыми специфическими особенностями» [3, с. 202].

Например, знакомство с признаками местоимений разных видов (местоимений-существительных, местоимений-прилагательных, местоимений-числительных) основывается на знании учащимися признаков тех частей речи, которые заменяют местоимения. Устанавливается аналогия в процессе анализа языкового материала:

1. На холме стояла береза. Она была старая, с растрескавшейся корой.

2. На левом берегу реки раскинулся парк, на этом же берегу, за парком, началось строительство стадиона.

3. Я купила себе десять тетрадей и столько же сестре.

Задания для учащихся:

1. Почему местоимения называют словами-заменителями?

2. Найдите такие «заменители» в предложениях.

3. Определите, вместо каких слов используются местоимения.

4. Определите морфологические признаки местоимения и слова, которое это местоимение заменяет. Сделайте выводы.

Еще одним способом актуализации прежних знаний, на основе которых проводится анализ проблемы, является обобщение однородных языковых фактов. Так, усвоение правила написания одной и двух букв Н в наречиях может быть организовано следующим образом (форма работы групповая):

Задание для 1 и 2 группы. Изучите материал для анализа. Заполните свободные графы таблицы. Объясните (графически и устно) написание одной и двух букв Н в словах первого столбика. Обоснуйте выбор одной или двух Н в словах второго столбика.

Материал для анализа, предложенный 1 группе

Часть речи	Часть речи
?	?
Ветреная погода	Вести себя ветр..но
Торжественная встреча	Встречать торжестве..о
Туманное утро	Рассуждать тума..о

ветрено ← ?

торжественно ← ?

туманно ← ?

Анализируя предложенные материалы, учащиеся определяют части речи, к которым относятся данные слова, вспоминают правила

написания одной и двух букв Н в отыменных прилагательных, вставляют пропущенные буквы в суффиксы прилагательных, графически объясняя написания, выполняют словообразовательный разбор и затем, сопоставляя написание суффиксов прилагательных и образованных от них наречий, приходят к выводу, который формулируют в виде правила: в наречиях с суффиксами -о, -е пишется столько букв Н, сколько в прилагательном, от которого это наречие образовано.

Материал для анализа, предложенный 2 группе

Часть речи	Часть речи
?	?
Бешеный галоп	Беше..о мчаться
Возмущенный шепот	Возмуще..о шептать
Взволнованный рассказ	Рассказывать взволнова..о

бешено ←———— ?
 возмущенно ←———— ?
 взволнованно ←———— ?

Выполняя действия, аналогичные описанным выше, учащиеся формулируют вывод в виде правила: в наречиях с суффиксами -о, -е пишется столько букв Н, сколько в причастии или отглагольном прилагательном, от которого это наречие образовано.

После того как группы сообщают классу о результатах своих исследований, учащиеся, выполняя задание учителя: сделайте общий вывод о написании одной и двух букв Н в наречиях с суффиксами -о, -е — формулируют единое правило написания суффиксов наречий, образованных от отыменных прилагательных, отглагольных прилагательных и причастий: в наречиях с суффиксами -о, -е пишется столько букв Н, сколько в слове, от которого это наречие образовано.

Итак, на первом этапе решения проблемы учащиеся анализируют представленные данные (языковой материал, вопросы и задания учителя), опираясь на прежний опыт, актуализируют знания и способы действия, содержательно связанные с новой проблемой. Американский педагог Д. Пойа пишет, что на этом этапе решающий должен задать себе следующие вопросы: «Не встречалась ли мне раньше эта задача, хотя бы в несколько другой форме? Есть ли какая-нибудь родственная задача? Нельзя ли воспользоваться ею?

Нельзя ли применить ее результат или использовать метод решения?» [4, с. 202].

Второй этап анализа проблемы можно определить как этап выдвижения гипотез [2, с. 92]. Предупреждая сложившееся в школьной практике понимание гипотезы, М. И. Махмутов следующим образом уточняет сущность данного понятия: «Многие учителя полагают, что если ученик высказал предположение, то это уже означает выдвижение гипотезы. Такое представление о природе гипотезы не отвечает действительности. Гипотезой может считаться не любое, а, как правило, только обоснованное предположение» [3, с. 200]. На этапе выдвижения гипотез решающий проблему соотносит актуализированные знания и способы действия с новыми условиями; последовательно перебирая гипотезы, отказываясь от одних как несостоятельных, рассматривает следующие до тех пор, пока не выделит решающую (по Е. Л. Мельниковой) [1, с. 15], то есть правильную, приводящую к решению проблемы гипотезу. М. И. Махмутов выделяет два пути «развития гипотезы, т. е. логического процесса ее выдвижения, обоснования и доказательства»: а) путь дедуктивного выведения гипотезы из уже известных теорий, идей, принципов, законов и правил; б) путь индуктивного построения гипотезы на основе фактов, явлений, известных из жизненного опыта, полученных в результате наблюдений или эксперимента [3, с. 201—202]. В школьной практике, в том числе и на уроках русского языка, в процессе решения учебных проблем используются оба пути. Дедуктивный путь применим в тех случаях, когда учащиеся уже имеют опыт решения аналогичных проблем. Например, со слитным и отдельным написанием частицы НЕ с причастиями учащиеся знакомятся, когда им уже известны правила написания частицы НЕ с существительными и прилагательными. Поэтому, анализируя написание причастия в составе словосочетания *вовсе (не)обоснованное решение*, ученик рассуждает следующим образом: частица *вовсе* является условием отдельного написания НЕ с существительными (*он мне вовсе не друг*) и с прилагательными (*вовсе не знакомая местность*); актуализация прежнего опыта по анализу известных орфограмм позволяет выдвинуть гипотезу: «Наверное, наличие частицы *вовсе* является условием отдельного написания и в случае написания частицы НЕ с причастием».

Индуктивный путь выдвижения гипотезы используется в тех случаях, когда в прежнем опыте учащихся отсутствуют знания или способы действия, на которые учащиеся могут опереться при анализе проблемы. Так, например, с теоретическими сведениями о трех видах сложных предложений и о постановке запятой между частями сложного предложения любого вида учащиеся знакомятся при изучении пропедевтического курса синтаксиса в 5 классе. В 9 классе школьники впервые узнают о том, что между частями бессоюзного сложного предложения могут ставиться, кроме запятой, двоеточие и тире. Поскольку с условиями выбора этих пунктуационных знаков учащиеся незнакомы, их действия по выдвижению гипотез будут основываться на анализе языкового материала, предложенного учителем. Деятельность учащихся по выдвижению гипотез может быть организована следующим образом (см. табл. 1).

Как отмечает М. И. Махмутов, «процесс доказательства гипотезы осуществляется путем выведения из нее следствий» [3, с. 203]; таким следствием является вывод о состоятельности или несостоятельности гипотезы. Если в результате выдвигается решающая гипотеза, поиск гипотез заканчивается. Однако все выдвинутые гипотезы могут оказаться, как в приведенном выше примере, несостоятельными, решающую гипотезу учащиеся не находят. В такой ситуации следующим этапом решения учебной проблемы становится подсказка учителя [1, с. 15]. В зависимости от характера языкового материала в качестве подсказки может быть названо:

- условие выбора орфограммы;
- условие выбора знака препинания;
- морфологический признак языковой единицы;
- роль языковой единицы в предложении, тексте;
- лексическое значение слова, значение фразеологического оборота и др.

Рассмотрим, как может быть организована работа по выдвижению решающей гипотезы в процессе изучения правила постановки тире в бессоюзном сложном предложении (продолжение решения проблемы о постановке тире в бессоюзном сложном предложении) (см. табл. 2).

Последний этап решения проблемы состоит в проверке правильности выполненного решения. Реализация проверки решения про-

Таблица 1

Деятельность учителя	Деятельность учащихся
<p>Прочитайте предложения. Попробуйте объяснить, от каких условий зависит постановка тире в бессоюзных сложных предложениях.</p> <p>1. Любишь кататься — люби и саночки возить. (предложения выводятся на экран по одному)</p> <p>2. Чтобы продемонстрировать учащимся несостоятельность первой гипотезы, учитель предлагает следующее предложение: Чин следовал ему — он службу вдруг оставил.</p> <p>3. С той же целью предъявляется третье предложение: Раздался крик — все высыпали во двор.</p> <p>4. Опровергнуть выдвинутую гипотезу поможет анализ следующего предложения: Листья, осыпаясь, ложатся лицевой стороной вверх — жди холодной зимы.</p>	<p>Первая гипотеза на основании анализа первого предложения: тире ставится, если бессоюзное сложное предложение является пословицей.</p> <p>Вторая гипотеза на основании анализа второго предложения: тире ставится, если бессоюзное сложное предложение является пословицей или афоризмом.</p> <p>Третья гипотеза на основании анализа третьего предложения: тире ставится, если бессоюзное сложное предложение небольшое по объему, простые предложения в его составе не осложнены.</p>

исходит в практической деятельности учащихся. При решении проблем по русскому языку могут быть использованы следующие приемы проверки:

1. Работа с разными видами словарей:

1) работа с орфографическим словарем используется в тех случаях, когда анализируются условия выбора орфограммы (написание одной и двух букв Н в прилагательных и т. п.);

Таблица 2

Проблема	Деятельность учителя	Деятельность учащихся
Тире в бессоюзном сложном предложении	<p style="text-align: center;">Подсказка</p> <p>Вы убедились в том, что все предложенные вами гипотезы неверны. Попробуйте задать вопрос от одной части сложного предложения к другой в предложении <i>Любишь кататься — люби и саночки возить.</i></p> <p>Определите по вопросу грамматическое значение предложения Решающая гипотеза Значит, от чего зависит пос по постановка тире в БСП? Уточнение учителя От смысловых отношений между частями БСП (времени, условия, следствия, сравнения и др.)</p>	<p><i>Люби и саночки возить (при каком условии?) (если) любишь кататься.</i></p> <p>Значение условия</p> <p>От грамматического значения предложения</p>

2) работа с одним из лексических словарей: толковым, фразеологическим, словарем паронимов и др. (если содержанием проблемы является анализ значения слова или фразеологического оборота);

3) работа с этимологическим словарем (когда решение проблемы требует обращения к происхождению слова, например в процессе анализа написания двух букв Н в слове *гуманный* обращение к этимологическому словарю помогает учащимся определить производящую основу и убедиться, что в данном слове не выделяется суффикс -ан).

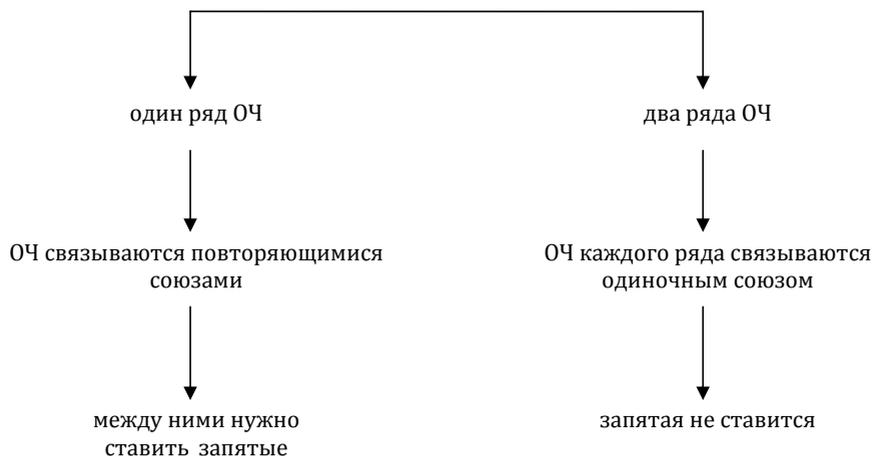
2. Составление алгоритма выполнения действий, например действий по применению правила, или образца рассуждения о признаках языкового понятия. Так, в рамках изучения темы «Запятая при однородных членах предложения» может быть организовано решение частной проблемы, содержанием которой является разграничение:

1) повторяющихся союзов при однородных членах одного ряда, например: *Полили дожди, и растрепали сад, и прибили к земле почернелую траву;*

2) одиночных союзов, связывающих однородные члены двух рядов, например: *Вдали пестрели и цвели луга и нивы золотые.*

Процесс решения проблемы заканчивается составлением алгоритма.

Определи, сколько рядов ОЧ в предложении

Последовательно выполняя шаги в соответствии с составленным алгоритмом, учащиеся имеют возможность проверить свои действия.

3. Выведение на экран (запись на доске) правильно написанного слова с изучаемой орфограммой (предложения с расставленными пунктуационными знаками; результатов частичного разбора, например, при определении морфологического признака словоформы и т. п.).

Развитие у учащихся умения видеть проблему, последовательно проходить все этапы ее решения реализует требования стандарта

нового поколения и, следовательно, способность организовать работу по формированию названных умений является одним из составляющих профессиональной компетентности учителя.

* * *

1. Мельникова Е. Л. Технология проблемного диалога: методы, формы, средства обучения. URL: http://nachalka1.4.ucoz.ru/tehnologiya_problemnogo_dialoga.pdf (дата обращения: 11.12.2017).

2. Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Педагогика, 1972. 392 с.

3. Махмутов М. И. Проблемное обучение. Основные вопросы теории. М.: Педагогика, 1975. 368 с.

4. Пойа Д. Как решать задачу. М.: Учпедгиз, 1959. 207 с.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: <http://standart.edu.ru> (дата обращения: 11.12.2017).

6. Фундаментальное ядро содержания общего образования / под ред. В. В. Козлова, А. М. Кондакова. М.: Просвещение, 2011. URL: <http://avkrasn.ru/article-435.html> (дата обращения: 11.12.2017).

УДК 371.1

И. А. Салыгина

Профессиональное сообщество обучения как путь реализации национальной системы учительского роста

В статье осуществлен анализ зарубежной литературы о развитии профессиональных сообществ обучения, приведены результаты поиска по запросам «Professional learning communities» и «Профессиональные сообщества обучения» (точное соответствие) в базах научной периодики, рассмотрены подходы к определению термина «профессиональное сообщество обучения», дано определение и раскрыта сущность профессионального сообщества обучения, выявлены общие черты, характерные для понимания профессиональных сообществ обучения, проанализированы две модели профессиональных сообществ обучения.

Ключевые слова: профессиональное сообщество обучения, обучение для всех, модель профессионального сообщества обучения, субъекты сообщества обучения, стратегия реализации определенного типа школьной культуры.

I. A. Salygina. The professional learning community as a way to implement the national system of teacher growth

In the article foreign literature which speaks about the development of professional learning communities is analyzed, the results of the search for queries «Professional learning communities» and «Professional learning communities» (exact correspondence) in the databases of scientific periodicals are presented, approaches to the definition of the term «professional learning community» the definition and the essence of the vocational training community are revealed, common features which characterise the understanding of professional learning communities are revealed, two models of professional learning community are analyzed.

Keywords: professional community of learning, training for all, model of professional learning community, subjects of the learning community, strategy for implementing a certain type of school culture.

В настоящее время идет поиск путей реализации национальной системы учительского роста. Перспективным выступает исследование форм, методов и технологий развития педагогов. Особое место занимает идея понимания профессионального сообщества как одного из значимых факторов развития личностного и профессионального потенциала учителя, его капитала. Профессиональное сообщество обучения призвано повысить профессионализм учителя и эффективность обучения учащихся.

Важно отметить, что идея профессиональных сообществ обучения была заимствована из бизнеса [1], а именно из идей демократического управления, развития лидерства и философии качества, которые приводят к совершенно новым перспективам развития практически любой организации. Бизнес, сосредоточенный на продукте и эффективном менеджменте, стал образцом для государственных образовательных учреждений в плане того, каким образом затрачиваемые ресурсы связаны с ожидаемыми результатами в условиях постоянных изменений внешней среды. В этих условиях, в частности, топ-менеджмент не может в полной мере нести ответственность за то, как функционирует организация. Функция ответственности (а вместе с ней и функция определенной свободы) должна стать присущей каждому элементу системы [4].

Термин «профессиональное сообщество обучения» («Professional Learning Community») уже получил широкое распространение за рубежом, и только-только набирает свою популярность в России. Если в отечественных базах счет идет на единицы, то в зарубежных результаты поиска исчисляются десятками тысяч научных статей, монографий и материалов конференций по тематике профессиональных сообществ обучения.

В России более принятым является термин «профессиональное педагогическое сообщество». Однако и оно не представляет собой распространенных исследований, а скорее выступает маркером определенной традиции формальной (чаще всего предметной) самоорганизации учителей, начало которой было положено еще в советской школе. Даже «виртуальная» версия профессиональных сообществ (сетевые профессиональные сообщества учителей), как правило, носит «предметный» характер.

Одним из существенных нововведений стало развитие в образовательных институтах таких профессиональных сообществ, которые

**Результаты поиска по запросам «Professional learning communities»
и «Профессиональные сообщества обучения»
(точное соответствие) в базах научной периодики**

База	Запрос	Число результатов за все время	Число результатов за 2010—2017 гг.
Elibrary	Профессиональные сообщества обучения (в названии публикации)	13	13
Elibrary	Профессиональные обучающие сообщества (в названии публикации)	2	1
Elibrary	Профессиональные педагогические сообщества (в названии публикации)	55	38
Google Scholar	Профессиональные педагогические сообщества	1	1
Google Scholar	Профессиональные сообщества обучения	1	1
Google Scholar	Профессиональное образовательное сообщество	55	31
Google Scholar	Professional learning communities	33 000	18 300
JSTOR	Professional learning communities (раздел Education)	22 100	3 188
SAGE	Professional learning communities (раздел Education)	38491	10343
SinceDirect	Professional learning communities	55 306	24 835
Taylor& Francis Online	Professional learning communities (раздел Education)	85 237	28 696

перефокусировали цель образовательного процесса с формально-го усвоения знаний на приобретение навыков, и самое главное — на укрепление различного рода социальных связей. Развитие и совершенствование этих сообществ привело к формированию определенных стабильных черт, которые впоследствии были концептуализированы термином «профессиональные сообщества обучения».

С начала 1990-х годов профессиональные сообщества обучения стали объектом многочисленных исследований; наиболее важные и высоко цитируемые сегодня [9; 34] были выполнены в 2000-е годы. Дж. Хуффман (Jane Huffman) и ее соавторы отмечают, что, несмотря на то, что долгое время идея профессиональных сообществ обучения оставалась сугубо американской, сегодня она распространяется по всему миру как модель трансформации школьного образования [8]. В частности, она набирает популярность в Шанхае, Сингапуре, Гонконге, Южной Корее и др.

Исследователи считают, что участие в профессиональных сообществах является основой развития коллективного потенциала образовательной организации. Перенесенная из бизнеса и соответствующая целевым ориентирам государства идея была достаточно простой: увеличение профессионализма только одного педагога не приведет к системному совершенствованию школы и образовательного процесса. Только поступательный, ежедневный, непрерывный подход к развитию каждого педагога в организации может создать развивающуюся образовательную среду, в которой можно учитывать интересы каждого ученика и конструировать современные образовательные и социокультурные практики.

Несмотря на популярность идеи, в научной литературе до сих пор нет единого определения термина «профессиональное сообщество обучения». Скорее он представляет собой так называемый зонтичный термин, объединяющий различные подходы и трактовки данного понятия. Среди них можно выделить два основных подхода.

Первый подход рассматривает профессиональные сообщества обучения на уровне субъектов. Одной из первых работ, в которой был отражен данный ракурс, стала книга Р. Дюфура (Richard DuFour) и Р. Икера (Robert Eaker) «Профессиональные сообщества обучения в действии: лучшие практики для достижений студентов» [6]. В данной работе рассматривается идея коллективного обучения педаго-

гов как основы самоопределения и построения профессионального сообщества. У этой деятельности есть не только простая и понятная цель (совершенствование учеников и их достижений), но также и достижимый и понятный инструментарий — коллективная, а не индивидуальная работа. Идеи Дюфура и Икера получили распространение в научной литературе и были развиты в статьях других исследователей. Например, Л. Штолл (Louise Stoll) и К. С. Луис (Karen Seashore Louis) определяют профессиональное сообщество обучения как группу, состоящую из людей, которые поддерживают друг друга, и учатся вместе, и находят новые пути к совершенствованию своей практики и к повышению знаний своих учеников [12]. Организация совместной деятельности субъектов может иметь различие в целях, функциях, установках, ценностях и организационных особенностях. Однако общим остается рефлексивное групповое обучение как для педагогов, так и для учащихся.

Во втором подходе профессиональные сообщества обучения рассматриваются как процесс или стратегия реализации определенного типа школьной культуры. Так, А. Тэм (Angela Choi Fung Tam) определяет профессиональные образовательные сообщества в качестве стратегии для улучшения успеваемости учащихся, которая фокусируется на создании совместной культуры образовательной организации, ориентированной на обучение [13]. Профессиональное сообщество обучения представляет собой непрерывный процесс совместной работы, а значит, и формирования общеразделяемых ценностей, которые, в свою очередь, приводят к развитию культуры профессионального самосовершенствования и распространению опыта. В работах, которые рассматривают культурное измерение профессиональных сообществ обучения, заметно влияние ставшей уже классической идеи М. Фуллана (Michael Fullan) о том, что внедрение данной практики означает идею смещения школьных трансформаций от изменения структуры к изменению культуры [7].

Одним из важнейших элементов такой культуры является совместная работа. А одним из вариантов организации совместной работы является кураторская методика. Она возникла как результат проведения в российских школах исследования «Социальный капитал образовательной организации» [3, с. 15—23]. При реализации данной методики формируются пары учителей, которые наблюда-

ют за практикой друг друга. Куратор — третий человек, организующий обсуждение между учителями и обеспечивающий психологическую безопасность. Одна из задач куратора — осуществлять постановку задач перед участниками взаимодействий. Взаимное наблюдение осуществляется за конкретным аспектом урока/занятия по четко определенному плану наблюдений [2].

Понимание составных частей профессиональных сообществ обучения также имеет вариации в научной литературе. Однако они характеризуют не только и не столько разницу в подходах к пониманию, что такое профессиональные сообщества обучения, но и в большей степени — эволюцию осмысления данного феномена. Рассмотрим, например, две модели профессиональных сообществ обучения (рис. 1). Первая из них была опубликована К. Кревола (Carmen Crevola), П. Хиллом (P. Hill) и М. Фулланом (Michael Fullan) в 2006 году, а вторая — Дж. Хуффман (Jane V. Huffman), Д. Оливер (Dianne F. Olivier) и др. в 2016 году. Несмотря на то что обе модели изображе-

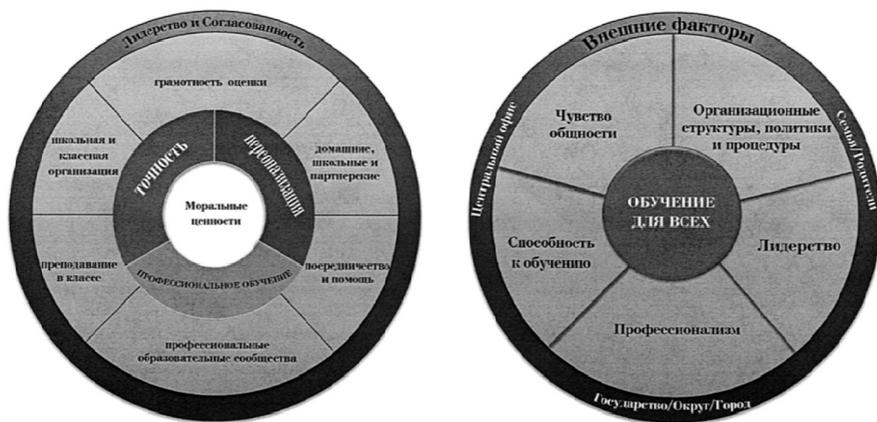

Рис. 1. Структура профессионального сообщества обучения: сравнение моделей

Источник рисунка слева: Carmen Crevola, Peter Hill, and Michael Fullan, «Critical Learning Instructional Path: Assessment for Learning in Action» *Orbit* 36, no. 10—14 (2006), <http://michaelfullan.ca/wp-content/uploads/2016/06/13396073260.pdf> [5].

Источник рисунка справа: Jane V. Huffman et al., «Global Conceptualization of the Professional Learning Community Process: Transitioning from Country Perspectives to International Commonalities» *International Journal of Leadership in Education* 19, no. 3 (May 26, 2016): 327—51, doi:10.1080/13603124.2015.1020343 [8].

ны в форме круга, разделенного на сегменты, за 10 лет наполнение несколько изменилось. Прежде всего, оно стало более конкретным: вместо «моральных ценностей» в качестве цели используется «обучение для всех». Важным является включение внешних факторов, то есть субъектов окружающей среды (городской или региональной администрации; семьи; центрального офиса, роль которого в российских условиях выполняет региональный методический совет), в модель профессионального сообщества обучения. Без устойчивых связей с этими субъектами построить и поддерживать любые изменения в образовательной системе невозможно.

Несмотря на то что данная идея в 2016 году представлена в работе Дж. Хуффман и ее коллег, она также присутствует в работах авторов модели 2006 года. В частности, М. Фуллан (Michael Fullan) говорил о том, что любое профессиональное сообщество обучения — это итог трехуровневого взаимодействия, в котором принимает участие школа, регион и государство в целом [7]. Уровень школы — это непосредственное «поле действий», поэтому ему посвящено больше всего внимания в исследовательской литературе. Однако уровень региона и государства в целом не менее важны. На уровне государственной политики ставится сама задача изменения школьной модели. Как подчеркивает Фуллан, это прежде всего предполагает необходимость наличия у политиков знаний о строительстве потенциала и умения использовать эти знания наряду с отчетностью («существует насущная необходимость системных мыслителей, способных действовать» [7, с. 217]).

На уровне региона руководство определяет приоритеты, связанные с формированием и реализацией коллективных моральных ценностей и целей, организует структуры и распределяет полномочия внутри структур адекватно поставленным задачам, обеспечивает постоянное развитие лидерских качеств у тех, кто в этом процессе занимает ключевые позиции и формирует такие стратегии, в результате которых школы учатся друг у друга. Фуллан называет это термином «фланговое строительство потенциала» [7, с. 213].

Следует отметить, что создание и поддержание функционирования профессиональных сообществ обучения — это системно ориентированный процесс, который невозможно организовать легко и быстро, он требует определенной стратегии, тактики и методики.

Итак, несмотря на разницу в подходах, существуют общие черты, характерные для понимания профессиональных сообществ обучения. Они включают в себя:

1) ориентацию на развитие *лидерства* во многих его проявлениях (учитель как лидер для своих учеников; коллега как лидер в какой-то области, способный передать свой опыт другим коллегам; школьный администратор как лидер-организатор и так далее);

2) фокус на *повышение образовательных результатов* учащихся;

3) общее видение развития образовательной организации (школы), общее понимание *целей* ее функционирования;

4) *культуру поддержки*, развитую на уровне профессионального взаимодействия администрации и учителей, учителей и учеников, внутри учительского коллектива;

5) *коллективный характер действий* по формированию и функционированию профессиональных сообществ обучения: взаимодействие основных субъектов процесса (учителей, администрации, родителей, местного сообщества и власти);

6) *активную практику взаимодействия учителей на основе профессиональной коммуникации*. Эта практика — суть некоторая форма коллективного общения, которая может быть реализована как при непосредственном, личном контакте, так и онлайн. Ее цели заключаются как в развитии профессиональных знаний и навыков самих учителей, так и в достижении высоких результатов учениками. Ее инструментами являются непрерывная профессиональная коммуникация, обучение в большей степени через практику, чем через теорию, и закрепление знаний и навыков действием (то есть в рамках концепции «знания—умения—навыки» достижение обучающимися наивысшего образовательного результата — реальных навыков);

7) *наличие вертикальных и горизонтальных связей, построение сетей*.

Очевидно, что профессиональные сообщества обучения являются *новой технологией организации работы образовательной организации в целом*, при которой иерархизированная вертикальная структура взаимодействия администрации с учителями замещается (частично или полностью) горизонтальной или сетевой структурой вовлечения в общий процесс всех субъектов взаимодействия,

основными из которых являются учителя, ученики, администрация и местное сообщество, включая родителей. Процесс обучения в этом случае превращается из закрытого, внутришкольного, в открытый, публичный, а распространение лучшего учительского опыта начинает носить не исключительный, а поточный (повседневный) характер.

Мы считаем, что профессиональное сообщество обучения — это активная практика взаимодействия учителей на основе профессиональной коммуникации, имеющая вертикальные и горизонтальные связи, характеризующаяся системой лидерства, общей системой ценностей и целей, системой поддержки, открытостью и направленностью на повышение образовательных результатов учащихся. Роль профессиональных сообществ обучения заключается в повышении эффективности образовательного процесса и квалификации педагогов, формировании новых компетенций, а также обеспечении инклюзии молодых педагогов в образовательную и управленческую структуру школы.

Таким образом, профессиональное сообщество обучения учителей выступает новой образовательной практикой и требует дальнейшего изучения.

* * *

1. Кузьминов Я. И., Фрумин И. Д., Захаров А. Б. Российская школа: альтернатива модернизации сверху // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 5—53.

2. Куксо Е. Н. Десять эффективных способов улучшения качества преподавания в школе. М.: Национальный книжный центр; ИФ Сентябрь. 2016. 192 с.

3. Ушаков К. М. Задачник для куратора // Директор школы. 2015. № 7. С. 15—23.

4. Burnes, Bernard, Cary Cooper, and Penny West. «Organisational Learning: The New Management Paradigm?» *Management Decision* 41, no. 5 (June 2003): 452-64. doi:10.1108/00251740310479304.

5. Crevola, Carmen, Peter Hill, and Michael Fullan. «Critical Learning Instructional Path: Assessment for Learning in Action» *Orbit* 36, no. 10—14 (2006). <http://michaelfullan.ca/wp-content/uploads/2016/06/13396073260.pdf>.

6. DuFour, Richard, and Robert Eaker. *Professional Learning Communities at Work: Best Practices for Enhancing Student Achievement*. Bloomington, IN: Solution

Tree Press, 1998. https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=y2IXBwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR5&dq=dufour+professional+learning+communities&ots=jK7laIEZcP&sig=drK6rNviQgwr6QrAsNHQPYt27r8&redir_esc=y#v=onepage&q=dufour+professional+learning+communities&f=false

7. Fullan, Michael. «Professional Learning Communities Write Large» In *On Common Ground*, edited by Rebecca Dufour and Robert Eaker, 209-23. Bloomington, IN: National Education Service, 2005.

8. Huffman, Jane B., Dianne F. Olivier, Ting Wang, Peiyong Chen, Salleh Hairon, and Nicholas Pang. «Global Conceptualization of the Professional Learning Community Process: Transitioning from Country Perspectives to International Commonalities» *International Journal of Leadership in Education* 19, no. 3 (May 26, 2016): 327-51. doi:10.1080/13603124.2015.1020343.

9. Ho, Dora, Moosung Lee, and Yue Teng. «Exploring the Relationship between School-Level Teacher Qualifications and Teachers' Perceptions of School-Based Professional Learning Community Practices» *Teaching and Teacher Education* 54 (2016): 32—43. doi:10.1016/j.tate.2015.11.005.

10. Hough, David, Sue C Thompson, Larry Gregg, and John M Niska. «Professional Learning Communities, Leadership, and Student Learning» *Research in Middle Level Education Online* 28, no. 281 (2004). <http://www.nmsa.org/Publications/RMLEOnline/tabid/101/Default.aspx>

11. Louis, Karen Seashore, and Kyla Wahlstrom. «Principals as Cultural Leaders» *Phi Delta Kappan* 92, no. 5 (February 2011): 52—56. doi:10.1177/003172171109200512.

12. So, Kyunghye, and Jiyoung Kim. «Informal Inquiry for Professional Development among Teachers within a Self-Organized Learning Community: A Case Study from South Korea» *International Educational Studies* 6, no. 3 (2013): 105—15.

13. Tam, Angela Choi Fung. «The Role of a Professional Learning Community in Teacher Change: A Perspective from Beliefs and Practices.» *Teachers and Teaching* 21, no. 1 (January 2, 2015): 22—43. doi:10.1080/13540602.2014.928122.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Дорогова Людмила Николаевна, доктор философских наук, профессор, зав. научно-исследовательским сектором Тольяттинской консерватории, заслуженный работник высшей школы РФ (Россия, Тольятти).

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии и массовых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск).

Котылев Александр Юрьевич, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Круглова Лариса Константиновна, профессор кафедры философии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Россия, Санкт-Петербург).

Лобанова Марина Максимовна, студент V курса (направление «Педагогическое образование, Культурологическое образование») Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Люсий Александр Павлович, доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор Гуманитарного университета телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина (Россия, Москва).

Мельникова Алина Юрьевна, аспирант Пермского государственного института культуры, старший преподаватель кафедры социально-культурных технологий и туризма Пермского государственного института культуры (Россия, Пермь).

Мигунова Светлана Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Муравьев Виктор Викторович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Салыгина Ирина Алексеевна, аспирант кафедры педагогики и андрагогики Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования (Россия, Санкт-Петербург).

Скрипачева Ирина Александровна, доктор культурологии, ректор Тольяттинской консерватории (Россия, Тольятти).

Сулимов Владимир Александрович, доктор культурологии, доцент, зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Шахов Вячеслав Александрович, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Калининградского государственного технического университета, заслуженный работник культуры РФ (Россия, Калининград).

Шиндина Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии культуры и культурологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (Россия, Саратов).

Периодическое издание

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный и методический журнал

№ 1(27) 2018

Редактор *Л. В. Гудырева*

Корректор *С. Б. Свигова*

Верстка и компьютерный макет *Т. В. Матвеевой*

Тех. редактор *Н. Е. Чаркова*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 30.03.2018. Дата выхода в свет 4.04.2018.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 9,1. Уч.-изд. л. 8,5.

Заказ № 87. Тираж 500 экз.

Адрес типографии:

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина

167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25